Истории любви

Карина ФОЛИЯНЦ

ГРЕХИ И СВЯТОСТЬ

КАК ЛЮБИЛИ МОНАХИ И СВЯЩЕННИКИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга – рассказ о непростых судьбах неординарных, ярких и хорошо известных людей, которых объединяет одно: они (кто по доброй воле, а кто вопреки ей) посвятили свою жизнь служению Богу. Они священники, монахи и монахини. Вся их жизнь, все устремления должны быть посвящены Богу. Остается ли место для любви земной? И могла ли она быть? А если была, то не стала ли она преступлением против принятых обетов?

Для кого-то из героев книги монастырские стены стали спасением от гибельной страсти. Для кого-то страсть оказалась выше желания жить праведно и безгрешно. А кто-то сознательно отказался от мирского счастья во имя высоких духовных идеалов…

- Каринэ Фолиянц
  - Западная Европа
    -
    - Желтый цветок шафрана
    - «Потеряв Вас, я потеряла все…»
    - Кровосмесительная страсть
    - Незримое присутствие
    - Монахиня и разбойник
    - Два кардинала и одна королева
    - Светские аббаты
    - Подлинная история Манон
    - Дело о колье
    - Путь в революцию
    - Отравительница
  - Россия
    -
    - Счастье в «неравном браке»
    - «Стояние за веру»
    - «Бог нам заступник!»
    - Высокородные монахини
    - «Добровольный» постриг
    - Какие посулы сулил?
    - Не рой яму другому…
    - «Смирная» монахиня Елена
    - «…В любви верна»
    - Блаженная вдова
    - Блаженны непорочные в пути…
    - Огромное сердце

- Роза без шипов
- «Любовь Лизы не ищет царств…»

Каринэ Фолиянц
Грехи и святость. Как любили монахи и священники

Западная Европа

В среде христианской Церкви непрестанно велись (и по сей день ведутся) споры о том, может ли служитель церкви быть женатым или же он должен всячески избегать плотских соблазнов. Аскетическое направление существовало во всех религиях, и потому нет ничего странного, что подобные взгляды перекочевали в христианство. Жрецы многих древних религий не только проповедовали воздержание, но и скопили себя, желая стать исключительно «носителями духа». Моисей, принимая скрижали Завета, отослал свою жену. Давид проповедовал воздержание. Первохристианская секта ессеев не ограничивалась только проповедью воздержания, а довольно резко демонстрировала отвращение к женщине. В общем, многие представители разных религий выказывали презрение к телу (не только женскому, но и своему), превозносили аскетизм, мученичество и отвращение к женщине.

С появлением христианской Церкви положение нисколько не изменилось. И хотя поначалу никаких официальных решений принято не было, при продвижении по служебной лестнице предпочтение оказывалось тем священникам, которые не были женатыми – целомудрие поощрялось. Всех и вся приучали к мысли, что настоящим пастырем может быть только такой священник, который полностью отказался от личной жизни ради служения Христу.

Споры о безбрачии продолжались, и это были не единственные противоречия в церковной среде. К сожалению, с годами противоречия эти росли и росли и, в конце концов, выросли в самое настоящее противостояние, которое привело к расколу между католической Западной церковью и православной Восточной.

Но вернемся к интересующему нас вопросу. На Оранжском Соборе в 441 году всем священникам был предписан целибат – обязательное безбрачие. Однако Восточная церковь позволяла священникам вступать в брак. Впрочем, надо отметить, что многие «западные» священники тоже не исполняли решение Оранжского Собора.

Некоторые рассуждали так: основатель Церкви, апостол Павел, никогда не требовал отказа от супружества. Это было совершенно добровольное дело. Если кто-то из служителей церкви пожелает ради служения Христу отказаться от семейной жизни, то он может это сделать. Но всегда следовало помнить, что семейная жизнь – лучшая школа христианства.

Конечно, сам апостол Павел счел лучшим не обременять себя семьей, однако стоит учитывать, какую миссию он выполнял и в каких условиях он проповедовал. К тому же, повторимся, он не требовал безбрачия от других служителей.

Католические священники долго не принимали решение Оранжского Собора, и даже еще в XIII веке они совершенно открыто вступали в брак. И это при том, что в 1143 году на Латеранском Соборе подобные браки были объявлены недействительными.

На нескольких последующих Соборах епископы требовали отменить целибат, но тут выступили протестанты с обличениями царящего среди католического духовенства разврата. И Рим был вынужден только усилить строгости в этом вопросе.

А в 1967 году папа римский Павел VI подтвердил незыблемость целибата.

Но у обязательного безбрачия, помимо удаления от плотских грехов и сохранения духовной и физической чистоты, была еще одна сторона. Возможно, именно она делала церковных иерархов такими требовательными. Как вы знаете, Церковь, особенно в западном патриархате, имела обширные землевладения. Церковные власти смотрели на целибат как на средство сохранения земельной собственности за Церковью. Поскольку у священнослужителей не было семей, то земельная собственность оставалась в руках Церкви и не переходила в руки возможных наследников. Как видите, причина для целибата весьма серьезная…

Однако введение целибата явилось серьезным отступлением католической церкви от первохристианства. Для большинства священников отказ от супружеской жизни стал непосильным бременем. И в конечном итоге целибат вовсе не приблизил духовенство к Богу, не сделал священников святее, наоборот, он удалил их от Бога и утопил многих представителей духовенства в омуте тайного (а порой и вполне явного) разврата.

Возможно, не стоило Церкви идти против природы человеческой, установленной Свыше…

Желтый цветок шафрана

Святой Валентин

В середине февраля отмечается День святого Валентина – покровителя всех влюбленных. Это очень романтичный праздник: в этот день люди признаются друг другу в любви и дарят подарки и открытки-«валентинки».

История Дня святого Валентина, как и самого святого, не вполне ясна. Однако мы знаем наверняка, что праздник этот уходит своими корнями в древние христианские и античные римские традиции.

По одной из версий, он восходит к римскому празднику плодородия, посвященному Юноне, богине брака, материнства и плодородия. В этот день все оставляли свои будничные дела и веселились. Девушки писали любовные письма и бросали их в огромную вазу, а мужчины наугад вынимали письмо, и каждый принимался ухаживать за той девушкой, чье любовное письмо он вытащил. Целью праздника было найти свою половинку, поэтому в итоге празднования создавалось большое количество семей.

По другой версии, День святого Валентина вырос из древнеримского праздника Луперкалий, который проводился в честь бога Фавна (Луперком его звали потому, что он считался защитником стад от волков). Праздник этот отмечался 15 февраля и был посвящен древнейшей магии плодородия и изобилия.

В античной Греции такой же праздник назывался Панургии. В этот день устраивались ритуальные игрища в честь бога Пана (у римлян – Фавна), также покровителя стад, лесов, полей и плодородия. Главный бог пастухов, Пан, изобрел свирель, на которой играл виртуозно и под ее звуки часто плясал в рощах с нимфами.

Все эти древние праздники можно считать языческими предвестниками Дня всех влюбленных.

Однако есть исследователи, которые считают, что когда-то в эти дни праздновались так называемые «Птичьи свадьбы». Раньше полагали, что птицы образуют брачные пары именно во вторую неделю второго месяца года. А еще надо отметить, что этот праздник совпадает с древнеримской традицией гадания во время новогодних празднований, поскольку по римскому календарю новый год наступал именно в середине февраля.

В конце XVII века придворный летописец английского двора

Сэмюэль Пепис сделал запись о том, что 14 февраля влюбленным следует обмениваться небольшими подарками – перчатками, кольцами, конфетами. Примерно с этого времени и вошло в обычай в День святого Валентина дарить друг другу сладости обязательно в форме сердца.

В Западной Европе День святого Валентина отмечается с XIII века, в США – с 1777 года. Совсем недавно этот праздник стал приживаться и у нас, в России. Теперь День святого Валентина знают все. И в этот день на улицах городов много улыбок, цветов, «валентинок», и люди спешат поздравить своих возлюбленных.

Но пора рассказать и о самом святом Валентине и о его любви. Запретной любви.

Однако сначала надо сказать, что по легендам и историческим рассказам получается, будто святых Валентинов, умерших в Древнем Риме в 269 (по другим источникам в 270) году и почитаемых в один и тот же день, было два. Истинные деяния их давно перепутались и слились, и теперь уже никто точно не помнит, кому же именно был посвящен праздник. Известно только, что один из них был в Риме проповедником и врачом. По указу императора Клавдия он был казнен. Другой Валентин, епископ Тернийский, жил недалеко от Рима и погиб смертью мученика от рук язычников в том же 269 (270) году.

Обе легенды очень схожи, но в каждой есть что-то свое, особенное…

Итак, некогда в древнем Риме жил врач по имени Валентин. Его называли «гастрономическим доктором», поскольку он всегда старался сделать лекарства, которые выписывал больным, приятными на вкус. Для этого он смешивал горькие микстуры с вином, молоком или медом. Раны он промывал вином, настоянным на целебных травах, а для облегчения боли использовал отвары трав с медом. Валентин был не только врачевателем, но и проповедником. И, несмотря на то что в те времена на христиан в Риме шли гонения, он стал священником новой религии. Тогда страной правил император Юлий Клавдий II, который славился тем, что вел множество захватнических войн. Как-то раз Клавдий рассудил, что настоящим солдатом может быть только одинокий солдат, которого не отвлекают от службы ни жена, ни дети. И в результате император запретил женщинам выходить замуж, а своим воинам жениться. Но молодой священник Валентин, видевший всю несправедливость закона, вопреки указу императора, продолжал совершать обряды бракосочетания. Правда, венчания проходили тайно.

Однажды в дверь Валентина постучал тюремщик римского императора. Он привел к врачевателю свою слепую дочь.

Тюремщик узнал о целительском искусстве Валентина и умолял его излечить дочь от слепоты. Валентин, осмотрев девушку, понял, что ее недуг неизлечим, однако пообещал сделать все, что в его силах, чтобы помочь ей. Он приготовил особую мазь для глаз и велел девушке прийти еще раз через некоторое время. Прошло несколько недель, Валентин продолжал лечение и перепробовал разные снадобья, но зрение к девушке так и не вернулось. Однако и тюремщик, и его дочь не теряли веру в исцеление, и девушка старательно лечилась травами, настоями и мазями, которые готовил для нее Валентин.

А тем временем до императора дошли слухи о тайных венчаниях, которые совершал Валентин, и он послал к нему своих солдат. Вооруженные солдаты ворвались к Валентину, они разгромили его дом, уничтожили все его лекарства и взяли священника под арест.

Когда тюремщик узнал о случившемся, он очень хотел помочь Валентину, но не мог противостоять великому императору. А Валентин понимал, что его скоро казнят. И тогда он попросил у тюремщика бумагу, перо и чернила и написал девушке прощальное письмо, в котором признавался ей в любви. Ибо он всем сердцем полюбил прелестную слепую девушку…

Валентина казнили в тот же день, 14 февраля.

Тюремщик принес письмо своей дочери. Девушка развернула записку, и ей на руку выпал желтый цветок шафрана (крокуса). Она поднесла ладонь к лицу, чтобы вдохнуть аромат цветка, и тут его сверкающие золотистые цвета осветили ее. Произошло чудо: она прозрела! И смогла прочесть то, что было написано в записке: «От твоего Валентина».

Наверное, с тех самых пор считается, что шафран обладает магической силой привлекать возлюбленного. Для большего эффекта цветок следует носить в петлице.

Другая версия легенды повествует о святом великомученике Валентине, который родился в III веке нашей эры в городе Терни Римской империи. По этой легенде Валентин также был священником и врачевателем, он очень любил детей и по-настоящему дружил с ними, а многих из них и лечил. Уже будучи епископом, он помогал влюбленным писать любовные письма, выслушивал и мирил тех, кто был в ссоре, и так же тайно венчал римских солдат, которым император (тот самый Юлий Клавдий II) не позволял вступать в брак. За непослушание императору Валентина приговорили к смерти и бросили в тюрьму. Но даже туда к Валентину часто пробирались дети, его верные друзья. Они передавали ему записочки, чтобы поддержать его дух. Из этих наивных детских записочек начальник тюрьмы, человек суровый

и ярый слуга императора, и узнал о поразительных врачебных способностях своего заключенного. А надо сказать, что у тюремщика была красавица-дочь. Но никто и никогда не взял бы ее в жены, потому что девушка была слепа от рождения. Даже в дни праздников она сидела дома. Жизнь ее была печальна и безрадостна, ведь девушке не суждено было узнать, что такое любовь… Начальник тюрьмы решил попросить помощи у Валентина – вдруг заключенный сможет вылечить его дитя? Он и не предполагал, что одна трагедия сменится другой…

Валентин сразу же согласился помочь, но при первой же встрече влюбился в юную дочку своего тюремщика. Она была так добра к нему! А вскоре и сама ответила на его чувства. Но обет безбрачия запрещал Валентину жениться, а также и любить – такая любовь для него, по сути, считалась греховной. Однако именно эта любовь вернула девушке зрение, потому что сила Любви способна творить чудеса.

Но и по этой версии легенды Валентин был казнен: его побили камнями, а затем отрубили голову. Перед казнью он успел отправить своей возлюбленной трогательное письмо, которое подписал: «Твой Валентин». Мы не знаем, в какого бога или богов верила девушка, но она первая воскликнула: «Он святой!»

Впоследствии Валентин был похоронен в Риме (по другим данным, часть его мощей находится на его родине в городе Терни, а другая часть – в церкви святого Антония в Мадриде).

Святой Валентин был канонизирован католической церковью. И в 496 году римский папа Геласиус объявил 14 февраля днем святого Валентина.

Какая бы легенда ни была истинной и единственно верной, главное, что об этом прекрасном человеке не забыли. И не просто не забыли, его избрали покровителем всех влюбленных…

«Потеряв Вас, я потеряла все…»

Пьер Абеляр и Элоиза Фульбер

Средние века – время смутное, «темное»… Но именно на рубеже XI–XII веков появилась куртуазная (придворная) любовь, современники называли ее «утонченная любовь». Любовь эта заключалась в поклонении избранной Даме, причем поклонении издалека. Был разработан целый свод правил для влюбленного рыцаря, который к тому же проходил несколько стадий-степеней в своей любви. На последней стадии ему позволялось (конечно, лишь в том случае, если он твердо придерживался всех правил) поцеловать руку Даме, а затем заключить ее в объятия. И все.

Такую любовь прославляли средневековые рыцари, то есть светские, «мирские» мужчины. А вот в среде средневекового духовенства преобладало совсем иное отношение к женщине и к любви.

И возникший конфликт между требованиями церкви и самой природой человеческой, пусть и в облачении священника, приводил зачастую к плачевным результатам. Яркий тому пример история Абеляра и Элоизы, одна из самых знаменитых историй любви…

Пьер Абеляр

Пьер Абеляр был философом, богословом и поэтом. Ко времени начала нашего повествования Абеляру исполнилось тридцать девять лет. Он был очень умен, прекрасно образован и по-своему бесстрашен: его диспуты с ортодоксами католической церкви собирали слушателей со всей страны. Многие юноши прибывали в Париж только для того, чтобы научиться у знаменитого магистра искусству диалектического мышления и ведения диспута.

Однако в Истории имя Абеляра прежде всего связано с именем его возлюбленной – Элоизы. Переписка Абеляра и Элоизы еще в XII веке была переведена с латинского языка на французский и вдохновила многих писателей. Повесть об их любви и надеждах, страсти и отчаянии и по сей день потрясает до глубины души.

Элоиза Фульбер

Пьер Абеляр родился в Бретани в 1079 году. Он был старшим сыном рыцаря Беренжара из Ле Палле, мелкого аристократа. Пьер воспитывался на произведениях как античных, так и современных ему христианских авторов (самым любимым его автором был Овидий). Перед прекрасно образованным мальчиком лежала одна дорога – в духовенство, и Пьер поступил в школу при местном соборе. Окончив ее, юный Абеляр отправился в Париж, где поступил в Университет и принялся усердно постигать искусство красноречия и ведения диспутов. Очень быстро Абеляр получил

известность и даже открыл собственную школу, в которой училось много юношей из богатых семей.

Его карьера развивалась стремительно, и столь же стремительно росли авторитет и известность Абеляра. Со временем он был назначен главою монастырской школы при соборе Парижской Богоматери. Лекции Абеляра приобрели невероятную популярность и стали известны по всей Европе. Блестящий оратор, высокообразованный человек, обаятельный мужчина, он потерял голову от успехов и называл себя «единственным философом на Земле».

И вот Абеляр повстречал Элоизу, племянницу одного из своих соседей, каноника Фульбера. Быть может, эта встреча была не случайной. Возможно, человеку, столь щедро одаренному небесами, человеку, чье самомнение грозило перерасти в гордыню, эта любовь была дана как очищение, как возможность опомниться… Кому много дается, с того много спрашивается!

Элоиза была значительно моложе Абеляра. Ей исполнилось всего лишь шестнадцать лет. Правда, в те времена этот возраст считался вполне зрелым. Помните, в шекспировской пьесе «Ромео и Джульетта» мать Джульетты говорит своей дочери, которой исполнилось четырнадцать лет: «В твои года давно уж матерью твоей была…»

Элоиза воспитывалась в монастыре Аржантейль, где изучала латынь и, как ни странно, произведения античных классиков. О ее родителях и детстве никаких сведений не сохранилось, известно только, что Элоизу удочерил ее дядя, парижский каноник Фульбер.

Судя по всему, племянница каноника была красивой девушкой. По описаниям, она была «высокая и хорошо сложенная… с крутым лбом и ослепительно белыми зубами». Но, возможно, философ увлекся не просто красавицей – Элоиза была девушкой образованной и обладала ярким и гибким умом. И Абеляр влюбился.

«В то время я был так знаменит и привлекателен, что не боялся отказа от женщины, которую я находил достойной своей любви. Кроме того, я полагал, что юная девица сдастся тем более охотно, поскольку она была образованна и любила учение», – вспоминал позже Абеляр.

Он попросил ее дядю Фульбера позволить ему за определенную сумму жить в их доме, да к тому же предложил давать бесплатные уроки Элоизе. Казалось бы, очень благородный поступок, – ведь в те времена женщины не имели возможности учиться в школах и университетах, а умница Элоиза явно нуждалась в дальнейшем образовании. И дядюшка-каноник

согласился.

Однако Абеляр стал не учителем Элоизы, а ее возлюбленным. «Поручив мне девушку, с просьбой не только учить, но даже строго наказывать ее, он предоставлял мне удобный случай для исполнения моих желаний и давал возможность склонить к любви Элоизу ласками или же принудить ее угрозами и побоями», – писал впоследствии этот достойный священнослужитель. Вспоминая о тех счастливых днях, философ добавлял: «Руки чаще тянулись к телу, чем к книгам, а глаза чаще отражали любовь, чем следили за написанным».

А вот что писала много позже Элоиза: «В какой женщине, в какой девушке, даже в Ваше отсутствие, не тлел зажженный Вами огонь, кого не охватывало пламя в Вашем присутствии?» – «Какая королева, какая принцесса не позавидовала бы тем моим радостям, которые я испытала с тобой в постели?»

Вспыхнувшая страсть захватила обоих. «…Любовь закрыла нам глаза, – писал Абеляр. – Наслаждение учить ее любви превосходило тончайшее благоухание всех прекраснейших ароматов мира». Они проводили время в любви среди учебников и книг. В те дни Абеляр писал не философские трактаты, а любовные стихи, которые быстро приобретали известность ничуть не меньшую, чем его научные труды.

Любовь к Элоизе стала для Абеляра величайшим даром, который превратил его из ученого мужа в бесшабашного мальчишку, не думающего ни о каких преградах и опасностях.

При каждом удобном случае философ и его ученица занимались любовью. Он писал Элоизе любовные письма. Она отвечала ему. В любовном упоении они совсем забыли об осторожности…

И в конце концов Фульбер застал их на месте «преступления». Каноник пришел в ярость. Он тут же приказал Абеляру убраться из своего дома. А вскоре Элоиза поняла, что беременна и… бежала с Абеляром. Они поселились в доме его сестры, в Бретани, где Элоиза родила сына, которого они назвали Астролябием. Абеляр умолял дядю своей возлюбленной простить их и обещал жениться на Элоизе, при условии, что брак будет держаться в тайне, дабы не повредить его церковной карьере.

Но разве мог каноник простить случившееся? Фульбер был страшно зол и неумолим. И все же Абеляру удалось немного успокоить его безграничное возмущение. Вот что писал он в книге «История моих бедствий»:

«Ее дядя после ее бегства чуть не сошел с ума; никто, кроме испытавших то же горе, не мог бы понять силу и отчаяние его стыда. Но что ему делать со мной и какие козни против меня

устроить, он этого не знал. Он больше всего опасался, что если бы он убил меня или как-нибудь изувечил, то любимая его племянница поплатилась бы за это у меня на родине. Он не мог ни захватить, ни куда-нибудь силою заточить меня, так как я принял против этого все меры предосторожности, не сомневаясь, что он нападет на меня, как только сможет или посмеет это сделать.

Наконец, почувствовав сострадание к его безумному горю и обвиняя себя самого в коварстве и как бы в величайшем предательстве, вызванном моей любовью, я сам пришел к этому человеку и просил у него прощения и обещал дать какое ему угодно удовлетворение. Я убеждал его, что мое поведение не покажется удивительным никому, кто хоть когда-нибудь испытал власть любви и помнит, какие глубокие падения претерпевали из-за женщин даже величайшие люди с самого начала существования человеческого рода.

А дабы еще больше его успокоить, я сам предложил ему удовлетворение сверх всяких его ожиданий, а именно: сказал, что готов жениться на соблазненной, лишь бы это совершилось в тайне и я не потерпел бы ущерба от молвы. Он на это согласился и скрепил соглашение поцелуем и честным словом, данным как им самим, так и его близкими, однако лишь для того, чтобы тем легче предать меня».

Отправившись вновь в Бретань, Абеляр собирался привезти оттуда свою Элоизу, чтобы вступить с ней в брак. Казалось, это известие должно было несказанно обрадовать Элоизу. Однако она не только не согласилась, но стала изо всех сил отговаривать Абеляра от задуманного. И вот почему: Элоиза считала, что, став его женой, она подвергнет его еще большей опасности. Она понимала, что дядюшка постарается всем рассказать о женитьбе, а это означало крах всей карьеры Абеляра и сильнейший удар по его самолюбию. Над ним станут смеяться те самые люди, которые прежде с восхищением слушали его речи и выступления на диспутах.

Как истинно любящую женщину, Элоизу менее всего волновало, что людская молва коснется и ее имени. Ей не важно было, кто она Абеляру – жена или любовница. Ей было важно, чтобы он был счастлив…

«Она клятвенно уверяла меня в том, – писал Абеляр, – что дядю ее нельзя умилостивить никаким способом, и впоследствии это подтвердилось. Она спрашивала: как сможет она гордиться браком, который обесславит меня, и равно унизит и меня, и ее; сколь большого наказания потребует для нее весь мир, если она отнимет у него такое великое светило; сколько проклятий

вызовет этот брак со стороны церкви, какой принесет ей ущерб и сколь много слез исторгнет он у философов; как непристойно и прискорбно было бы, если бы я – человек, созданный природой для блага всех людей, – посвятил себя только одной женщине и подвергся такому позору!

Она решительно отказывалась от этого брака, заявляя, что он явится для меня во всех отношениях постыдным и тягостным. Она подчеркивала и мое бесславие после этого брака, и те трудности брачной жизни, которых апостол убеждает нас избегать… Если же, говорила она мне, я не послушаюсь ни совета апостола, ни указаний святых относительно тяжестей брачного ига, то я должен, по крайней мере, обратиться за советом к философам и внимательно изучить то, что написано о браке ими самими…»

Как видите, не зря Абеляр из множества юных красавиц выбрал именно ее – поистине достойную быть подругой философа!

Через много лет Элоиза писала Абеляру:

«Бог свидетель, что я никогда ничего не искала в тебе, кроме тебя самого; я желала иметь только тебя, а не то, что принадлежит тебе. Я не стремилась ни к брачному союзу, ни к получению подарков и старалась, как ты и сам знаешь, о доставлении наслаждений не себе, а тебе и об исполнении не своих, а твоих желаний. И хотя наименование супруги представляется более священным и прочным, мне всегда было приятнее называться твоей подругой или, если ты не оскорбишься, твоей сожительницей или любовницей. Я думала, что, чем более я унижусь ради тебя, тем больше будет твоя любовь ко мне и тем меньше я могу повредить твоей выдающейся славе… Призываю Бога в свидетели, что если бы император Август, владевший всем миром, удостоил бы меня чести брачного предложения и навсегда утвердил бы за мной владычество над всем светом, то мне было бы и милей, и почтеннее называться твоей возлюбленной, нежели его императрицей…»

Элоиза не хитрила, не интриговала, как сделала бы иная, желая заполучить любимого мужчину в свои сети. Напротив, она освободила его от любых обязательств перед собой. Любить для нее значило жить интересами любимого. И это в те времена, которые принято называть «мрачным средневековьем»!

Итак, Элоиза отказалась от брака. Но Абеляр настаивал. Оставив ребенка в Бретани, они тайно приехали в Париж и так же тайно обвенчались в маленькой церквушке на окраине города. Венчание было тихим, скромным и совсем не праздничным.

Они обвенчались, но жить стали отдельно, встречаясь только тайно по ночам. В глазах людей они по-прежнему оставались

любовниками. Каноник Фульбер старательно рассказывал повсюду об их женитьбе, однако сама Элоиза все отрицала. Дядюшка возмущался, но она твердо стояла на своем.

Абеляр, стремясь успокоить начавшийся было скандал, увез Элоизу на время в монастырь Аржантейль – тот самый, где она провела свое детство. Пьер также остался при монастыре. И даже здесь, в монастырских стенах, Элоиза и Абеляр предавались чувственной любви. Возможно ли это оправдать тем, что не по религиозному убеждению оказалась в монастыре Элоиза, а лишь для того, чтобы не перечить Абеляру?.. И есть ли оправдание поведению Абеляра-священника?..

Плоть их торжествовала над духом. Они по-прежнему любили друг друга где только могли и когда могли.

Конечно, любовь прекрасна, она – дар Небес. И плотские радости – естественная составляющая этой любви. Но, помимо любви, существуют и другие, не менее сильные чувства. Например, уважение к тем самым Небесам, что даруют так много… А также есть внутреннее благородство, не позволяющее поступать недостойно и неуважительно к чувствам окружающих. Например, чувствам верующих. Искренне верующих.

Фульбер пришел в ярость, когда узнал, что его племянница находится в монастыре. Он решил, что Абеляр просто-напросто отделался от Элоизы, чтобы распутничать с другими женщинами. Возможно, Фульбера заботило не столько счастье племянницы, сколько собственная репутация и общественное мнение, но и это вполне можно понять. Обесчещенная девица навлекла позор на весь дом! И Фульбер поклялся отомстить, для чего нанял несколько парижских разбойников. Месть каноника была ужасна…

Вот что пишет сам Абеляр в своей книге: «Однажды ночью, когда я спал в своей опочивальне, один из моих слуг, подкупленный золотом, поспособствовал их мести, которая привела в изумление весь мир: они отсекли те части моего тела, посредством которых я нанес оскорбление, вызвавшее их гнев. Затем они скрылись…»

Варварски оскопив Абеляра, лишив его возможности «грешить», дядюшка Элоизы счел себя отмщенным. Быть может, он даже полагал себя орудием Небес.

Вскоре все узнали об оскоплении Абеляра. Он признавался, что гораздо более страдал от унижения, чем от боли. «Я более страдал от их сострадания, чем от своей раны, сильнее чувствовал стыд, чем нанесенные удары, и мучился больше от срама, чем от физической боли».

С горьким стыдом вспоминал Абеляр, что в Библии евнухи

описаны как существа, презренные Богом, которым запрещено появляться в церкви.

«Тогда, когда мы предавались прелюбодеянию, – писала Элоиза, – жестокость неба нас помиловала, и вот, когда мы узаконили эту незаконную любовь и покрыли свадебной фатой грех прелюбодеяния, гнев Господний обрушился на нас…»

Измученный стыдом, Пьер поселился в аббатстве Сен-Дени и велел девятнадцатилетней Элоизе отказаться от супружества и принять монашество. Абеляр, по сути, принудил молодую женщину постричься в монахини.

«Будучи юной девушкой, я обратилась к суровой монашеской жизни не ради благочестивого обета, а лишь по твоей воле. Я не могу ожидать за это никакой награды от Бога…»

Абеляр дождался ее обета, убедился, что жена выполнила его приказ, а затем и сам принял монашество.

Десять лет они прожили в разлуке. За эти годы они не обменялись ни единой строчкой. Наверное, немало тяжких дум они передумали, немало страдали их души и сердца…

Однако со временем Абеляр вновь обрел душевное равновесие и даже вернулся на кафедру. Он восстановил свою репутацию блестящего оратора, с бесстрашием обсуждая доктрину Церкви и, по мнению некоторых, высказывал идеи, подрывавшие церковные основы. Церковные власти Абеляра, естественно, не жаловали, и вскоре его отправили в Бретань, где он стал настоятелем аббатства Сен-Жильдас де Руи.

В эти годы он написал книгу воспоминаний – историю своего «падения», – в которой со всей откровенностью поведал о своей жизни и женитьбе. Книга дошла и до Элоизы, и она, конечно же, прочла ее. Элоиза не выдержала и тоже взялась за перо…

«Я принесла тебе много вреда, – писала Элоиза Абеляру, – но во многом, как ты сам знаешь, я совсем невиновна. Ведь в преступлении важно не само деяние, а намерение совершающего его лица. А о том, какие намерения я по отношению к тебе питала, ты один только и можешь судить по собственному опыту. Я всецело передаю себя твоему суду и во всем подчиняюсь твоему свидетельству. Скажи мне, если можешь, только одно: почему после нашего пострижения, совершившегося исключительно по твоему единоличному решению, ты стал относиться ко мне так небрежно и невнимательно, что я не могу ни отдохнуть в личной беседе с тобой, ни утешиться, получив от тебя письмо. Объясни мне это, если можешь…»

Как видите, Элоиза повзрослела. И пытается взглянуть на происшедшее между ними глазами взрослой женщины, более мудрой и даже в чем-то ироничной:

«Тебя соединяла со мной не столько дружба, сколько вожделение, не столько любовь, сколько пыл страсти. И вот, когда прекратилось то, чего ты желал, одновременно исчезли и те чувства, которые ты выражал ради этих желаний. О возлюбленнейший! Это догадка не столько моя, сколько всех. Не столько личная, сколько общая, не столько частная, сколько общественная. О, если бы так казалось мне одной. О, если бы твоя любовь нашла что-нибудь извиняющее, отчего пусть немного успокоилась бы моя скорбь! О, если бы я могла придумать причины, которые, извиняя тебя, как-либо опровергли бы мое низкое предположение! Умоляю тебя, исполни мою просьбу: ты увидишь, что она незначительна и нисколько не затруднит тебя. Если уж я лишена возможности лично видеть тебя, то, по крайней мере, подари мне сладость твоего образа в твоих высказываниях, которых у тебя такое изобилие…»

Элоиза не пишет книгу воспоминаний «для всех», не старается объясниться с миром, оправдаться перед ним (или перед собой?), она пишет ему – своему по-прежнему любимому мужу. И только ему.

«О мой любимейший! Никто не знает, сколь много я в тебе утратила!

…Ты обладал двумя качествами, которыми мог увлечь каких угодно женщин, а именно: талантами поэта и певца. Этими качествами, насколько нам известно, другие философы вовсе не обладали.

Как бы шутя, в минуту отдыха от философских занятий, ты сочинил и оставил много прекрасных по форме любовных стихов, и они были так приятны по словам и по напеву, что часто повторялись всеми, и имя твое беспрестанно звучало у всех на устах; сладость твоих мелодий не позволяла забыть тебя даже необразованным людям. Этим-то ты больше всего и побуждал женщин вздыхать от любви к тебе. А так как в большинстве этих песен воспевалась наша любовь, то я в скором времени стала известна во многих областях и возбудила к себе зависть многих женщин. Какие только прекрасные духовные и телесные качества не украшали твою юность! Какую женщину, когда бы она и была тогда моей завистницей, мое несчастье не побудит пожалеть меня, лишившуюся таких радостей? Кто из мужчин или женщин, пусть они и были раньше моими врагами, не смягчится из сострадания ко мне?»

Элоиза десять лет прожила в монастыре, но все эти годы нисколько не изменили ее души, ее сердца, ее любви к Абеляру. Десять лет вдали от любимого мужа, от ребенка… Судьба всего лишила ее. Но никто и никогда не смог бы отнять у нее памяти!

«Душа моя была не со мной, а с тобой! Даже и теперь, если она не с тобой, то ее нет нигде: поистине, без тебя моя душа никак существовать не может…

Но, умоляю тебя, сделай так, чтобы ей было с тобой хорошо. А ей будет с тобой хорошо, если она найдет тебя благосклонным, если ты за любовь отплатишь любовью и пусть немногим вознаградишь за многое, хотя бы словами за дела».

«На что же смогу я надеяться, если я потеряю тебя? И что сможет еще удерживать меня в этом земном странствии, где у меня нет утешения, кроме тебя, да и это утешение только в том, что ты жив! Ибо все прочие радости от тебя для меня недоступны…»

Чем больше писала Элоиза, тем ярче становились воспоминания и тем сильнее разгоралась любовь. Письма бедной женщины становились все более страстными. Пробив стену десятилетнего молчания, Элоиза адресовала свое первое письмо «господину; а вернее, отцу; мужу, а вернее, брату» и подписалась – «рабыня; а вернее, дочь; жена, а вернее, сестра».

«Ты знаешь, мой возлюбленный, – писала она, – весь мир знает, что, потеряв тебя, я потеряла все… Только ты один в силах повергнуть меня в печаль или принести мне радость и покой… Я покорно выполняла все твои приказания. Я не в силах ни в чем противиться тебе. Одного твоего слова было достаточно, чтобы я переломила себя. Скажу больше, хоть это может показаться странным: моя любовь переросла в такую печаль, что былые самые горячие желания погребены без надежды на воскрешение. Повинуясь твоему приказу, я переменилась – вместе с новым платьем я обрела новое сознание, чтобы доказать тебе, что ты властелин не только моего тела, но моей души».

Страстные письма Элоизы напугали Абеляра: он был потрясен силой ее чувства. И написал ответ в назидательном тоне, объяснив своей «сестре», что кастрация стала для него «актом Божественного милосердия», поскольку позволила ему целиком посвятить себя Богу, освободив от плотского вожделения, которое теперь видится ему исключительно как бремя и грех. А любовь его к Элоизе была кощунством.

Что это было? Предательство их прежней любви? Или на старости лет Абеляр задумался о спасении души? Или ничего не оставалось иного кастрированному пятидесятилетнему мужчине?..

Когда монастырь Элоизы, в котором она к тому времени стала аббатисой, закрыли, Абеляр решил помочь своей бывшей возлюбленной. Он привез ей деньги, чтобы она могла основать другой монастырь. Так, после десяти лет разлуки, они снова

встретились. Но теперь Пьер Абеляр видел в своей подруге «скорее сестру во Христе», чем жену. И он попросил ее больше не писать ему. Элоизе тогда исполнилось двадцать восемь лет.

Элоиза воспитывалась в монастыре, она была племянницей каноника и, конечно, не просто так стала аббатисой, а потому можно смело утверждать, что она верила в Бога и вера ее была сильной и совершенно искренней. Подтверждением тому служат ее же письма. Она не просто верила, она любила Бога… И Бог простил Элоизу, потому что любовь ее к Абеляру была истинной, сильной и самоотверженной. Бог простил Элоизу за величие ее души.

В конце концов и люди сумели оценить эту прекрасную женщину. Они отдавали должное добродетели и мудрости Элоизы. Она по праву считалась одной из самых мудрых и справедливых аббатис Франции.

Тем временем Церковь объявила Абеляра еретиком. Все его богословские и философские труды были приговорены к сожжению. Под конец жизни ему пришлось пережить гонения не только со стороны Церкви. Его даже пытались отравить. И Абеляр решил совершить паломничество к папе римскому Иннокентию II, чтобы воззвать к его милосердию, оправдать перед понтификом свое учение и просить отпущения грехов.

Но Абеляру не было суждено добраться до папы римского: внезапно в дороге ему стало плохо. Случилось это в Клуни, 12 апреля 1142 года; Абеляру было шестьдесят три года. Он умер, так и не получив ни отпущения грехов, ни нового известия от Элоизы. Она похоронила его в аббатстве Сен-Марсель, в том аббатстве, что построила на его деньги.

После смерти Абеляра Элоиза сама ходатайствовала за него и в конце концов получила бумагу об отпущении его грехов… Оставаясь здесь, на земле, она с любовью прокладывала ему дорогу в Царство Небесное.

Она пережила мужа на двадцать два года и покинула этот мир в том же возрасте, что и Пьер Абеляр. Ей исполнилось шестьдесят три года. По завещанию Элоизы, ее похоронили в одной могиле с Абеляром. Соединились ли вновь души Абеляра и Элоизы, нам неведомо, но тела их покоятся вместе, на кладбище Пер-Лашез, в Париже. Легенда того времени гласит, что, когда тело аббатисы опускали в землю, руки Пьера раскрылись, чтобы принять ее в свои объятия.

«В моих покоях висит твое изображение, – писала когда-то Элоиза своему возлюбленному. – Всякий раз, когда я прохожу мимо, я останавливаюсь и смотрю на него, и даже в твоем

присутствии я не могла удержаться, чтобы не бросить на него взгляд. Если молчаливый портрет может доставлять такую радость, то что уж говорить о письмах! В них есть душа, они говорят, они несут в себе силу, излучаемую восторженным сердцем, они заключают огонь нашей страсти, они раздувают его сильнее, чем это во власти людей. Они сохраняют мягкость и изысканность речей и доносят смелость суждений… Я больше не стыжусь того, что моя любовь к тебе беспредельна… Я ненавидела себя за свою любовь, я до сих пор уничтожаю себя вечным заточением, чтобы сделать твою жизнь спокойной и легкой. О! Думай обо мне, не забывай меня – мою любовь, мою преданность, мою верность; люби меня как свою возлюбленную, утешай меня как свое дитя, как сестру, как жену. Пойми, я все еще люблю тебя, хотя и стараюсь избавиться от этой любви. Что за слова, что за помыслы! Я с ужасом вздрагиваю, и мое сердце бунтует против меня. Должно быть, этот лист бумаги донесет до тебя следы моих слез. Я заканчиваю свое длинное послание и, если таково твое желание (и благословение Небес), прощаюсь с тобой навсегда».

Если вы хоть раз читали письма монахини Элоизы, то вы знаете наверняка – любовь существует.

Кровосмесительная страсть

Папа Александр VI Борджиа и Лукреция Борджиа

Вторая половина XV века – время расцвета культуры Возрождения. Это была эпоха восхищения человеком как высшим началом бытия – человек, его сила и красота стали центром внимания писателей, философов и художников. Эпоха Возрождения – период расцвета искусств, возвращения к идеалам античности. Эта эпоха отмечена именами Петрарки и Данте, Джотто и Микеланджело, Рафаэля и Леонардо да Винчи, Уильяма Шекспира и Франсуа Рабле, Альбрехта Дюрера и Мишеля Монтеня.

Но, увы! и у этой чудесной эпохи были свои минусы. Увлеченность человеком, красотой человеческого тела порой перерастала в распущенность; свободомыслие оборачивалось откровенным цинизмом, а легкость нравов – вседозволенностью. Все возможные пороки буйным цветом процветали в среде духовенства. В священнослужители шли исключительно ради церковных чинов и титулов, только для личного преуспеяния и обогащения.

Возродившееся поклонение языческой красоте вышло из сферы искусства и затмило стремление к духовному совершенствованию. Даже церковные иерархи усердно занялись собиранием античных рукописей и предметов искусства, они тратили огромные средства на свои коллекции. Едва ли не главной книгой эпохи стал «Декамерон» Боккаччо. Надо, однако, заметить, что «Декамерон» описывал современность весьма правдиво. Ведь слуги Божьи не только пили, обжирались и распутничали, они сами содержали кабаки и даже публичные дома…

Но и среди этого «урагана страстей», среди целого потока интриг и преступлений особняком стоит фигура папы римского Александра VI Борджиа. А его кровожадная и развратная семейка занимает самое скандальное место в истории.

Семейство Борджиа (Борджа, Борха) принадлежит к аристократическому испанскому роду. Первым Борджиа на папском троне был Каликст III (Алонсо Борджиа). Он и помог сделать церковную карьеру своему племяннику Родриго де Борджиа, будущему папе римскому Александру VI.

Папа Александр VI Борджиа

Родился Родриго Борджиа в 1430 году в Испании. Когда он подрос, то стал задумываться о карьере юриста или военного. Но в двадцать пять лет он покинул Испанию и явился в Италию к своему дяде – папе римскому Каликсту III, который назначил племянника кардиналом и епископом Валенсии.

Родриго Борджиа, обладавший весьма привлекательной внешностью, с самой юности отличался распущенностью. Он очень нравился женщинам, а потому имел великое множество любовниц. Поговаривали даже, что сам папа Каликст III питает к своему племяннику отнюдь не родственные чувства.

Став кардиналом, Борджиа и не подумал изменить свои привычки. Он считал, что правила поведения, обязательные для духовного лица, писаны были не для него.

В те времена, как мы уже писали, разврат не был чем-то из ряда вон выходящим: едва ли нашелся бы какой-нибудь светский вельможа или церковник, который не имел бы любовниц и незаконнорожденных детей. Однако Родриго Борджиа ни в чем не знал чувства меры, он отличался от современников не тем, что грешил, а немыслимым количеством и совершенно невообразимым разнообразием грехов.

В Риме Родриго скоро показал себя энергичным, жестоким и властолюбивым человеком. Благодаря интригам он стал не просто богатым, но очень богатым и влиятельным кардиналом. Такому взлету помогли и его многочисленные любовницы. Сменилось пять пап, а кардинал Борджиа становился все сильнее,

богаче и… похотливее. У этого католического священника было несколько, естественно, незаконнорожденных детей, о которых, надо признать, он никогда не забывал.

Еще в юности, в Испании, Родриго влюбился в некую Елену Ваноцци, которую обвиняли в убийстве мужа. Это обстоятельство особенно распаляло извращенную страсть Родриго.

Роза Ваноцци

Эти достойные друг друга люди быстро сошлись и даже полюбили друг друга. Однако связь их была недолгой – у Елены как раз подросли дочери, и одна из них, Роза, оказалась необычайно хороша! Родриго, естественно, стал заглядываться на дочь своей любовницы. А девочка была очень хитра (хотя в пятнадцать лет, как вы помните, девочки уже считались вполне зрелыми женщинами). Она прекрасно видела страстные взгляды Родриго и распаляла его как могла. Роза хотела использовать любовника матери, чтобы отомстить ей за смерть отца, которого всегда любила. Когда же Родриго, наконец, признался Розе в любви, коварная девочка сказала: «Я никогда не буду принадлежать вам, пока жива моя мать!» Через некоторое время Елену нашли мертвой. Похоже, уже тогда Борджиа знал толк в ядах…

Старшую дочь Елены Родриго отправил, не спрашивая ее согласия, в монастырь, а Роза на долгие годы осталась с ним. Кардинал перевез любовницу в Рим, где купил ей роскошный дворец, который прозвали «дворец Ваноцци». Роза родила

Родриго четырех детей: сыновей Джованни (Жуана), Чезаре (Цезаря), Франческо и красавицу дочь Лукрецию.

Любовница кардинала была столь же красива, сколь и развратна. Дочь Лукреция пошла в нее.

Когда Лукреции было всего десять лет, кардинал увидел в собственной дочери соблазнительную женщину. А когда ей исполнилось одиннадцать, он уже едва сдерживал свою страсть к этому чувственному созданию. Разумеется, Родриго понимал, что его распаленные чувства затмевают разум, и сдерживал, как мог, свою похоть. Но юная Лукреция обладала столь сильной сексуальной притягательностью, да к тому же в ней самой уже пробудился низменный инстинкт соблазнительницы… в общем, очень скоро она стала любовницей своего отца, а затем и брата Чезаре.

Лукреция очень рано переняла у матери все приемы кокетства и флирта, которые освоила в совершенстве. Роза очень любила дочь и дала ей самое блестящее по тем временам образование. Лукреция прекрасно разбиралась в поэзии, живописи, знала историю и иностранные языки, музицировала. Она вообще охотно училась – всему. Отец, например, посвятил ее в тайны алхимии, которая ей весьма пригодилась в будущем.

Лукреция Борджиа

Училась она и жизни – всем, абсолютно всем ее сторонам. Родители не считали нужным скрывать от дочери что-либо, и Лукреция преспокойно наблюдала пиры и оргии, от которых

«покраснел бы и сатана». На подобных сборищах она присматривала себе подходящего мужчину. Первой жертвой ее красоты стал Марчелло Кандиано. Правда, далее невинного кокетства дело не пошло – молодой красавец исчез. А вскоре стало известно, что Марчелло зарезали ночью возле дворца Ваноцци.

Лукреция и не думала горевать – мужчин вокруг так много… И на следующий же день она флиртовала с феррарским дворянином Дальберджетти. Этот уже не юный и весьма опытный поклонник ухаживал более напористо, и в одну из ближайших ночей прокрался в спальню ожидавшей его Лукреции. Однако шум в соседней комнате помешал свиданию. Дальберджетти сбежал и… утром возле дворца Ваноцци нашли его труп.

Ревнивые родственники явно не желали делить свою Лукрецию ни с какими чужаками.

А вскоре к треугольнику – Лукреция, Чезаре и Родриго – прибавился еще один любовник. И все из той же семьи! Джованни Борджиа, как оказалось, не меньше отца и брата жаждал обладать соблазнительной Лукрецией.

В конце концов, Лукреция стала любовницей обоих братьев. И от старшего из них, Джованни, родила дочь. Роза Ваноцци, опасаясь скандала, немедленно отвезла внучку на воспитание в крестьянскую семью. А Родриго Борджиа отправил обоих сыновей подальше от сестры-любовницы: Чезаре в пизанский, а Джованни в падуанский университеты. Скандал не случился, однако слухи по городу поползли… А Роза высказала кардиналу-извращенцу свое возмущение. Борджиа не захотел терять любовницу-дочь и выдал Розу Ваноцци замуж за богатого итальянца. Мать-любовница ушла из его жизни, а дочь осталась.

Но, чтобы прикрыть преступные связи Лукреции, Родриго решил выдать замуж и ее. И вот, около 1492 года, произошло венчание двенадцатилетней Лукреции с мелким арагонским дворянином доном Эстебаном. Странный это был союз…

После родов Лукреция расцвела еще больше и похорошела необыкновенно. Врожденная чувственность и фамильная испорченность довершали картину – ни один мужчина не мог смотреть на юную красотку спокойно.

Стареющий влюбленный отец осыпал дочь подарками и исполнял каждый ее каприз. Она же вела себя как опытная куртизанка, одаривая его вниманием ровно настолько, насколько он «заслужил». «Золото, драгоценности и наряды заменяют ей все», – замечали современники. У Лукреции был молодой муж, отец ее обладал властью и богатством – что еще нужно двенадцатилетней красотке…

В 1492 году, когда умер папа Иннокентий VIII, освободился папский престол; на него претендовали сразу две знатные семьи, два клана: семейство Борджиа и семейство делла Ровере. Кардинал Родриго обошел соперника, он купил голоса выборщиков за 50 тысяч дукатов. Так шестидесятилетний Родриго Борджиа стал папой.

Он принял имя Александра VI. А также дал обет безбрачия. Но и от этого ничего не изменилось. Новоиспеченный папа римский, едва взойдя на престол, сделал старшего сына, Джованни, герцогом Гандийским. Второй сын, Чезаре, получил герцогство Валенсия (богатейшую испанскую епархию), а Лукреции предложили… поменять мужа. На более достойного и более подходящего дочери папы римского.

Данной ему властью папа освободил Лукрецию от супружеского обета и выдал ее замуж за Джованни Сфорца, представителя могущественного рода миланских герцогов. Два дня праздновали бракосочетание. Это была довольно необычная свадьба: на ней присутствовали самые известные куртизанки, одиннадцать кардиналов с любовницами, а также избранные члены знаменитых римских семейств, естественно, с любовниками и любовницами. На утро третьего дня Александр VI лично отвел молодых в опочивальню и исполнил при дочери роль камеристки. Говорят, все семейство первосвященника находилось здесь же и наблюдало происходящее в постели. Самые сильные проявления страсти молодых супругов отмечались дружными хвалами и обильными возлияниями.

Однако радостями замужества Лукреция наслаждалась недолго. Она по-прежнему предпочитала общество папы и его изощренные пиршества, а потому почти не покидала ватиканского дворца. Ехать в Милан к мужу она категорически отказалась, внимания ему не уделяла никакого, да еще застращала его рассказами о странной смерти почти всех ее бывших любовников… Сфорца послушал, посмотрел – и сбежал.

Как бы там ни было, но жизнь Джованни Сфорца себе сохранил. И никогда больше не вернулся он к Лукреции.

Итак, Лукреции не было еще и пятнадцати, а у нее за плечами уже была целая вереница любовников и даже два мужа. Она получила от отца громадные средства и жила в собственном дворце на улице дель Пеллегрино, где довольно быстро образовался свой круг поэтов, художников и музыкантов. «Все самое дорогое, самое роскошное было собрано там», – писали современники.

Свободное от развлечений время Лукреция проводила в папском дворце, в личных покоях святого отца. Она самым

дерзким образом помогала ему в управлении Церковью: вскрывала папские депеши, подписывала бумаги или созывала священную коллегию кардиналов. Ей было дозволено все!

Однажды после очередной оргии Лукреция пришла развлечься занимательной «игрой»: ролью председателя Святой Коллегии. Едва прикрытая прозрачным муслином, она томно принимала ласки папы и наблюдала за священниками. «Позор! Ужас!» – писал потом епископ Бурхард. Но в присутствии Лукреции он молчал и прятал глаза: не следовало дразнить тигрицу, ибо никто не знал, какое наказание могла придумать она «виноватому».

А в Вечном городе, который, казалось бы, уже ничем нельзя было удивить, шли пересуды и недовольный ропот. Три тысячи гвардейцев, охраняющих стены Ватикана, не могли защитить его от позора. Что бы ни случилось в закрытом городе, все тут же становилось известно за его стенами. К тому же Лукреция со временем вообще перестала скрывать свою связь с отцом и братьями. Для нее не существовало никаких принципов, никаких ограничений и, тем более, никаких нравственных понятий. Что могло ее испугать? Святой суд? Но, если вы не забыли, ее отец и любовник – наместник Бога на земле, умудрившийся безнаказанно нарушить все десять заповедей этого Бога.

А потому можно было брать от жизни все, что она способна предложить, и полностью отдаваться наслаждению. И так поступала не одна Лукреция, а все семейство Борджиа.

Несколько лет эта «веселая семейка» как хотела, так и правила Ватиканом и Римом: они почитали казну своей собственностью и пользовались ей весьма свободно, то и дело устраивая празднества, пышные балы и роскошные маскарады. Некоторые развлечения отличались ужасающей половой распущенностью: там на потеху спаривали разных животных, мужчины от полной пресыщенности занимались содомией и прочая, прочая… А на шумных пирах с обильными возлияниями неугодным подносили чашу вина с ядом или убивали их другим способом.

Время от времени папа заводил себе новую любовницу, но это нисколько не мешало продолжать кровосмесительную связь с дочерью. Братья тоже не отставали от святого отца. Правда, случались недоразумения. Так, Чезаре, собравшийся как-то провести сладкую ночь с сестрой, застал у нее Джованни. Братья заспорили и решили не выходить из спальни Лукреции один без другого, но тут явился соперник, которому пришлось уступить поле действия, – их собственный отец.

Но Лукреции постепенно надоели ласки стареющего

сластолюбца-папы и неистовая ревность Чезаре. И младшая сестра остановила свой выбор на самом старшем брате – весельчаке Джованни. Чезаре узнал об этом. В нем заговорил его бешеный нрав – мало того, что Лукреция предпочла ему Джованни, так еще и отец собирался именно Джованни сделать своим преемником! Чезаре, избалованный, распущенный и привыкший получать все желаемое, решил мстить.

Джованни выследили, перерезали ему горло и утопили в Тибре люди Чезаре. На следующий день виновник случившегося, братоубийца, бежал из города.

Родриго Борджиа был потрясен убийством старшего сына и не желал верить в вину Чезаре. Он отправил на пытку «многих знатных нотаблей, выбранных наугад», пока не убедился в том, что смерть Джованни – действительно дело рук его любимого Чезаре.

Тогда он осушил слезы и, запершись в своих покоях, утешался в объятиях Лукреции. Естественно – дело-то семейное.

Папа римский простил своего сына. И вскоре братоубийца вернулся в Рим. На радостях примирения с отцом он устроил охоту. Громадную свиту из придворных фаворитов, светских дам, куртизанок, шутов и танцовщиц сопровождало тысячное войско. «Четыре дня они провели в лесах Остии, свободно предаваясь порывам плоти». Лукреция в этих «любовных играх» сменила два десятка партнеров. А «вернувшись в Рим, они превратили его в притон, в святилище гнусностей, и невозможно перечислить все грабежи, убийства и преступления, совершившиеся при дворе папы».

Однако за всем этим разгулом и развратом папа АлександрVI не забывал и о политике. С первых дней восшествия на папский престол он мечтал о победах, крупных завоеваниях и власти над всей Италией. И вот очередные политические планы привели к необходимости породниться с арагонской династией. Привычным уже образом Александр VI разорвал брак Лукреции и бежавшего Сфорца и тут же выдал ее замуж за семнадцатилетнего герцога Бисалья, побочного сына короля Альфонса II.

Лукреция стала обладательницей состояния, завидного для любой принцессы крови. Молодого Бисалья отправили на два года в Неаполь, а жена его продолжила вести очень «свободный образ жизни».

Она расположилась в самых роскошных апартаментах Ватикана и собирала вокруг себя развратнейших женщин Рима. Днем герцогиня развлекалась, наблюдая бои быков и устраивая разнообразные проделки на улицах города. Особенно славился женский бег наперегонки от замка Святого Ангела до площади

Святого Петра. Женщины вообще заботились о своем здоровье – после дневных развлечений наступали ночи любви, которые требовали железного здоровья! По самым скромным подсчетам, в городе тогда насчитывалось семь тысяч проституток всех цветов кожи. Весело проведя день, они устраивали веселые ночи… Естественно, веселье это творилось в присутствии папы.

Пиры, празднества, маскарады – все эти чудные развлечения славились танцами и играми обнаженных куртизанок и довольно часто заканчивались убийствами. Казна, как вы понимаете, пустела, а жить на что-то надо было. Вот на праздники и приглашались знатные вельможи и богатые священники. Одного, а то и сразу нескольких травили, что нисколько не портило веселья остальным. Имущество убиенных шло в казну.

Это было семейное предприятие. Родриго Борджиа собственноручно готовил замечательные яды. Те самые, о которых и по сей день ходят легенды. «С помощью преданных химиков Александру VI удалось создать целый арсенал чрезвычайно тонких ядов. Использовались даже специально привезенные из Нового Света травы. Знаменитое вино Борджиа оказывало свое действие лишь спустя время: от месяца до нескольких лет. У человека выпадали зубы, волосы, сходила кожа, а смерть наступала после длительных тяжелых мук». Чтобы «не наследить» и решить дело быстро, семейка пользовалась излюбленным ядом без цвета и запаха. Случайно видевшие его писали о мелких кристаллах цвета паросского мрамора.

Итак, готовил яд сам папа римский, а Лукреция подносила яд избранным жертвам. Однако и Чезаре помогал чем мог. Время от времени он приходил на помощь интересам семейства, особенно в темных переходах Ватикана, ибо в совершенстве владел кинжалом.

Но все же Борджиа предпочитали яд.

С его помощью Лукреция также избавлялась от надоевших любовников. Специальный ключ, который она вручала очередной жертве, имел неприметное острие, смазанное ядом. Взволнованный любовник слегка царапал им кожу и… через сутки умирал.

С третьим мужем Лукреции особо церемониться не стали, ключа ему не дали. Его просто зарезали. Это было ночью 2 января 1500 года. Четверо в масках напали на герцога Бисалья и нанесли ему пять ударов кинжалом. Но герцог остался жив. А Лукреция пришла в ярость: да сколько можно! Пусть хоть этот муж останется при ней! Целый месяц она выхаживала раненого герцога и не отходила от него ни на шаг. Однако неизвестным все же удалось задушить герцога в его же собственной постели.

А через некоторое время Лукреция родила мальчика. В одной из булл (папских актов) Александр VI признал отцом ребенка себя (дед стал отцом родного внука!), в другой – Чезаре. Чьим бы сыном ни был младенец, но он получил «во владение» Сермону.

Папа Александр VI, видимо, поразмыслил и решил выдать дочку замуж в четвертый раз. И в 1501 году Лукреция снова вступила в брак. Причина для нового брака была старая – интересы политики. Лукреция, которую прозвали «кровавая куртизанка», устроила очередную свадьбу. И вновь свадьба Борджиа прошла «с такой пышностью и развратом, какового не знала даже языческая древность». Но после этого новоиспеченная герцогиня д'Эсте совершенно неожиданно оставила Вечный город и уехала со своим мужем, герцогом Альфонсом д'Эсте. Навсегда.

Лукреция с мужем поселилась в Ферраре, где вела более скромный образ жизни. Возможно, она устала от всех безумств, возможно, пошатнулось здоровье, возможно, она, наконец, повзрослела… Подробности этого периода ее жизни известны в меньшей степени. Молва по-прежнему приписывала Лукреции смерть ее новых любовников, однако достоверных сведений на этот счет не имеется.

Тем не менее кое-что известно наверняка: Лукреция была по-прежнему красива, не питала особой любви к мужу и вновь собрала вокруг себя блестящий двор. Она, как и прежде, поощряла искусства, особенно художников. «Последних она с маниакальной настойчивостью побуждала писать картины на религиозные темы. Она очень любила известного, несколько сентиментального поэта Пьетро Бембо, а другой ее поклонник, великий поэт Людовико Ариосто, посвятил ей хвалебную октаву в своем "Неистовом Роланде"».

Летом 1503 года папа Александр VI устроил пир, на который пригласил нескольких кардиналов. Он как раз собирался избавиться от некоторых из них. Но тут, наконец, вмешалось провидение – случайно папа выпил собственное отравленное вино. Яд был не раз проверенный…

Через год умерла Роза Ваноцци. Вскоре, в 1507 году, убили Чезаре.

В 1519 году в возрасте тридцати девяти лет умерла и сама «кровавая куртизанка». Отпевал Лукрецию ее последний любовник, кардинал, живший при дворе герцога д'Эсте.

К сожалению, а может, и к радости, о детях Лукреции ничего не известно. Таким образом, она стала последней представительницей этого страшного и, в полном смысле слова, смертоносного семейства – Борджиа.

Незримое присутствие

Святой Франциск и святая Жанна де Шанталь

На этот раз мы поведаем вам историю любви не плотской, но духовной. Это – история единения двух душ, мужчины и женщины.

Ее звали Жанна де Шанталь.

Его – Франсуа де Саль. Однако в истории он остался под именем святого Франциска.

В XVII веке, когда наступил очередной «всплеск» роли религии, стали возникать новые религиозные ордена, и множество проповедников обратилось к людям с призывом заботиться о ближних, подавать руку помощи нуждающимся, падшим и бедствующим.

Одним из таких замечательных проповедников был Франциск Сальский (1567–1622). Его сочинения, переведенные на многие языки, и по сей день усердно читаются.

Святой Франциск

Франциск родился в Савойе, в аристократической семье убежденных католиков. Он получил превосходное рыцарское воспитание: сначала в семье, а потом в иезуитской школе, куда

отправился по собственному горячему желанию.

В восемнадцать лет Франциск неожиданно и с необычайной остротой осознал, что принадлежит к числу тех, кому Господь заведомо уготовил вечные муки. Это ощущение было так ужасно и тяжело, что могло разрушить его глубочайшую религиозность. Франциск был близок к отчаянию, но вера помогла юноше преодолеть душевное смятение. Он не прерывал учебы и закончил сначала университет в Париже, затем в Падуе, где получил степень доктора. Франциск вернулся в Савойю и стал адвокатом.

Однако в двадцать шесть лет (в 1593 году) Франциск почувствовал, что ему надо сменить путь служения, и стал католическим священником, ревностным пастырем и проповедником. Все его проповеди были проникнуты «иезуитским духом», не имеющим ничего общего с духом Возрождения.

В 1594 году Франциск добровольно отправился миссионером в суровую горную область страны, где боролся против кальвинизма и других «ересей». Жизнь такого борца-проповедника, как вы понимаете, очень трудна и опасна. Настолько, что Франциску даже пришлось пережить несколько покушений.

Но Франциск Сальский был, как бы теперь сказали, «фанатиком католической веры»: мягкость и осторожность в нем сочетались с последовательностью и полной готовностью к самопожертвованию.

В 1602 году он стал епископом в Женеве. Его резиденция располагалась в небольшом городке Анси.

Надо сказать, что этот город и по сей день хранит память о святом Франциске. Здесь, высоко над старым городом, высится замок XII–XIV веков, некогда принадлежащий женевскому графу. Ныне в замке располагается краеведческий музей. На территории замка находятся колокольня с 37 колоколами и базилика Визитатьон, построенная в честь святого Франциска и святой Жанны де Шанталь (1572–1641), а в алтаре базилики хранятся реликвии этих святых.

Познакомились Франциск и Жанна в 1604 году. Этому знакомству предшествовала поистине мистическая история: Жанна де Шанталь и Франсуа де Саль увидели друг друга во сне…

Жанна де Шанталь

Жанна была родом из знатной семьи, в двадцать лет она вышла замуж за барона де Шанталь и родила ему четверых детей. Они прожили восемь счастливых лет, но однажды барон погиб на охоте. Жанна очень тяжело переживала смерть любимого мужа, спасло ее только то, что нужно было растить маленьких детей.

И вот однажды она приняла приглашение своего брата, архиепископа Буржского, приехать в Дижон, чтобы послушать великолепные проповеди тогда уже прославленного епископа Женевского.

Жанна пришла в церковь на проповедь Франциска Сальского, но когда она увидела священника, то замерла, будто громом пораженная. Ведь это был тот самый человек, которого она видела во сне! Жанна ясно поняла, что их встреча предопределена свыше.

Она слушала его слова, затаив дыхание. Франциск же разглядел лицо новой прихожанки и тоже почувствовал, что где-то видел эту женщину прежде. Да ведь она снилась ему!

Несмотря на столь романтическую встречу никакого греха не случилось! Франциск и не думал нарушать своего долга священнослужителя. Его близость с Жанной де Шанталь была близостью исключительно духовной. Оба они посвятили свою жизнь Богу, их теснейшее общение не имело ничего общего с чувственной любовью. И все же это была Любовь.

Франциск сразу понял, что женщина из сна, та самая женщина, которая теперь сидит и слушает его проповедь, станет

его ученицей и соратницей…

После проповеди Франсуа де Саль узнал, что дама – сестра архиепископа Буржского, и попросил устроить ему встречу с Жанной.

С самого начала он ощутил присутствие некой тайны в его отношениях с мадам де Шанталь.

«Мне кажется, – писал он, – что Господь уготовил меня Вам… С каждым часом я все более в этом убеждаюсь. Вот все, что я могу Вам сейчас сказать».

Неделю спустя в очередном письме к госпоже де Шанталь он добавил: «Чем больше разделяющее нас расстояние, тем сильнее я ощущаю связь между нами».

Прошло немного времени, и госпожа де Шанталь попросила его стать ее духовником. Это еще более сблизило их. Франциск вручил ей бумагу, на которой значилось: «Во имя Господа я беру на себя духовное руководство Вами и буду его осуществлять со всей заботой и преданностью, на которые я способен без ущерба для моего нынешнего положения и обязанностей».

Однако он настаивал на исполнении заповеди, нерушимой для их отношений: «Вы должны быть такой же храброй, как мужчина, в Вас не должно быть ничего женского».

Твердо соблюдая долг священника, Франциск и Жанну направлял к аскетическому идеалу совершенства. Они придавали друг другу силы на этом нелегком пути. Их мистическая связь «подпитывала» обоих. Ведь у Любви столько лиц и столько имен…

Так или иначе, но Франсуа де Саль стал делать стремительные успехи, как только дух его и разум вступили в свободный союз с родственной душой, которую предназначил для него Господь.

«В конце концов, – писал епископ Женевский мадам де Шанталь, – мы оба целиком, безраздельно, безоглядно принадлежим Господу и не желаем ничего, кроме позволения принадлежать Ему. Если в наших сердцах окажется хоть одна ниточка любви, не связанная с Ним и не принадлежащая Ему, мы должны немедленно вырвать ее оттуда. Поэтому да пребудет с нами покой».

Кто знает, что было бы, если бы он не был священником и не дал обета безбрачия?..

Но они нашли выход – направили все свои чувства, всю свою любовь на тех, кто в этом нуждается, на страждущих. Франсуа с Жанной решили основать орден «Визитации» («Посещения»): женщины, вступившие в этот орден, должны были посвятить свою жизнь уходу за больными. Кажется, идея очень благородная, но в

те времена миссионерская деятельность считалась делом исключительно мужским, и прошло несколько лет, прежде чем им удалось претворить свою мечту в жизнь.

Жанна вырастила детей, устроила их жизни и стала первой сестрой визитандинкой, приняв имя сестры Франчески. И все эти годы Франциск был рядом – он был ее наставником и духовником, а Жанна стала для него утешительницей и вдохновительницей.

Франциск был знатоком человеческой души и умелым пастырем. Об этом свидетельствуют его книги: «Филотея» («Руководство к благочестивой жизни»), «Теотим» («Трактат о любви к Господу»). Кстати, трактат написан специально для Жанны де Шанталь. На основе проповедей Франсуа де Саля во Франции расцвел культ Сердца Иисуса (Богопочитания).

Святой Франциск всей душой и всеми силами стремился установить творческую связь между культурой и церковью; ему очень хотелось донести до людей истинное понимание Церкви и показать мирянам, как можно (и нужно) жить в Церкви.

Главным девизом святого Франциска было – «Больше радости!». Он учил искусству радоваться, он открывал людям самую суть религии, все ее богатство. Франциск был последователен и тверд в своей вере, но не запугивал прихожан, а помогал им; пусть он не облегчал им путь, но он вел к самой вершине.

В душе его жила истинная, всепоглощающая любовь к Богу: «Бог, только Бог и еще раз Бог!» «Покой души», «веление духа», «сладостный мир», «успокоение сердечное» он ценил превыше всего.

Все это почувствовала и поняла Жанна. Она оценила незаурядность и удивительную силу своего духовника. Она прониклась его мироощущением. Он стал ей необходим.

Однако Франсуа де Саль в какой-то момент почувствовал, что Жанна стала слишком зависеть от него, и он понял, что не должен более руководить ее работой и духовным развитием. Возможно, Франсуа опасался, как бы его привязанность к ней не превратилась в обычную слабость, вместо того, чтобы быть источником силы.

Он сделал все для того, чтобы раз и навсегда идти избранным путем. Он «отрекся» от Жанны и не позволил себе того, что позволяли многие его собратья по сану. Франциск был действительно верующим человеком. Фанатично верующим. Он не мог погубить неверной человеческой слабостью свою душу и душу мадам де Шанталь.

Но их отношения достигли высшей точки, исполнив свое

особое предназначение.

Их духовная связь была настолько сильной и настолько чистой, что Франциск и Жанна не нуждались в физической близости. Жанна де Шанталь и Франсуа де Саль были счастливы, пусть не принадлежа друг другу, но ощущая (ежесекундно!) присутствие близкого человека в своей жизни. Даже присутствие незримое.

Любовь друг к другу они отдали Богу.

Франсуа де Саль принял твердое решение об уединении и отречении от земного. «Моя дорогая матушка, – писал он Жанне, занятой делами по организации нового ордена, – Вы не должны были рассчитывать на людскую помощь; Вам надлежит отвлечься от всего, что Вы имели до сих пор, и повергнуть себя, слабую и одинокую, на алтарь милосердия Божия, оставаясь лишенной всего и не требуя от людей никакой симпатии, выраженной в словах или поступках. И далее Вы должны оставаться безразличной к тому, что Он может даровать Вам в будущем, не задумываясь, есть ли Ваша заслуга в том, что Вы получили то, в чем нуждались. Иначе Вам остается лишь тешить себя надеждой подняться над собой».

Путь Жанны был тернистым, как путь всякой святой. Ответ, который она послала Франсуа, был горьким. Она смирилась с тем, что их встречи теперь будут крайне редки, а может быть, их не будет и вовсе. И все же в этом ответе женщины, стоически переносящей все, что дарует судьба, есть такая неутоленная, такая сильная жажда нежности, что ее ничем не скрыть…

«Я рада, что Вы продлите Ваше уединение, так как Вы по-прежнему сможете посвящать его потребностям Вашей души, – писала Жанна. – Я не говорю слово “нашей", ведь я не могу употреблять его более, поскольку чувствую, что теперь не составляю часть этой души, я лишена всего, что было для меня самым ценным».

Она знает: он отрекается от всего земного и от нее для того, чтобы не быть слабым. Она тоже хочет видеть Франциска сильным. Но как же тяжело теперь будет не говорить с ним, не иметь от него известий.

«Как глубоко вонзился нож, отец! Сегодня мне кажется, что у меня в душе не осталось ничего. Нетрудно отказаться от внешних удобств, но отделиться от тела, опуститься в самую глубину души, что, как мне кажется, мы сделали, страшно, это столь же тяжко, сколь невозможно жить без Благодати Небесной».

Она заканчивает послание покорным обещанием: «Отец, я не буду искать встречи с Вами без Вашего позволения… Кажется, будто я вижу наши души слитыми воедино в полном смирении

перед Всевышним!»

Франсуа ответил ей немного грустно, но достаточно твердо:

«Все происходит так, как и должно происходить, матушка… Господь любит нас, матушка, и желает, чтобы мы принадлежали ему всецело. У меня, благодарение Богу, все хорошо, в глубинах моего сердца пробиваются ростки осознания новой силы, благодаря которой я смогу лучше служить Богу в оставшиеся мне дни».

В последний раз Жанна и Франциск встретились три года спустя, в Лионе. Они всего лишь обсуждали дела их «детища» – ордена. Франциск настаивал на том, чтобы отложить «все личное» до следующей встречи. Он обещал, что она состоится чуть позже, в Анси.

Но встреча так и не состоялась. Никогда.

Наступившее Рождество Жанна провела в Гренобле. И, как всегда, молилась за Франсуа – главного человека в ее жизни. И вдруг в голове совершенно отчетливо прозвучало: «Его больше нет!»

Жанна вздрогнула как тогда, когда в первый раз увидела человека из своего сна на кафедре в церкви. И сразу поняла, что не ошиблась. В эту минуту его не стало. В этот миг умер святой Франциск. Удивительно, но таким же сверхъестественным образом о смерти святого было сообщено всем, кто любил его, – брату Франсуа Луи, послушнице сестре Анне Кост и племяннику Шарлю, который был опасно болен, но исцелился в минуту, когда видение дяди предстало перед ним.

Святой Франциск был одним из первых моралистов, которые действительно любили женщин. Любили в том смысле, что не принижали их и не очерняли. Высоко ценя понятие христианского брака, Франсуа де Саль советовал мужьям пользоваться своим авторитетом, никогда не прибегая к насилию.

Был у него и еще один прекрасный практический совет: «О мужья, если вы желаете, чтобы ваши жены были вам верны, подавайте им пример собственным поведением».

Он призывал мужей и жен укреплять в себе любовь друг к другу и относиться к браку возвышенно.

И, что еще удивительнее, особенно для католического священника, – Франциск советовал супругам чаще ласкать и целовать друг друга! Возможно, людей того времени подобные советы шокировали…

Франциск очень бережно относился к чувству любви, считая ее не просто состоянием души, а способом развития личности, в котором, увы, многие люди никогда не продвигаются дальше начала. Не правда ли интересный взгляд?

Безусловно, письма Франциска к Жанне де Шанталь ничуть не похожи на письма Абеляра к Элоизе. Как и письма Жанны не похожи на письма Элоизы.

По совету Абеляра Элоиза пыталась любить Бога больше, чем самого Абеляра. И не сумела!

А Жанна де Шанталь смогла. Потому что этому ее учил не кто-нибудь, а Франсуа де Саль – святой Франциск.

Элоиза – монахиня, которая пренебрегла своим обетом. Жанна и Франциск – не поддавшиеся искушению и слабостям святые.

Но и любовь сильных духом людей остается Любовью… Однажды Франциск написал Жанне: «Чем больше разделяющее нас расстояние, тем сильнее я чувствую связь между нами…»

Монахиня и разбойник

Аббатиса Елена Кампиреали и Джулио Бранчифорте

Эта история описана Стендалем в его знаменитых «Итальянских хрониках», и она совершенно правдива. Историю эту сохранили старинные рукописи – римская и флорентийская, по ним писатель и восстановил удивительную судьбу женщины по имени Елена де Кампиреали, которая была аббатисой монастыря Визитационе в городе Кастро. Судебный процесс над ней и ее страшная смерть вызвали в свое время множество пересудов в высшем обществе Рима и всей Италии.

Родилась Елена в Италии в 1542 году в одной из самых богатых и знатных семей. По словам автора флорентийской рукописи, Елена была очень красива: «Овальное лицо, очень высокий лоб, каштановые волосы, выражение скорее веселое; большие, глубокие глаза; темные брови над ними, образующие две совершенные дуги. Тонкие губы, словно нарисованные знаменитым художником Корреджо… Редко можно встретить подобное сочетание веселости и величия».

Воспитывалась Елена в монастыре Визитационе, там она провела восемь лет, а затем продолжила образование дома. Стихи, которые ей приходилось учить, «говорили о любви страстной, питаемой великими жертвами и существующей в атмосфере жутких тайн…» Девушка мечтала о такой любви. И она ее получила!

Елене исполнилось семнадцать лет, когда она узнала, что в нее влюбился один «весьма бедный молодой человек». Звали его Джулио Бранчифорте. «Единственным преимуществом этого скромного молодого человека были его живой и подвижной нрав и неподдельная беспечность, с которой он переносил свою бедность. Его выразительное, хотя и некрасивое лицо тоже говорило в его пользу». Джулио было двадцать два года, он уже побывал на войне, где сражался под знаменами князя Колонны и проявил храбрость. Доброе сердце юноши привлекало к нему множество девушек, но он полюбил Елену…

Однажды синьор де Кампиреали, отец Елены, заметил, что слишком уж часто Джулио прохаживается под окнами их дома.

– Как ты смеешь шататься возле моего дома и бросать дерзкие взгляды на мою дочь? – накинулся он на соседа-бедняка. Джулио очень расстроился и больше не прохаживался под окнами при свете дня.

Елена, которой подруги уже рассказали о молодом человеке и о том, что он мечтает о ней, удивлялась, куда это он пропал… Но вот, как-то около полуночи, сидя у окна своей комнаты, она мечтала о Джулио и вдруг… что-то темное мелькнуло перед окном. Елена испугалась. Но, приглядевшись, увидела букет цветов, привязанный к длинному бамбуковому шесту. Девушка поняла, что юноша стоит внизу… Ей предстояло сделать непростой выбор: отвергнуть приношение или принять его. Если она возьмет букет, то это может стать признанием и с ее стороны… Елена заволновалась… и взяла букет. И увидела, что к цветам привязано письмо, которое она тут же развернула.

«Я беден, – писал Джулио, – и Вы с трудом можете представить всю глубину моей бедности. У меня нет ничего, кроме домика, который Вы, быть может, видели у развалин акведука Альбы. Около моего дома есть огород, который я обрабатываю сам и который кормит меня. Есть у меня еще виноградник, который я сдаю в аренду за тридцать экю в год. Я не знаю, к чему приведет моя любовь: не могу же я предложить Вам разделить мою нищету. А между тем, если Вы не любите меня, то жизнь не имеет для меня никакой цены. Не стоит говорить, что я тысячу раз отдал бы ее за Вас… Быть может, Вы презираете меня. Если же, несмотря на мою бедную одежду, Вы чувствуете ко мне хоть каплю сострадания, запомните, что каждый вечер, когда в монастыре капуцинов бьет полночь, я стою, прячась под дубом, против окна, на которое смотрю беспрестанно…»

Елена несколько раз прочитала письмо, и ее жаждавшая любви семнадцатилетняя душа ответила на чувства Джулио.

Так началась их переписка и тайные свидания. Малейшая неосторожность угрожала смертельной опасностью для Джулио, ведь отец Елены ни за что не отдал бы свою дочь, самую богатую невесту в городе, за голодранца. К тому же сеньор Кампиреали был довольно вспыльчив и гневлив. И в конце концов он заметил, что по ночам в саду происходит что-то неладное. Вместе со своим сыном Фабио, братом Елены, он устроил засаду под балконом дочери. Мужчины были вооружены аркебузами, оба были готовы пристрелить на месте наглеца, осмелившегося посягнуть на покой их Елены.

Подходя к дому Кампиреали, Джулио не подозревал об опасности, но в последнюю секунду Елена высунулась из окна и подала ему знак уходить. Поймать Джулио сеньору Кампиреали в тот вечер не удалось, однако он устроил громкий скандал дочери, пообещав непременно лишить жизни ее воздыхателя. Отец бушевал не на шутку. В какой-то момент Елена даже решила, что он сейчас же убьет ее.

На помощь дочери пришла любящая мать, она отвлекла гнев мужа на себя, затеяв с ним спор. Окончательно разозлившись, сеньор Кампиреали удалился к себе, а Елена достала спрятанные в тайнике письма Джулио и, от греха подальше, сожгла их в камине.

С той ночи за девушкой следили так зорко, что ни о каких встречах с возлюбленным не могло быть и речи. Несчастная страдала и плакала – ее любовь обречена, ей не дадут соединиться с Джулио. А ведь он тот единственный, к кому она привязалась всей душой! И другого не будет! Но молить отца было бесполезно.

Страсть и горе терзали души обоих влюбленных. В конце концов Джулио решил похитить Елену, уехать с ней в другой город и обвенчаться. Но он очень любил Елену и не хотел поступать против ее воли, а потому счел нужным сначала увидеться с ней и предложить любимой бежать с ним.

Такая решительность появилась в душе Джулио неспроста. Некий Рануччо – друг его покойного отца, храброго вояки капитана Бранчифорте, – уйдя с военной службы, занялся более прибыльным делом… он стал разбойником. Самым настоящим разбойником с большой дороги. И в то самое время, когда Джулио страдал в разлуке с Еленой, Рануччо решил взять юношу под свое крыло. И взял: бедняга Джулио тоже стал разбойником. Оттого-то и появилась в нем решительность.

И вот, несмотря на все старания сеньора Кампиреали и его сына, влюбленным удалось увидеться. Это было очень трогательное свидание… Желая быть совершенно честным с любимой, Джулио сказал: «Быть может, это убьет в Вас чувства, надежда на которые составляет всю мою жизнь. Вы думаете, что я только бедняк, но это еще не все: я разбойник…» В ответ Елена… упала в его объятия.

Затем они встречались еще несколько раз… А тем временем до сеньора Кампиреали стали доходить неприятные слухи, будто Джулио стал любовником его дочери (однако легенда гласит, что девушка оставалась чиста), и в конце концов разъяренный отец окончательно решил убить Джулио. Вместе с Фабио они устроили настоящую облаву на наглеца. Но небо судило иначе. Пытаясь осуществить задуманное – похитить возлюбленную, – Джулио убил одного из своих преследователей. От его руки пал Фабио.

Потрясенная всем происшедшим девушка ушла в монастырь. Джулио искал случая оправдаться перед любимой, но пробраться в монастырь не было никакой возможности. Тогда юноша вместе с несколькими сообщниками стал каждый день раздавать у монастырской церкви милостыню и заводить «нужные»

знакомства среди монахинь. Наконец через одну из них молодому разбойнику удалось передать Елене письмо, в котором он подробно рассказал, как произошло несчастье с ее братом. В ответ Елена написала, что остаток жизни употребит на то, чтобы забыть виновника смерти брата. И никакие пылкие письма бывшего возлюбленного не смогли изменить ее решение. Но Джулио считал, что должен поступить достойно и жениться на Елене, а для этого ее надо было… опять похитить. На этот раз из монастыря. С большим трудом он добился встречи с ней и с еще большим трудом уговорил тайно венчаться. Елена согласилась, поскольку когда-то клялась ему в любви и верности. Они договорились встретиться следующей ночью…

Однако в те дни в монастыре у Елены гостила ее мать. Конечно, синьора Кампиреали сразу же заметила, что с дочерью что-то неладно. Любящей матери ничего не стоило выяснить, что именно так тревожит Елену. Синьора Кампиреали легко убедила свою несчастную дочь в том, что открытый брак гораздо лучше и честнее тайного, и обещала как-нибудь добиться у мужа разрешения на этот брак.

Елена написала Джулио письмо, в котором просила отложить венчание на неделю и объясняла свою просьбу тем, что не может огорчить свою любимую и нежно любящую матушку. Джулио Бранчифорте был сильно изумлен, получив это письмо, и решил, что пора переходить от слов и писем к действиям: то есть, к похищению. Он собрал небольшой отряд и направился в монастырь. Джулио хотел тайно выкрасть Елену, но в монастырском саду его отряд наткнулся на солдат охраны и завязался самый настоящий бой. Судьба вновь вмешалась: похищение не удалось, а сам молодой разбойник был серьезно ранен.

Наслушавшись страшных рассказов о ночной перестрелке и повздорив с матерью, бедняжка Елена убежала из монастыря. Вместе со своей камеристкой Мариэттой она укрылась у бывшей кормилицы и занялась поисками Джулио. Но поиски эти не давали результата.

«Нет никакого сомнения, бедного Джулио нет в живых, и это я убила его. А все из-за моей презренной слабости и малодушия…» – думала Елена, но поисков не оставляла. Наконец она узнала, что ее любимый жив, и приложила все усилия, чтобы встретиться с ним. Отчего-то судьба была против – небесам была явно неугодна эта встреча… Елена так и не смогла увидеться с Джулио и, поразмыслив, решила, что самым наилучшим будет вернуться в монастырь (родной дом стал бы для нее самой ужасной тюрьмой).

«С печалью в сердце вернулась она в монастырь, – говорит флорентийская хроника, – и на этом можно было бы кончить ее историю – и это было лучше для нее…»

Стараниями синьора Кампиреали Джулио Бранчифорте был объявлен бандитом, устроившим налет на монастырь с целью ограбления, и приговорен к жесточайшей пытке каленым железом, а затем сожжению на медленном огне. Но пока что Джулио был жив и уже здоров, а вот сам синьор Кампиреали медленно умирал от мучительной болезни.

Прячась от властей, Джулио был вынужден бежать из Италии. Отплывая на корабле в Испанию, он попросил верного человека передать письмо Елене, но и это письмо, и все последующие письма «верный человек» сжигал – опасаясь за жизнь Джулио, он не хотел, чтобы молодой человек вернулся в Италию.

«Что касается бедной Елены, – повествует дальше рукопись, – то с ней обращались в монастыре по-княжески. Смерть сеньора Кампиреали сделала ее владелицей огромного состояния».

Шли годы. Прошло десять печальных лет. Елена не приняла ни одного предложения руки даже от самых знатных римских сеньоров. И тут начинается вторая часть истории Елены. Увы, не менее печальная, чем первая.

Любящая мать Елены желала для дочери совсем иной участи, нежели жизнь в монастыре. Она всей душой хотела выдать ее замуж. И чтобы Елена наконец забыла своего Джулио, она придумала сказать ей, будто бы лихой разбойник убит в Мексике мятежными дикарями. Потрясенная Елена на полгода заперлась в своей келье.

А когда она вышла из кельи… то полностью предалась «всем безумствам тщеславия, на которые только способны скучающие люди, тяготящиеся своим богатством».

К тому времени умерла аббатиса монастыря. И Елена, которая все еще пребывала в монастыре воспитанницей, а не монахиней, попросила мать помочь ей занять место аббатисы. Она написала матери, что никогда не выйдет замуж, но с удовольствием возглавит монастырь. И объяснила, зачем ей это понадобилось: все три возможные претендентки на место аббатисы были явными ее врагами и, в случае избрания любой из них, Елену ждали бы всяческие унижения и оскорбления…

Мать Елены воспользовалась несметным семейным богатством, а также пустила в ход все свои связи. И «дело выгорело»! Выборы новой аббатисы отсрочили на целых полгода (дело небывалое!). Сама же Елена тем временем срочно приняла постриг.

Но мы совсем забыли о Джулио. За эти годы Джулио

Бранчифорте под именем барона Лидзара заслужил довольно громкую военную славу и стал полковником. Слава его была уже столь велика, что тайна его имени могла скоро раскрыться…

А в это время епископом в Кастро был назначен монсеньор Франческо Читтадини, привлекательный вельможа, принадлежащий к миланской знати. «Своим быстрым продвижением по церковной иерархической лестнице он был обязан своей честности и порядочности, а в особенности благородному выражению своего красивого лица, отличавшегося необычайно правильными чертами. О нем писали, что один вид его внушал любовь», – так говорит о монсеньоре Франческо рукопись. Правда, та же рукопись отмечает «полнейшее отсутствие ума у монсеньора Читтадини…»

Этот молодой человек часто навещал монастырь, где аббатисой вот уже два года была Елена. Епископу было двадцать девять лет. Елене исполнилось столько же. Молодой человек, несмотря на свой сан, безумно влюбился в нее…

Как видно из документов судебного процесса, который происходил год спустя, Елена вступила в преступную связь с красавцем-епископом. Все монахини, принимавшие участие в процессе в качестве свидетельниц, показали, что епископ пользовался каждым случаем, чтобы побывать в монастыре, и часто говорил аббатисе совершенно светские комплименты. В таких случаях аббатиса всякий раз прерывала его цветистые фразы и резко, а порой и презрительно, приказывала ему замолчать.

«По правде говоря, – показал другой свидетель, – госпожа аббатиса обращалась с ним, как со слугой; бедный епископ опускал глаза и начинал плакать, но не уходил. Он каждый день находил все новые предлоги для посещения монастыря…»

Аббатиса обращалась с епископом самым жестоким и грубым образом и при каждой встрече осыпала его бранью.

Однако искушенные монахини перешептывались между собой: «Он приходит каждый день, – говорили они, – значит, с ним здесь обращаются не так уж плохо… Эти отношения очень похожи на любовную интригу…»

Однажды поздним вечером молодой епископ явился к дверям церкви, и аббатиса сама впустила его. Она приняла его в своей комнате… Но «не прошло и часа, как епископу, к его величайшему удивлению, было предложено удалиться; аббатиса проводила его до дверей церкви и произнесла следующие слова: “Уходите скорее отсюда и возвращайтесь в свой дворец. Прощайте, монсиньор, вы внушаете мне отвращение; у меня такое чувство, точно я отдалась лакею”».

Однако через три месяца аббатиса подала епископу знак на улице, и в следующую ночь он вновь был у дверей церкви. С этого дня он стал являться раз в неделю. На лице Франческо Читтадини утвердилось выражение самодовольства и глупости, которое отмечали все окружающие и которое до крайности оскорбляло высокомерную аббатису.

В конце концов она не выдержала и, наговорив епископу множество оскорбительных вещей, прогнала его от себя.

И вдруг, всего через несколько дней, аббатиса опять вызвала красавца-епископа в церковь. Она объявила ему о своей беременности. Как сказано в протоколах судебного процесса: «При этом известии молодой человек побледнел и от страха лишился всякого соображения».

А у аббатисы началась лихорадка; прибывший врач пообещал помочь и прислал ей повитуху. Эта молодая женщина сразу предложила Елене план. Для его исполнения требовались две монахини, которым можно было бы доверить тайну аббатисы.

Елена долго не решалась открыться кому-либо, но затем собралась с духом и доверилась синьоре Виттории, настоятельнице монастыря, и синьоре Бернарде. Она заставила их поклясться на Евангелии, что они никогда и никому не расскажут о ее ужасной тайне. Впоследствии на допросе монахини показали, что в ужасе ожидали признания в убийстве. Но Елена сказала холодно и просто:

– Я нарушила мои обеты, я беременна.

Монахини стали обдумывать, как бы им скрыть эту тайну от других обитательниц монастыря. Для начала они перенесли кровать аббатисы в келью, которая находилась в самой отдаленной части огромного здания. Там Елена и родила мальчика.

Три недели ребенок находился при матери, и за ней и за младенцем ухаживала все та же повитуха. А затем настало время, когда ребенка нужно было унести из монастыря. Повитуха вынесла сына Елены за монастырские стены, а вскоре покинула и город. Она укрылась в пещере, о которой заранее предупредила аббатису.

Елена тем временем написала Чезаре дель Бене, домоправителю ее любовника-епископа, записку, прочитав которую он немедленно поспешил к указанному в записке месту. Взяв ребенка, доверенный епископа поскакал галопом в город Монтефьясконе. Там он окрестил ребенка в церкви святой Маргариты под именем Алесандро. Чезаре нашел мальчику кормилицу, вручил ей крупную сумму денег и оставил Алесандро у нее.

«Пока все шло благополучно», – замечает автор рукописи. Однако повитуха не выдержала и выболтала тайну Елены. Вскоре о происшедшем знала вся округа.

Молодой епископ Читтадини от страха заболел. Но, несмотря на свою болезнь, решил уехать из Кастро и перед отъездом написал аббатисе следующее письмо:

«Вы уже знаете, что все раскрылось. Итак, если вы хотите спасти не только мою репутацию, но, быть может, и самую жизнь, вы должны, во избежание еще худшего скандала, обвинить во всем Джованни-Баттиста Долери, умершего два дня тому назад; если таким способом вы и не восстановите своей чести, то моей по крайней мере не будет угрожать никакая опасность».

Когда Елена прочитала это постыдное письмо, она громко воскликнула:

– Вот чего заслуживают неразумные девы, предпочитающие красоту телесную красоте духовной!

Недаром она так сильно презирала своего любовника!

О происшедшем в Кастро быстро узнали церковные власти, и тут же был отдан приказ арестовать епископа Читтадини. Вслед за ним была арестована и Елена.

На первом же допросе аббатиса признала себя виновной, но связь с епископом она отрицала, назвав своим любовником Джованни-Баттиста Долери, монастырского адвоката.

Папа римский Григорий XIII приказал, чтобы с процессом поспешили и чтобы его вели со всей строгостью. Всех участников и свидетелей случившегося допрашивали с пристрастием, многих жестоко пытали, били. Большинство монахинь показало, что преступником-прелюбодеем был епископ Читтадини.

«Одна монахиня, – говорится в рукописи, – когда ей пригрозили пыткой, заявила, что виновником преступления является кот, которого аббатиса всегда держала на руках и ласкала. Другая монахиня говорила, что виновником этого преступления может быть ветер, так как в ветреные дни аббатиса всегда бывала в хорошем настроении и выходила на балкон, который был специально построен для этой цели: если в этом месте, бывало, обратишься к ней за какой-нибудь милостью, она никогда не отказывала». Повитуха и кормилица, напуганные пытками, рассказали всю правду.

Молодой епископ, содержавшийся в заключении, был болен или притворялся больным, и допросить его пока было нельзя. А потому каждое заседание суда начиналось с очередного допроса аббатисы.

И вот однажды Елена призналась, что любовником ее был епископ Читтадини.

– Почему вы не признались с самого начала? – спросили судьи.

– Из жалости к малодушному епископу; к тому же, если ему удастся спасти свою драгоценную жизнь, он сможет позаботиться о моем сыне.

После этого аббатису заперли в тюремной камере монастыря. Монахини с ужасом шептались об этой темнице, известной под названием «камеры монахов». Там аббатису день и ночь стерегли три женщины.

Едва здоровье епископа улучшилось, его сразу перевезли на носилках в Рим, где поместили в тюрьму Корте-Савелла. А затем в Рим были доставлены и монахини; аббатису поместили в монастыре святой Марты. Кроме нее церковный суд признал виновными двух ее сообщниц – монахинь Витторию и Бернарду, а также сестру-привратницу и церковную сторожиху.

Епископа допрашивал один из главных судебных чинов Рима. Читтадини глупо, но с большим упорством отрицал все: он, пытаясь запутать следствие, очень подробно рассказывал, что делал в течение вечера, который, как многим было известно, провел с аббатисой.

Наконец устроили очную ставку аббатисы с епископом, и хотя она все время говорила правду, ее подвергли пытке. Перепуганный и рассерженный ее словами епископ осыпал ее ругательствами.

В конце концов, был произнесен приговор. Епископа Читтадини приговорили к пожизненному тюремному заключению в замке Святого Ангела, аббатиса же должна была окончить свою жизнь в монастыре святой Марты.

Однако мать Елены не желала такой страшной участи для своей любимой и единственной дочери. Синьора де Кампиреали немедленно приняла меры к спасению Елены, приказав начать тайно рыть подземный ход прямиком в ее келью.

Дело это было весьма и весьма нелегкое. Подземный ход пролегал на довольно большой глубине и был достаточно протяженным, а потому из него вынимали огромное количество земли, которую просто некуда было девать. По приказу синьоры Кампиреали эту землю по ночам раскидывали по улицам Рима… «Все удивлялись большому количеству земли, которая точно падала с неба». Любящая матушка тратила огромные деньги на спасение дочери.

Тем временем умер папа Григорий XIII (это было в 1585 году), и до избрания нового папы в Риме воцарился беспорядок, что очень помогло сеньоре Кампиреали, иначе ее безумное предприятие быстро обнаружили бы.

А Елена мучилась и страдала в монастыре святой Марты, где простые монахини с готовностью унижали бывшую аббатису. Елена не могла дождаться, когда будет готов подземный ход. И тут пришло сообщение, которое вновь перевернуло всю ее жизнь.

В Италию, воспользовавшись начавшейся смутой, вернулся Джулио Бранчифорте, вернее, полковник Лидзара. На родине он узнал об ужасной участи своей возлюбленной Елены. Проведя годы на чужбине, храбрый вояка все же не забыл о ней. И теперь сердце его дрогнуло! С кучкой таких же храбрецов он явился в Рим.

Один из верных людей Джулио теперь целыми днями дежурил у ворот монастыря святой Марты, подавая всем входящим и выходящим оттуда служителям мелкие монеты, приговаривая:

– Радуйтесь вместе со мной! Синьор Джулио Бранчифорте вернулся, он жив! Передайте это вашим друзьям.

Деньги раздавались направо и налево, день и ночь. И скоро весь монастырь повторял фразу: «Сеньор Джулио вернулся…»

План хитрецов сработал! Не прошло и двух дней, как слух этот достиг ушей Елены. Она поняла, что Джулио жив, что мать обманула ее.

– О матушка! – воскликнула она. – Сколько горя вы мне причинили!

Она и хотела, и боялась встречи с Джулио…

– Увидеть его теперь, когда я так согрешила! – в ужасе восклицала бедная монахиня. Она понимала, что предала Джулио, и ей казалось, что она недостойна его.

В это время в темницу к дочери по подземному ходу шла мать. Ее план тоже удался на славу – подземный ход привел, куда следовало. Она застала пленную аббатису в ужаснейшем волнении, бедняжка решила, что вслед за матерью идет Джулио.

– О, моя дорогая Елена, я пришла спасти тебя! – воскликнула синьора Кампиреали.

– А кто вам сказал, что я хочу быть спасена? – спросила Елена.

Синьора де Кампиреали с ужасом смотрела на дочь.

– Я виновата перед тобой, – сказала она, – но теперь раскаиваюсь и прошу прощения: Джулио Бранчифорте… жив…

– И именно потому, что он жив, – отвечала Елена, – я не хочу больше жить.

Тщетно уговаривала мать свою несчастную дочь бежать. Елена повернулась к распятию и молилась, не слушая ее.

Когда синьора де Кампиреали удалилась, Елена села писать последнее свое письмо:

«Я не сомневаюсь в тебе, мой дорогой Джулио; если я расстаюсь с жизнью, то только потому, что умерла бы от горя в твоих объятиях, почувствовав, как велико могло бы быть мое счастье, если бы я не совершила ошибку. Не думай, что я кого-нибудь любила после тебя. Напротив, мое сердце было исполнено презрения к человеку, которого я впускала к себе в спальню. Мой проступок был вызван скукой и, быть может, также и распущенностью… Я все время представляла тебя рядом с собой… Я приказываю тебе жить и продолжать свою военную карьеру… Живи и вспоминай… о Елене, которая умерла в монастыре святой Марты, чтобы не видеть упрека в твоих глазах».

Дописав последние строки, Елена отдала письмо слуге и велела отнести его Джулио.

– Иди скорее, – сказала она, – и передай ему вот этот платок и скажи, что я сейчас люблю его не меньше, чем любила всегда, слышишь? Всегда!

Слуга ушел. А прекрасная Елена, аббатиса из Кастро, пронзила себе сердце кинжалом.

На этом заканчивается история о любви и смерти– о действительно несчастной, но истинной Любви…

Два кардинала и одна королева

Анна Австрийская и кардиналы Ришелье, Мазарини

О кардинале Ришелье, кардинале Мазарини и королеве Франции Анне Австрийской знает, пожалуй, любой школьник. Прославил и обессмертил этих троих Александр Дюма в своих блестящих романах «Три мушкетера» и «Двадцать лет спустя». Если же «любой школьник» и не читал романов, то фильмы он смотрел наверняка.

Все знают, что Ришелье был влюблен в Анну Австрийскую. А она его не любила. И не просто не любила, а боролась с ним всеми доступными ей средствами. Правда, безрезультатно… Затем Ришелье на посту премьер-министра сменил кардинал Мазарини. И овдовевшая к тому времени Анна всю свою нерастраченную страсть отдала ему.

Все об этом знают, вот только, увлекшись занимательным сюжетом, забывают немаловажное для нас обстоятельство: и Ришелье, и Мазарини были священниками. А стало быть, их чувство к королеве было греховным.

Нам Анна Австрийская представляется растерянной, слабохарактерной женщиной, в то время как на самом деле она обладала гордым, независимым, подлинно королевским характером. Внешне Анна, испанская инфанта, пошла в мать – австрийскую принцессу Маргариту, девочку потому и прозвали Анной Австрийской. Выросла Анна высокой и статной, и была блондинкой с голубыми глазами. Будущая королева Франции в свое время считалась красивейшей женщиной Европы.

Анна Австрийская

Девятого ноября 1615 года на границе Франции и Испании в городке Бидассоа состоялась торжественная церемония – страны обменялись невестами. В Испанию прибыла тринадцатилетняя Елизавета Французская, чтобы стать женой испанского инфанта Филиппа. А во Францию въехала четырнадцатилетняя Анна Австрийская.

После обязательных и долгих переговоров, а также свадебных пиршеств Людовик XIII и Анна Австрийская провели первую брачную ночь.

Возможно, уже тогда Анна поняла, что брак ее будет несчастливым. Живая и кокетливая, принцесса любила балы и пиры. Она рано развилась и мечтала о замужестве, в мечтах ей рисовался образ будущего мужа, и она наделяла его всеми возможными достоинствами…

А Людовику было тоже всего лишь четырнадцать лет. Молодой король был угрюмым, болезненным и постоянно заикался… Радовался Людовик только охоте, музыке да изысканным яствам.

Семейная жизнь королевской четы явно не складывалась. Однако до открытого разрыва не доходило. И так прошло десять лет. Но вот первым министром Людовика XIII стал кардинал Ришелье…

Кардинал Ришелье

Кардинал Арман Жан дю Плесси, герцог Ришелье начал свою политическую карьеру при французском дворе в роли духовника Марии Медичи. Именно королева-мать поспособствовала тому, чтобы ее исповедник стал кардиналом. (Говорят, для того, чтобы порадовать пожилую даму, он даже научился играть на гитаре!)

Ришелье обладал довольно привлекательной внешностью и пользовался большим успехом у дам. Однажды из-за него даже состоялась дуэль между двумя знатными дамами. Но вот сердце королевы кардиналу покорить не удалось, хотя он и желал сыграть в жизни Анны ту роль, с которой не справился Людовик.

«Кардинал, – писал один из историков того времени, – решил покорить королеву и помочь ей родить. С этой целью он устроил так, что Анна Австрийская испортила отношения с королем и королевой-матерью, не догадываясь о его участии в этом деле. Затем он подговорил приближенную даму королевы, мадам дю Фаржи, сказать своей госпоже, что, если она пожелает, он сможет помочь ей выйти из того бедственного положения, в котором она оказалась. Королева, совершенно не догадываясь о том, что именно кардинал является причиной всех ее несчастий, подумала сначала, что он предлагает ей свою помощь из простого сочувствия. Она не могла даже предположить, что кардинал преследовал какие-то другие цели».

А кардинал на самом деле полюбил королеву… Анне, как всякой женщине, поначалу льстило внимание Ришелье, она даже стала приглашать его в свои покои для беседы. Ближайшая

подруга королевы Мария де Роган, в замужестве герцогиня де Шеврез, всегда присутствовала на этих встречах. Иногда вместо долгих бесед и обсуждения дворцовых сплетен устраивали танцы, и влюбленный Ришелье – всесильный кардинал и премьер-министр Франции – согласился однажды по просьбе Анны вырядиться в испанского шута и станцевать сарабанду.

«Королева и ее наперсница в это время думали о развлечениях не меньше, чем об интригах, – рассказывает в своих записках граф де Бриенн. – Однажды во время беседы они решили немного посмеяться над влюбленным в королеву кардиналом.

– Он страстно увлечен вами, мадам, – сказала королеве ее наперсница, – и я не знаю того, что он бы не сделал, лишь бы только понравиться вашему величеству. Хотите, я пришлю его к вам в наряде шута и уговорю его станцевать вам сарабанду? Хотите? Только скажите, и он сделает это.

– Какое безумие! – рассмеялась королева.

Она была молода, она была женщиной, она была веселого нрава. И можно было понять, почему она нашла это предложение привлекательным. Королева поймала свою наперсницу на слове, и та тут же отправилась за кардиналом. Первый министр, голова которого была забита делами государственной важности, но сердце оставалось свободным для любви, дал согласие на необычное свидание, полагая, что объект его страсти им уже завоеван…»

Происшествие это стало известно от приглашенного в тот вечер скрипача Бокко, который, несмотря на то, что ему велено было держать язык за зубами, все разболтал.

Ришелье явился к королеве в зеленых бархатных панталонах и станцевал ей сарабанду под звуки скрипки Бокко, перезвон колокольчиков, подвешенных на его подвязках, и стук кастаньет, с которыми премьер-министр сам же и управлялся. Королева и герцогиня хохотали до упаду.

По прошествии некоторого времени кардинал пришел к выводу, что пора от бесед и танцев переходить к более важному, по сути, государственному делу – Франция нуждалась в наследнике. Король Людовик давно обходил стороной спальню Анны Австрийской, и кардинал решил сам осчастливить французский народ. О своем решении кардинал поведал Анне через госпожу дю Фаржи. Королева была потрясена, изумлена и даже… несколько напугана. Только сейчас она поняла, что кардинал не так уж и прост: королева родит наследника престола, с Людовиком «что-нибудь случится» – и кардинал станет истинным правителем королевства…

Анна Австрийская гневно отвергла его предложение.

Кардинал, подстроив встречу наедине, попытался объясниться с рассерженной королевой и сказал, что вовсе не хотел ее оскорбить… Анна в гневе так на него посмотрела, что вошедший неожиданно Людовик встревожился:

– О чем это вы беседуете?

– О всяких глупостях! – резко ответила Анна и удалилась.

Кардинал почувствовал себя униженным, даже уязвленным. А Ришелье не привык быть униженным. Он понял, что с ним всего лишь развлекались, и решил мстить.

Кардинал и королева сделались настоящими врагами, и их взаимная вражда не раз сказывалась на жизни ни в чем не повинной страны.

Весной 1625 года сестра Людовика XIII Генриетта-Мария обвенчалась с королем Англии Карлом I Стюартом. И вскоре в Париж прибыл герцог Бэкингем, дабы сопровождать 15-летнюю королеву Англии на ее новую родину.

Джордж Вилльерс, герцог Бэкингем был всесильным фаворитом при английском короле. Он был красив, очень богат, обожал роскошь и женщин. Герцог был женат на Екатерине Говард, которая родила ему пятерых детей, что нисколько не мешало Бэкингему продолжать любить других женщин и крутить любовные интриги. А потому нет ничего удивительного в том, что, увидев красавицу Анну Австрийскую, герцог с первого же взгляда влюбился в нее.

Французский двор был потрясен его откровенными ухаживаниями, а королева… впервые по-настоящему полюбила.

Ришелье был в бешенстве. Он приставил к Анне несколько десятков шпионов, которые повсюду следовали за королевой, не давая ей встретиться с герцогом наедине. Но на помощь своей венценосной подруге пришла герцогиня де Шеврез. Она была женщиной опытной, а потому ей удалось устроить несколько тайных встреч любвеобильного Бэкингема и Анны Австрийской. Однако тайна раскрылась – естественно, с помощью кардинала. Герцогу пришлось покинуть Францию, а королеве – объясняться с королем, с которым отношения и так были натянуты до предела.

Как вы помните, в то время шла Тридцатилетняя война, и воевала тогда чуть ли не вся Европа. Так вот, весной 1627 года Англия стала собирать войско против Франции. А затем произошла та самая знаменитая осада Ла-Рошели – последнего оплота протестантов во Франции, – которая столь красочно описана Александром Дюма в «Трех мушкетерах». Возможно, Бэкингем, спровоцировав это выступление, рассчитывал, что правительство Франции предложит переговоры, а вести их со стороны Англии будет конечно же он. Герцог не терял надежды

вернуться к Анне Австрийской…

А королева тоже не скучала: в ответ на все козни Ришелье она начала сама плести против него интриги. Помогали ей в этом бессменная госпожа де Шеврез и молодой Гастон Анжуйский, родной брат короля.

Заговорщики составили довольно примитивный план: Гастон Анжуйский со своей свитой должен был приехать на ужин к кардиналу, затем люди Гастона затеяли бы спор, схватились бы за шпаги и, между делом, закололи бы кардинала. Но смертоубийства не произошло: любовник госпожи де Шеврез, также участвовавший в заговоре, проболтался обо всем кому-то из знакомых. Естественно, весть очень быстро дошла и до ушей всевидящего и всеслышащего кардинала. Ришелье остался жив-здоров, болтливого маркиза отправили на эшафот, а остальные участники заговора отделались легким испугом. Правда, Людовик XIII, узнав от кардинала о заговоре, провел с женой «разговор с пристрастием». Усилиями Ришелье царственные супруги поссорились окончательно.

А военные действия все продолжались. Во время осады Ла-Рошели англичане взяли в плен господина де Сент-Сервена. Бэкингем привел его в свои покои, где пленник увидел портрет Анны Австрийской.

– Месье, – сказал герцог пленнику, – поезжайте к королеве и расскажите ей о том, что вы только что увидели, а также сообщите господину де Ришелье, что я сдам ему Ла-Рошель, если он согласится принять меня в Париже в качестве английского посла.

Прибыв к кардиналу, Сент-Сервен передал ему эти слова.

– Если вы добавите еще слово к тому, что сказали, я прикажу отрубить вам голову, – ответил Ришелье.

В середине августа к Бэкингему, бывшему в то время в Англии, обратился морской лейтенант Джон Фелтон с просьбой назначить его капитаном одного из кораблей, отплывавших под стены Ла-Рошели. Герцог отказал.

Двадцать третьего августа 1628 года в Дувре герцог Бэкингем вновь столкнулся с офицером Джоном Фелтоном. И на глазах всей свиты Джордж Вилльерс, герцог Бэкингем, был убит выстрелом из пистолета в упор.

Узнав о смерти Бэкингема, Анна Австрийская заперлась в своих апартаментах и горько оплакивала своего возлюбленного. А кардинал радовался!

Ла-Рошель пала. Французы праздновали триумф.

Но все раны со временем заживают, и душевные тоже. Отгоревав по Бэкингему, Анна Австрийская попыталась

помириться с Людовиком. Она объяснила мужу, что во всех их бедах и ссорах виноват Ришелье. Анна просила отправить кардинала в отставку. Как ни странно, ее поддержала королева-мать, Мария Медичи, и Людовик пообещал обеим королевам – матери и жене, – что вскоре простится с кардиналом.

Ришелье, который по-прежнему оставался всевидящим и всеслышащим, бросился к своей бывшей благодетельнице Марии Медичи. Он ползал перед ней на коленях и умолял: «Пощадите, пощадите меня!», но королева-мать осталась неумолима.

Однако Людовик так и не смог расстаться с господином Ришелье. Премьер-министр был действительно умен, и ему удалось вновь склонить короля на свою сторону. Надо все же признать, что от кардинала была и польза. После очередного заговора против него, устроенного опять-таки Анной Австрийской, Ришелье повел дело так, что сумел не только выкрутиться из ее интриг, но и помирить царственных супругов. Это после стольких-то лет вражды!

В результате Анна родила Людовику двух сыновей: будущего «короля-солнце» Людовика XIV и Филиппа Орлеанского. Поздние роды были тяжелыми, но, став матерью, Анна Австрийская только похорошела, и характер ее смягчился…

Настоящее сильное чувство кардинал Ришелье испытал лишь однажды: он любил Анну Австрийскую. Но были в его жизни и другие «любови».

Например, одно время его любовницей была знаменитая куртизанка Марион де Лорм. Сначала куртизанка находилась в связи с королевским фаворитом, красавчиком Сен-Маром. Но кардинал, из каких-то своих соображений, замыслил поссорить влюбленных, для чего избрал наиболее простой путь: он просто занял место Сен-Мара подле «самой красивой женщины XVII века», как именовали некоторые современники мадемуазель де Лорм.

Автор «Маленьких историй» Таллеман де Рео описал первые две встречи кардинала с этой красавицей так: «Кардинал Ришелье платил женщинам за их услуги не больше, чем художникам за их работы. Марион де Лорм посетила его два раза. Когда в первый раз он принял ее, на нем были надеты серого цвета камзол, вышитый серебром и золотом, сапоги и шляпа с плюмажем. Она заметила, что его острая бородка и выбивающиеся из-под шляпы волосы выглядят очень красиво. Она мне также говорила, что однажды пришла к нему, переодевшись в мужское платье, и ее приняли за посыльного. После этих визитов кардинал через своего камердинера Бурнэ, сыгравшего в этом деле роль сводника, передал ей сто пистолей».

Далее автор «Маленьких историй» добавляет: «Она говорила, что кардинал Ришелье передал ей однажды кошелек с шестьюдесятью пистолями через мадам д'Эгильон».

«Я рассматривала этот кошелек как трофей, – говорила она, – потому что его должна была бы получить, вообще-то говоря, моя соперница, мадам де Комбале: это свидетельство моей победы над ней, хотя ее останки еще лежат на поле боя в сердце кардинала».

Каким бы прижимистым ни был кардинал Ришелье, он в любом случае оставался кардиналом, премьер-министром Франции, правой рукой короля. И Марион была весьма польщена его вниманием и, не задумываясь, дала слово больше не встречаться с Сен-Маром.

И, наверное, от избытка чувств красотка принялась хвастаться связью с Ришелье, за что тут же получила прозвище «мадам кардинальша».

«Сестры по профессии» иногда, хихикая, спрашивали ее:

– Как ты можешь спать со священником?

– Он совсем не похож на священника, когда снимает кардинальскую шапочку и пурпурную мантию, – улыбалась в ответ Марион. – К тому же я получила отпущение всех грехов.

Кардинал Ришелье был великим политиком, но он был и великим охотником до женщин, а его высокое положение в государстве не только не мешало, но даже помогало ему на любовном поприще. Свободное от государственных забот время он с готовностью посвящал красивым женщинам. Благо, что их при французском дворе было немало.

«Однажды, – вспоминает Таллеман де Рео, – ему захотелось поразвлечься с принцессой Марией де Гонзаго, нынешней королевой Польши. Как-то она попросила его аудиенции. Кардинал в это время находился в постели. Когда ее провели к нему, капитан гвардейцев приказал всем удалиться из покоев кардинала. "Месье, – начала принцесса, – я пришла к вам, чтобы…" "Мадам, – прервал ее кардинал, – для меня безразлично, что вы попросите. Главное, что вы пришли. Никогда вы не были столь прекрасны, как сейчас. Я посчитал бы за счастье быть вам полезным". Затем он взял ее за руку. Принцесса отдернула ее и попыталась изложить ему суть дела, которое ее сюда привело. Кардинал снова решил взять ее за руку, тогда она встала со стула и покинула его покои».

Некоторое время спустя кардинал увлекся мадам де Бриссак, женой своего кузена маршала, командующего королевской артиллерией. Вот как это описывает Таллеман де Рео:

«Жена маршала была красива и прекрасно пела. Кардинал

Ришелье увлекся ею и зачастил в ее дом, чем весьма обеспокоил командующего артиллерией. Мадам де Бриссак, будучи неглупой женщиной, скоро заметила, что может вертеть кардиналом, как хочет. В один прекрасный день, проявив необычную для ее возраста настойчивость, она заявила своему мужу, что воздух Парижа для нее становится вредным, и она хотела бы с его позволения отправиться погостить к своей матери в Бретань. “Ах, мадам! – воскликнул маршал. – Вы возвращаете меня к жизни, я никогда не забуду оказанной мне милости!” К счастью, кардинал быстро охладел к ней, видимо, сердце его зажглось страстью к другой».

Ришелье, как мы уже писали, пользовался большим успехом у женщин: «За два года до смерти, – вспоминал один из современников, – кардинал имел сразу трех любовниц, первой из них была его племянница, второй – пикардийка, жена маршала де Шольна, а третьей – парижская красавица по имени Марион де Лорм; из чего можно сделать вывод, что эти господа в красных шапочках – крепкие мужики».

«Господа в красных шапочках» – это кардиналы. И кардинал Ришелье, похоже, обладал немалой силой… и властью.

В феврале 1641 года он пригласил свою любовницу, Марион де Лорм, на торжества по случаю бракосочетания его племянницы мадемуазель де Майе-Брезе с герцогом Энгиенским. На празднестве присутствовал сам король. Насколько нужно было быть уверенным в себе, чтобы официально, при короле, принимать у себя куртизанку?..

Однако, похоже, что в отношениях с женщинами эта уверенность с годами пропадала: его ухаживания не приносили ожидаемых результатов. Тогда кардинал поручил Марион выступить посредницей и привести к нему другую жрицу любви – Нинон де Ланкло.

Но, несмотря на весьма щедрые посулы, и мадемуазель де Ланкло не пожелала стать его любовницей, о чем сообщает в своих «Воспоминаниях» граф де Шавеньяк: «Великий муж (Ришелье), которому удавались самые грандиозные дела, как ни странно, потерпел полный провал, хотя Нинон не очень-то заботилась ни о своем добром имени, ни о том, что скажут другие. И тщетны были все его старания, напрасно он обещал ей через Марион де Лорм пятьдесят тысяч экю: она отвергла его предложение, так как в это время находилась в любовной связи с одним советником Парламента, в объятиях которого оказалась по собственной воле…»

Не получив Нинон де Ланкло, Ришелье расстался и с Марион. Красотка не очень тужила и вернулась в постель другого своего

любовника – поэта де Барро, который, на радостях, сочинил дурацкие стансы под названием «О том, как автор получил больше удовольствия со своей любовницей, чем его соперник, кардинал Ришелье»:

Красоту несравненную буду вечно любить,
Для которой рабы и земные цари
Возвели многочисленные алтари,
Чтобы только одной ей на свете служить.
Именитым соперникам я говорю:
Не ревнив я, хотя и от вас я терплю,
Пусть полюбите вы, как ее я люблю, —
Это лишь увеличит известность мою.
Это лишь малая часть радостной песни Барро.

В «любовном списке» кардинала была и еще одна женщина – его племянница Мари-Мадлен де Винеро, вдова господина де Комбале, герцогиня д'Эгильон. Эта очаровательная тридцатисемилетняя блондинка обладала роскошными формами и любила глубокие декольте, что весьма услаждало взоры окружающих мужчин.

«Когда я вижу мадам д'Эгильон, – сказал однажды, скромно потупив глаза, один пожилой каноник, – я чувствую, как ко мне возвращается детство».

«Он хотел этим сказать, – поясняет в своих "Мемуарах" Лефевр, – что любуется прелестями прекрасной герцогини глазами невинного младенца. Но ему никто не поверил, а друзья каноника вдоволь посмеялись над притворщиком".

Овдовев, Мари-Мадлен поначалу впала в отчаяние и даже стала подумывать о монастыре. Но перед тем как окончательно принять решение, она пришла за советом к дядюшке:

– Светская жизнь меня больше не интересует, – сказала она. – Я хочу стать кармелиткой.

Ришелье поднял глаза, посмотрел на красивую молодую женщину… и нежно сказал своей племяннице:

– Дитя мое, ваше место не в монастыре, оно – рядом со мной.

Вот так молодая красивая вдова попала не в монастырь, а в кардинальский дворец, а хозяин дворца так возлюбил свою племянницу, что стал ее любовником.

Родственная любовная связь длилась до самой смерти премьер-министра. Дядя и племянница жили, как любая семейная пара, со своими радостями и горестями, ссорами и примирениями. И вскоре весь Париж распевал фривольные песенки о Ришелье и его племяннице, герцогине д'Эгильон.

«Кардинал был влюблен в госпожу д'Эгильон», – продолжают петь и сейчас – в фильме про трех мушкетеров.

Король был не в восторге от происходящего, но свое недовольство срывал только на герцогине. «Король ведет себя очень странно, – сказала как-то королева. – Он защищает кардинала и во всем хулит его племянницу. Назвав ее бесстыдной женщиной, он выразил свое недовольство тем, что она осмелилась появиться в церкви святого Евстахия в тот момент, когда я слушала там проповедь».

Недаром говорится «Единожды солгав…» – не сумев сохранить верность данным церковным обетам, кардинал не умел хранить верность и своим женщинам. Даже тем, которых любил. Пусть не всем сердцем, но ведь любил же. И Мари-Мадлен он любил. И изменял ей. А она ревновала. Да как! Если герцогиня д'Эгильон узнавала об измене любимого дядюшки, в кардинальском дворце стекла дрожали от ее крика. А как-то раз она надумала отомстить…

«Самый большой скандал разразился, когда кардинал увлекся мадам де Шольн, – пишет Таллеман де Рео. – На дороге из Сен-Дени шестеро офицеров морского полка бросили в лицо мадам де Шольн две бутылки с чернилами, но она успела увернуться, и бутылки ударились о дверцу ее кареты. Бутылки были стеклянные. Осколки стекла должны были порезать лицо, а чернила – залить порезы. На лице остались бы темно-синие шрамы, вывести которые невозможно. Мадам де Шольн не осмелилась жаловаться. Все считают, что офицеры получили приказ напугать ее: герцогиня д'Эгильон не хотела, чтобы кому-нибудь другому было так же хорошо с ее дядей, как и ей самой».

Но кардинал не убоялся племянницы и все-таки стал любовником мадам де Шольн. А в знак благодарности подарил ей аббатство с годовой рентой в двадцать пять тысяч ливров.

Иногда он мог быть и щедрым.

«Семейная жизнь» кардинала длилась около семнадцати лет. Говорят, Мари-Мадлен родила Ришелье детей. Однажды в кругу придворных маршал де Брезе заявил, что племянница родила от кардинала четырех сыновей. Присутствовавшая при разговоре Анна Австрийская улыбнулась и сказала:

– Маршалу можно верить только наполовину…

Это значило, что у Ришелье и герцогини д'Эгильон было двое детей.

И все же самой большой любовью этого великого человека оставалась королева Анна…

Четвертого декабря 1642 года кардинал Ришелье, измотанный трудами и интригами, скончался. Ему было 58 лет.

Известие о его кончине французский народ почему-то воспринял с ликованием.

Здесь лежит гордыни страшной пленник.
Здесь лежит таинственный священник.
Тот, что войны вел и кровь французов пил,
Принося стране несчастье и удачу.
От племянницы своей он получил
Двух детей и сифилис в придачу.

Не очень лестная эпитафия…

Через несколько месяцев после кончины кардинала слег страдавший туберкулезом король Людовик XIII. После его смерти в мае 1643 года на французский престол взошел его пятилетний сын Людовик XIV. Крестным отцом маленького короля был кардинал Мазарини.

Кардинал Мазарини

Джулио Мазарини прибыл во Францию по поручению папы римского. И, как ни странно, с благословения кардинала Ришелье. Они встретились еще 29 января 1630 года. Сначала Ришелье с подозрением отнесся к неизвестному итальянцу: «Мазарини прибыл сюда скорее шпионить и вынюхивать…» Но очень скоро он оценил способности молодого человека: «Мой инстинкт подсказал мне, что передо мной гений», – писал он

потом в своих «Мемуарах». А военный министр Абель Сервьен заметил: «Этот господин Мазарини – самый достойный и самый умелый из слуг Его Святейшества». Это могло означать, что папский дипломат стал оказывать услуги кардиналу Ришелье.

Только в 1632 году Мазарини принял духовный сан, и пошел он на это явно не по зову души, а только ради карьеры и богатства.

В первый раз Джулио Мазарини был представлен Анне Австрийской в 1632 году. И представил его королеве сам Ришелье. Молодой итальянец был весьма хорош собою, он всегда пребывал в хорошем расположении духа и умел вести беседы на любые темы; обходительный и дипломатичный, Мазарини с ранней юности пользовался большой популярностью у женщин. Понравился он и королеве Франции. Это не ускользнуло от внимательного взора Ришелье, и он язвительно заметил: «Вам понравился Мазарини? Неудивительно, он так похож на лорда Бэкингема…» Кардиналу было из-за чего сердиться: этому итальянцу удалось добиться того, чего никак не удавалось ему самому – завоевать сердце королевы Анны.

А сам Мазарини влюбился в королеву сразу и навсегда!

Некоторые историки считают, что роман Мазарини и Анны Австрийской начался после смерти Людовика XIII. Другие утверждают, что королева стала любовницей итальянца еще при жизни мужа. И даже подозревают Мазарини в отцовстве наследника престола, Людовика XIV…

По этому поводу музыкальный французский народ распевал вот такие куплеты:

Христианский король, что бы значили вы,
Если вдруг Мазарини убрать?
А жена ваша, Анна, сумела – увы! —
И от церкви услугу принять.
Так что первенец ваш, в подтвержденье молвы,
Кардиналу мог сыном бы стать.

Был ли Мазарини настоящим отцом маленького короля, неизвестно, а вот крестным отцом он был точно.

Но в первый свой приезд Мазарини недолго пробыл во Франции, он был отозван обратно в Рим. И увез в душе образ горячо любимой женщины…

В 1639 году, осенью, Джулио Мазарини прибывает во Францию навсегда. Карьеру ему помогал делать все тот же Ришелье, не устававший восхищаться необыкновенными способностями итальянца. Но, несмотря на поддержку кардинала,

на первых порах жилось Мазарини в Париже тяжеловато. «При своем прибытии ко двору Мазарини явился туда столь жалким, что ему требовалась чья-нибудь поддержка, – писал в своих “Мемуарах” капитан-лейтенант первой роты мушкетеров короля д’Артаньян. – Не имея ничего, кроме весьма скудного пенсиона, далеко не достаточного даже для скромного существования, он был очень счастлив, когда месье де Шавиньи (секретарь Ришелье), который узнал его, воспользовавшись им в делах Италии, дал ему комнату у себя и место за столом своих служащих».

Но уже в 1641 году Мазарини получает кардинальскую шапку, а затем и место в Королевском совете. Когда же кардинал Ришелье умер, то есть через год, король назначил Мазарини главой Королевского совета. Потом, еще через год, как мы уже говорили, умер и сам король Людовик XIII.

Людовик XIV был еще слишком мал, чтобы самостоятельно править страной, а потому регентшей при нем была провозглашена его мать – Анна Австрийская, которая тут же назначила кардинала Мазарини главой своего Совета и первым министром.

К тому времени, когда королева и кардинал практически перестали скрывать свою связь, Анне исполнилось сорок два, а Мазарини – сорок один год. Отзывчивый французский народ и тут откликнулся: Анну Австрийскую стали величать «шлюхой кардинала». Но ни оскорбления, ни насмешки не влияли на отношения королевы и кардинала. Они жили, как настоящая семья, и союз их был прочным и долгим. Восемнадцать лет итальянец Мазарини вершил судьбы Франции, был верным и любящим мужем французской королеве и готовил к государственной деятельности Людовика XIV, одного из самых блистательных королей в истории.

Мы пишем, что кардинал был королеве мужем, а не любовником, потому что многие современники свидетельствовали об этом. Так, в одной книге, вышедшей в 1649 году, говорилось: «Почему так бранят королеву за ее любовь к кардиналу? Разве она должна поступать по-другому после того, как вышла за него замуж, а отец Венсен одобрил и подписал их брачный контракт?»

В том же году автор «Ходатайства о пересмотре судебного решения» писал о королеве и кардинале: «Если они действительно связаны узами брака, а их брачный контракт был освящен главой миссии отцом Венсеном, они вправе делать все, что хотят, и даже то, что следует скрывать от нас».

Об этом же пишет доктор теологии Марк-Антуан Деруа в своем труде «Героическая муза, или Зарисовки самых памятных

деяний Его Преосвященства в разное время и в разных обстоятельствах».

Но даже этот факт не менял отношения французов к кардиналу-итальянцу, скорее он только усугублял ненависть к Мазарини. Парижане прозвали сторонников кардинала его именем – «мазарены» – и сочиняли немыслимое количество всяких памфлетов, сатир и политических песен о ненавистном министре – «мазаринады». На него было даже организовано несколько покушений. Но Мазарини был не глупее Ришелье, и каждый раз он оставался жив.

Однако одними песнями и памфлетами дело не ограничилось. Ситуация в стране осложнялась с каждым днем. И в 1648 году все проблемы и брожения вылились в Фронду, по сути, гражданскую войну. Мазарини пришлось бежать из Парижа, Анна и Людовик собирались последовать за ним, но дорогу им преградила городская милиция. Король и королева-мать остались в столице. Конечно же, кардинал вскоре вернулся в Париж.

А к парламентской, народной Фронде присоединилась и французская аристократия (которая в общем-то и заварила всю эту «кашу»), и в январе 1650 года началась «Фронда принцев».

Принц Конде и другие принцы крови были очень недовольны правлением итальянца во Франции: на их взгляд, он слишком откровенно узурпировал власть, вернее, место рядом с королем и регентшей, и они решили во что бы то ни стало спасти корону Франции. Они придумывали всевозможные планы, чтобы избавиться от неугодного кардинала. Поначалу придворные шли «мирным путем». Принц Конде, например, предложил найти королеве нового любовника. Он выбрал для этой цели молодого красавца маркиза де Жерзе. Но Анна устояла перед чарами маркиза. И даже устыдила его, когда он попытался объясниться ей в любви.

В конце концов сторонники Конде и сам принц затеяли самую настоящую войну. Кардинал был вынужден вновь покинуть Париж, и опять Людовику и Анне Австрийской не удалось бежать вместе с ним.

Париж оказался в руках фрондеров, но среди них не было согласия. И, пока Мазарини жил в изгнании, в замке Брюль в Рейнской Германии, королева умело воспользовалась этим. «Мне крупно повезет, если среди всех этих интриг, докладов, предательств я не сойду с ума… – писал Мазарини королеве из-за границы. – Я теряюсь среди бесконечного числа лиц, ведущих переговоры». Но Ришелье не зря восхищался «гением Мазарини»: совместными усилиями с королевой первый министр вновь обрел и силу, и власть, и в феврале 1653 года вернулся в Париж

победителем. Он въехал в столицу Франции на белом коне, а навстречу своему крестному отцу выехал сам Людовик XIV, и народ восторженно встречал бывшего изгнанника, демонстрируя ему глубокую преданность.

Любящая семья вновь воссоединилась. А в том, что они действительно любили друг друга, нет никакого сомнения. Вот одно из ранних писем королеве, написанное кардиналом Мазарини:

«Видит Бог, как я был бы счастлив, если бы Вы могли заглянуть в мое сердце. Вы бы тотчас же убедились в том, что никогда и ни к кому, кроме Вас, я не испытывал такой глубокой привязанности, какую испытываю к Вам. Клянусь, что никогда раньше я не мог себе даже представить, что стану так горевать, когда дела заставят меня отвлечься от мыслей о Вас.

Я верю, что Ваши дружеские чувства ко мне выдержат все испытания, и принимаю их такими, какие они есть. Что же касается меня, то я могу Вам только сказать, что испытываю к Вам нечто большее. Упрекая себя ежечасно в том, что не могу представить убедительного доказательства моего к Вам расположения, я строю самые дерзкие планы, которые позволили бы мне увидеться с Вами. И если я до сих пор их не осуществил, то только потому, что одни из них просто невыполнимы, а другие могут повредить Вам. Иначе я бы не пожалел и тысячи жизней, чтобы сделать хотя бы одну попытку. Ибо осторожность никак не сочетается со страстью, которую я испытываю к Вам.

Я заранее прошу прощения, если ошибаюсь, но будь я на Вашем месте, я бы что-нибудь придумал, чтобы дать Другу возможность встречи… Прошу сообщить мне, увижу ли я Вас когда, ибо так долго продолжаться не может. Для меня разлука хуже смерти…»

Это послание заканчивалось несколько пафосными, но совершенно искренними словами:

«Поверьте мне, что со времен Адама, никто так не страдал, как я…»

Анна Австрийская и Джулио Мазарини снова вместе правили Францией. Юный Людовик много времени проводил с племянницами кардинала, красавицами Олимпией и Марией Манчини. И неудивительно, что молодой человек влюбился в черноокую Марию Манчини. Эта первая юношеская любовь короля оказалась настолько серьезной, что Людовик собрался жениться.

Анна Австрийская не на шутку встревожилась, ведь она предполагала женить сына на испанской инфанте Марии-Терезии (этот брак принес бы долгожданный мир). И Мазарини, который

давно наблюдал за развитием отношений короля и племянницы и который уже подумывал о возможности породниться с французским королевским домом, поддержал королеву. Кардинал выступил против этого брака, после чего ему пришлось довольно долго убеждать своего воспитанника в том, что Мария не годится в жены королю Франции. «Я Вас умоляю об этом ради Вашей славы, чести, служения Богу и ради благополучия Вашего королевства», – говорил Мазарини. (Позже Мазарини понял, что ему больше доставляет удовольствие сама власть, чем родство с королевским домом.)

Любовь королевы и Мазарини была долгой и прочной, они вместе переживали все трудности и вместе радовались успехам, не обращая внимания на глупые завистливые насмешки и все попытки их разлучить. Анна всем сердцем доверяла своему кардиналу, и он отвечал ей тем же. А вместе они воспитывали будущего «Короля Солнце».

В феврале 1661 года в галерее королевского павильона в Лувре начался пожар. Пламя быстро охватило и апартаменты первого министра. С пожаром удалось справиться, все остались живы, но сильно простуженный кардинал наглотался дыма и это обострило болезнь. Проведя консилиум, врачи пришли к выводу, что жить Мазарини осталось один-два месяца. Он мужественно выслушал их приговор. Его секретарь, Ломени де Бриенн, потом вспоминал: «Я ожидал увидеть сломленного болезнью человека, а он был тих и спокоен».

Анна не отходила ни на минуту от постели больного, ухаживая за ним, как добрая супруга. Когда его не стало, королева лишилась чувств…

Парижане, конечно, тут же откликнулись «эпитафией»:

> Его Высокопреосвященство Второй умер.
> Не дай нам Бог третьего!

Но король иначе относился к своему первому министру и опекуну и организовал достойные похороны достойному человеку. В одной из погребальных речей говорилось: «Он был французом и итальянцем, солдатом и доктором права, государственным человеком и кардиналом, иностранцем и королевским слугой, жестким и терпеливым, учителем и другом короля…»

Остаток жизни бывшая королева Франции провела в монастыре Ван де Грас, где и скончалась в 1666 году.

Светские аббаты

Аббаты де Шуази, де Шолье, де Вуазенон

В XVIII веке – веке галантном – в моде было непостоянство. Самым страшным для светских людей казалась скука. О, как только с нею не боролись! Например, любезные французские аббаты, прозванные «светскими аббатами», рассеивали ее как могли: писали стихи, ухаживали за дамами и в своем нерелигиозном усердии порой далеко опережали мирян! Не по сану пылкие и страстные святые отцы, надо сказать, очень мало интересовались вопросами религии, ибо на это у них попросту не оставалось времени. Ведь они бесконечно вращались в свете, собирали все сплетни, плели интриги и устраивали весьма рискованные для священников развлечения…

Стихи, сочиненные светскими аббатами, не имели ничего общего с библейскими сюжетами. Увы! это были стихи непристойного содержания, с весьма подробным и неприличным описанием всех плотских радостей, о которых эти прелаты знали явно не понаслышке…

Наиболее скандальной известностью пользовались аббаты де Шуази, де Вуазенон и де Шолье. Эта троица весьма ярко выделялась на фоне остальных беспутных аббатов.

Мать аббата де Шуази вообще-то мечтала о дочери. А потому, когда у нее родился сын, она проколола ему уши, вдела в них сережки и стала украшать прелестное личико своего дитяти модными тогда дамскими мушками. Эта заботливая мамаша надевала на сына кружевные и атласные девичьи наряды, так что с малых лет мальчик был привычен к женским туалетам. Даже в восемнадцать лет этот юноша (с согласия матери!) по-прежнему носил женское платье и чрезвычайно интересовался модой. Возможно, именно склонность к юбкам заставила его посвятить себя Церкви и надеть сутану священника.

Молодой Шуази, однако, был весьма образован. Прекрасно учился, и, в конечном итоге, получил бургундское аббатство Сен-Сен. Прежние вкусы давали себя знать, и иногда он вновь одевался женщиной. В остальное время Шуази ходил в рясе, но неизменно ставил себе на лице мушки, к которым приучила его добрая матушка.

Говорят, что такие же мушки носил и другой аббат – д'Антраге, которого прозвали «будуарным аббатом». Надо ли объяснять значение этого прозвища?

Однажды аббат де Шуази исчез из своего аббатства на целых пять месяцев. Чем, вы думаете, он был занят? Де Шуази… выступал в одном из известных парижских театров в амплуа первой любовницы!

Он писал в своих «Мемуарах»:

«Я переодевался женщиной, и никто этого не замечал. Находились и такие, которые влюблялись в меня, и я одаривал их мелкими благосклонностями, оставаясь чрезвычайно сдержанным в том, что касалось самого существенного. Меня хвалили за мою добродетель!»

Возникает закономерный вопрос: а полностью ли откровенен аббат в своих мемуарных записках? При таком-то поведении, не ровен час, и «в самом существенном» он мог не сдержаться…

Тяга к переодеванию преследовала его всю жизнь. После театральных выступлений аббат обосновался в Фобур-Сен-Марсо под именем мадемуазель де Санси. Его апартаменты весьма походили на жилище кокетливой дамочки: мебель в спальне напоминала женские формы, занавеси постели были перехвачены лентами из белой тафты, подушки украшали красные ленточки, а простыни – воздушные кружева и богатая вышивка. Нетрудно догадаться, кого и зачем принимал «мадемуазель аббат» в такой постели.

В третий раз де Шуази сбежал в Бурж, где купил замок Креспон. В нем он поселился под именем графини де Барр. Местный священник представил «графине» шевалье д'Анекура, молодого человека, который сразу же отчаянно влюбился в «госпожу де Барр» и явился с предложением руки и сердца. Аббат был чрезвычайно доволен успехом своего лицедейства! Правда, за шевалье он замуж не вышел, потому как сам еще оставался мужчиной хоть куда. И пребывая в мужской своей ипостаси, Шуази не раз приглашал в замок актрис. Одна из них, мадмуазель Розели, через девять месяцев после очередного визита произвела на свет девочку, которую аббат, к чести его сказать, удочерил и воспитал за свой счет. Розели же он выдал замуж за ее товарища, актера.

Поразительно, но у этого человека хватало времени заниматься и наукой, причем достаточно серьезно. Шуази занимал семнадцатое место во Французской академии, а в ее состав входят лишь сорок «бессмертных» членов. Он много путешествовал, желая повидать и описать мир. Он написал множество трудов, в том числе «Историю Церкви», «Историю Людовика Святого», «Переложение псалмов».

В возрасте восьмидесяти лет (!) он сбрасывал сутану, чтобы примерить дамское платье, сшитое по последней парижской

моде. Этому прелату никогда не надоедало надевать на себя многочисленные драгоценные украшения, оставшиеся в наследство от его дорогой мамочки. Быть может, примеряя у зеркала сережки, браслеты и колье, он вспоминал о том счастливом времени, когда мамочка наряжала его в ленты и кружева?..

Другой «светский аббат» – аббат де Шолье – знаменит тем, что был любовником известнейшей французской куртизанки того времени – Нинон де Ланкло. Ее называли «королевой куртизанок». Аббат по достоинству оценил все прелести этой замечательной женщины, хотя к началу их связи Нинон была старше его на двадцать четыре года.

Эта неувядающая сирена обладала даром очаровывать всех мужчин и женщин, которые встречались на ее жизненном пути. Надо сказать, что в жизни Нинон (правда, много-много позже) был еще один священник – аббат де Жедуаэн, восьмидесяти лет от роду. Несмотря на годы, это был весьма крепкий мужчина. Куртизанка целый месяц томила возлюбленного и отдалась ему в тот день, когда и ей исполнилось восемьдесят! Целый год длилась эта связь, однако ревность аббата заставила Нинон расстаться с ним.

Но вернемся к де Шолье. К концу жизни святой отец увлекся стихосложением и написал целую апологию непостоянства, которому верно следовал в жизни. Есть весьма неточный перевод этих стишков, но общий смысл их можно понять: «Для чего нам искусство наслаждения, если впереди нас не ждет перемена? Если привязать себя навсегда к одному пастушку, что тогда можно делать и о чем говорить? Так давайте любить и изменять, – пусть нежность длится не дольше наших наслаждений!»

Шли годы, аббат состарился и стал страдать подагрой (говорят, что эта болезнь особенно часто настигает тех, кто склонен к забавам Венеры и Бахуса), но в возрасте восьмидесяти восьми лет он вновь расцвел. О причине несложно догадаться, – он опять влюбился, да так, как никогда прежде! Ее звали мадемуазель Делонэ. Но это имя мало кому что говорит. Эту даму мы знаем под другим именем – мадам де Сталь. Она была одной из немногих женщин-писательниц XVIII века.

Мадам де Сталь

Прежде возлюбленными аббата были и актрисы, и танцовщицы, и великосветские дамы. Шолье ухаживал за мадемуазель Делонэ с шармом, достойным его долгого опыта и приличествующим его возрасту. Но это была любовь! Старик понимал, что уже не сможет завоевать ответное чувство, а потому постарался добиться хотя бы привязанности молодой женщины. Для этого он избрал путь безграничной преданности.

Каждый день он посылал к дому будущей литературной знаменитости карету – на случай, если ей захочется покататься. И совершенно не обижался, если в этой карете она отправлялась навестить своего более молодого и пылкого друга, вместо того, чтобы повидать его, почти девяностолетнего Шолье. Он был мудр. А потому мадемуазель принимала его ухаживания. Он посылал ей книги и конфеты и покровительствовал всем ее молодым друзьям и подругам… Есть что-то печальное и трогательное в этой последней, старческой и платонической любви аббата де Шолье.

Когда в 1720 году разнеслась весть о кончине знаменитого Шолье, эту новость сочли шуткой – одной из тех, коими славился сам аббат…

Старого священника из Фонтене в полночь поднял с постели лакей аббата и сказал, что привез гроб с телом своего хозяина. Кюре отказался служить панихиду и велел везти гроб прямо на кладбище, но вовсе не потому, что был каким-то злодеем, а лишь в силу своего неверия в настоящую смерть легендарного де Шолье. Все происходящее он счел за розыгрыш.

Но лакей настаивал. Кюре был потрясен, когда увидел, что в гробу действительно лежит Шолье, да еще и в облачении священника. Все, кто знал аббата, были поражены до глубины души – он казался бессмертным, потому что был добродушен, жизнелюбив и могуч!

Вольтер писал герцогу де Сюлли о кончине «вечного аббата Шолье, который вскоре предстанет перед Всевышним, и если приятные и изысканные стихи помогут спасти душу в загробном мире, то аббат отправится прямо в Царствие Небесное. Он был последним представителем века, прославившегося своей учтивостью».

Кстати, Вольтер дружил еще с одним знаменитым священником, который, подобно Шолье, любил баловаться сочинениями фривольного содержания. Звали этого священника Клод де Вуазенон. Современники отмечали, что произведения Вуазенона были куда как скабрезнее стихов де Шолье. Правда, некоторые его сочинения даже ставились в театре.

Про одну из актрис, мадам Фавар, говорили, что для нее Вуазенон «был скорее вторым мужем, чем любовником». Эта дама, ее супруг и аббат превосходно уживались втроем. Дело в том, что месье Фавар был драматургом, а аббат всегда давал ему ценные советы по части написания пьес. Муж так ценил советы Вуазенона, что, в конце концов, литературно одаренный прелат просто переехал жить в дом к Фаварам. Злые языки утверждали, что, заглянув к Фаварам утром, можно застать в постели мадам Фавар и ее галантного аббата. Это, как говорится, дело обычное. Он читает свой требник, а она говорит «аминь».

В заключение добавим, что Клод де Вуазенон ездил в карете, обитой розовым атласом, и обожал говорить дамам двусмысленности…

История сохранила немало забавных анекдотов из жизни священнослужителей, причем самого высокого ранга. В те времена (в XVIII веке) во Франции существовала религиозная организация янсенистов, которые проповедовали строгую жизнь. Эти ревнители нравов носили плащи с длинными воротниками. А у архиепископа Лионского, который произвел на свет немало внебрачных чад, было странное обыкновение – при каждом очередном «подвиге» (появлении нового ребенка) он удлинял на дюйм воротник своего плаща. В конце концов, воротник достиг такой длины, что обладатель его прослыл янсенистом и довольно долго был на подозрении у королевского двора.

А теперь мы расскажем о еще одном аббате, тоже вполне «светском» и «скандальном»…

Подлинная история Манон

Аббат Прево и Ленки Экхардт

«Мы, люди, так сотворены, что счастье наше состоит в наслаждении, это неоспоримо. Вам не удастся доказать противное: человеку не требуется долгих размышлений для того, чтобы познать, что из всех наслаждений самые сладостные суть наслаждения любви…» Эти слова принадлежат аббату Прево.

Антуан Франсуа Прево всю жизнь разрывался между двумя крайностями: то он хотел посвятить жизнь Богу и высшим ценностям, то без оглядки бросался в житейское море. И во всем он шел до конца, ну, почти до конца. Однажды постригся в монахи, ушел в монастырь, отрекся от мира, а незадолго до собственного тридцатилетия перемахнул через монастырскую стену и был таков.

Аббат Прево

Этот противоречивый священник написал удивительнейший роман о любви, которым и по сей день зачитываются тысячи читателей. Его знаменитая «История кавалера де Грие и Манон Леско» наделала немало шума. Впервые героиней романа стала девица легкого поведения – история для того времени

предерзкая.

Родился Прево в семье королевского советника в Пикардии. В детстве его отдали на воспитание иезуитам, а затем он остался послушником в их монастыре. Однако надолго его не хватило – Прево сбежал в армию. Отслужив два года, он оставил армию и попытался вернуться в монастырь, однако иезуиты не пожелали его принять. Тогда Антуан ненадолго вернулся в родительский дом. Весьма вероятно, что именно в это время Прево и пережил романтическое приключение, описанное затем в романе о Манон Леско.

К сожалению, теперь уже невозможно сказать, кто была его Манон. Но то, что эта женщина существовала – факт несомненный. Не пережив восторгов любви и ужаса предательства, нельзя было написать столь правдивый и пронизанный такой болью роман. Но это было потом, а сейчас Прево снова ушел в монастырь – на этот раз к бенедиктинцам, и пробыл у них до 1728 года. В стенах монастыря аббат написал и издал свое первое сочинение – «Записки знатного человека, удалившегося от света».

И вновь поворот в судьбе – Прево порвал с монастырской жизнью, теперь уже навсегда, и уехал в Англию. А затем, в довершение ко всему, перешел в протестантизм. Возмущенные бенедиктинцы добились ордера на его арест. Прево пришлось скрываться. Надо сказать, что и личная жизнь писателя складывалась весьма скандально. Будучи в Амстердаме, он познакомился с некоей Ленки Экхардт, довольно известной куртизанкой, и увлекся ею. Влюбленный Прево следовал за ней то в Швейцарию, то в Лондон и где только мог делал огромные долги и заключал договоры на литературные произведения, которые так никогда и не написал. Это привело к тому, что Прево был вынужден бегать от кредиторов и от обманутых издателей, ссориться с друзьями и, не имея возможности оплатить свои долги, оставлять им в качестве хоть какой-то компенсации все свое имущество. Чтобы заработать на жизнь и на расточительную любовницу, он поступил гувернером в семью английского аристократа, а в свободное время писал третий и четвертый тома «Записок». Покончив с «Записками», Прево взялся за новый роман – «Английский философ, или История господина Кливленда, побочного сына Кромвеля».

Связь с куртизанкой, привыкшей жить на широкую ногу, едва не довела аббата до виселицы: однажды его уличили в составлении подложного письма от имени своего воспитанника к его отцу, сэру Эйлю, с просьбой выдать крупную сумму денег, в результате чего Прево оказался в лондонской тюрьме.

Возмущенный молодой человек, его воспитанник, обратился в суд, требуя восстановить справедливость, но аристократическое семейство поторопилось замять скандал, и Прево освободили из-под стражи. Конечно же, аббату пришлось покинуть Англию.

Из Лондона Прево переехал в Голландию и привез с собой повесть о Манон Леско. Однако издатель, к которому он обратился, хотел получить продолжение уже ставшего популярным романа, и Прево пришлось написать еще три тома «Записок знатного человека». В виде приложения к «Запискам» в 1731 году была издана и «История кавалера де Грие и Манон Леско», для чего Прево пришлось несколько изменить композиционное построение повести.

В наши дни «Записки знатного человека» читают, к сожалению, лишь специалисты, да истинные любители литературы, а мы знаем только «Историю кавалера де Грие и Манон Леско». Но, видно, недаром именно эта история из всего многотомного романа стала классикой. И именно она в первую очередь связывается с именем аббата Прево.

Суть «Истории» такова: некий путешественник (тот самый «знатный человек») встречает в придорожной гостинице юного кавалера де Грие. Молодой человек неотступно следует за партией женщин, осужденных за проституцию на ссылку в Америку, поскольку среди этих несчастных находится и его возлюбленная. Эта особа разительно отличается от остальных девиц легкого поведения: «Ей шел осьмнадцатый год: пленительность ее превосходила всякое описание, столь была она изящна, нежна, привлекательна – сама любовь!» Юноша всячески старается облегчить ей страдания и тяжести пути. Все имевшиеся деньги он уже раздал стражникам, и теперь они, смеясь, гонят его. Знатный путешественник проникается сочувствием к бедолаге и одалживает ему деньги, а затем и вступается за него перед стражниками. Благодарный случайному знакомому юноша рассказывает ему горестную историю своей любви. На этом они и расстаются.

Но происходит вторая встреча – по возвращении де Грие из Америки. И тогда путешественник узнает «окончание» истории любви кавалера де Грие.

Все же следует признать, что любовь к Ленки – столь бурная, мучительная и даже опасная – сыграла важную роль не только в жизни, но и в творческой судьбе Прево. Благодаря ей писатель обрел бесценный личный опыт, Прево первым во французской литературе рассказал не о какой-то выдуманной, идеальной любви, но об истинной страсти, Любви подлинной.

«История кавалера де Грие и Манон Леско» сразу же стала

знаменитой. Однако во Франции это сочинение было предано анафеме и даже публичному сожжению, как произведение, пагубное для общественных нравов. Приговор, однако, только обострил интерес читателей к роману, а самого Прево они стали величать «нежным и страстным автором “Манон Леско”». Книга издавалась и переиздавалась, правда, тайно – что делало ее еще более привлекательной.

После скандала с поддельным письмом Прево приложил все усилия и добился расположения кардинала Бисси, который замолвил за него слово перед папой римским. Дело в том, что Прево направил папе прошение о помиловании и позволении вернуться к бенедиктинцам. Папа Климент XII отнесся к беглому аббату весьма снисходительно: он не только простил его, но и перевел в другой разряд ордена святого Бенедикта – с более свободным уставом. Прево вернулся на родину, во Францию, вместе с Ленки.

В 1735 году папа повелел аббату отправился на покаяние в Эвре, после чего Прево был окончательно прощен церковными властями. Но и на этом причудливая судьба Прево не остановилась: кардинал Бисси, по-прежнему очень расположенный к Прево, дал ему рекомендацию на место домашнего священника в семейство принца Конти, двоюродного брата Людовика XV и великого приора Мальтийского ордена во Франции. Неожиданно для самого себя Прево оказался приближенным к высшей французской знати.

Познакомившись с писателем-священником поближе, принц Конти поручил ему воспитание своего несовершеннолетнего сына. А через совсем короткое время Прево стали наперебой приглашать в аристократические салоны, где он довольно скоро возобновил свои прежние приятельские отношения с английскими дипломатами и писателями. И, конечно же, он свел знакомство с французскими литераторами – Мариво, Кребийоном, Мерсье.

Теперь «бродяга» Прево жил в роскошном дворце принца и получал довольно внушительное жалованье. Время от времени он отправлялся путешествовать. Однажды, в 1736 году, оказавшись в очередной раз в Амстердаме, Прево встретился с Вольтером. И подружился с великим французским острословом. Их дружба продолжалась несколько лет.

Прево написал еще немало книг, в том числе и любовно-приключенческих, но все же лучшей из них остается книга о Манон и де Грие.

Об очаровании непостижимой женственности, воплотившейся в Манон, писали Дюма и Стендаль, Мопассан и Анатоль Франс –

как сказано в самой книге: «Весь облик ее мне показался волшебным…»

«Я полагал, что с помощью философии смогу предостеречь себя от чрезмерных увлечений в любви и дружбе, – писал аббат Антуан Франсуа Прево. – Но как только мое сердце открылось этим двум страстям, я очень хорошо понял, что все их последствия совершенно неизбежны и что несчастья, порождаемые этими двумя причинами, не могут быть побеждены силою философии…»

Дело о колье

Кардинал Роган и королева Мария Антуанетта

Одним из «светских аббатов» можно назвать и знаменитого кардинала Рогана, влюбленного в королеву Марию Антуанетту. (Похоже, это было традицией французских священников – любить своих королев.)

Кардинал Роган

Людовик де Роган был кардиналом, главным священником королевского двора и членом Французской академии. А также большим любителем женщин. Занимая во Франции самый высокий духовный пост, кардинал Роган вел такой распутный образ жизни, что о его любовных похождениях можно было рассказывать с раннего утра до позднего вечера. И, конечно же, именно женщина стала его сообщницей в знаменитом «деле о колье».

А толкнула священника на авантюру – Любовь!

* * *

За десять лет до описываемых событий Людовик де Роган был послом Франции в Вене и отличился таким вольным поведением, что вызвал неудовольствие самой Марии Терезии, матери Марии

Антуанетты. Острый на язык, зачастую не выбиравший выражений, он смущал австрийцев скабрезными анекдотами, которых знал несметное множество, причем кардинал мог рассказывать непристойности о ком угодно: для него не существовало авторитетов. В гостиных венского дворца он позволил себе усомниться в добродетельности Марии Антуанетты, бывшей в ту пору еще дофиной. Де Роган утверждал, что она любовница герцога д'Артуа, и привел в качестве доказательства, по его мнению, смешные, однако совсем неуместные подробности встреч двух предполагаемых любовников.

Королева Мария Антуанетта

Узнав об измышлениях кардинала, дофина, естественно, невзлюбила посла Франции. Вот что писал по этому поводу один из современников кардинала Рогана: «Необходимо, чтобы ни для кого не осталась секретом глубокая ненависть королевы к кардиналу, которую он заслужил во время своей службы в Вене в качестве посла, когда допустил оскорбительные выпады против нее. Он дошел в своей бесстыдности до того, что в одном из писем написал, что ее легкомысленное кокетство давало повод ее потенциальному любовнику думать, что он не встретит с ее стороны сопротивления. Принцесса никогда ему этого не простит, и ее можно понять». Склонность к злословию навсегда лишила кардинала дружбы Марии Антуанетты и стала причиной всех его последующих бед.

Но вернемся в 1781 год, когда Людовик де Роган встретил графиню Жанну Ла Мот, и молодая женщина поведала кардиналу трогательную и жалостливую историю своей жизни. В девичестве ее звали Жанной Валуа, а значит, она была отпрыском угасшего и обедневшего королевского рода. Ее мать, по словам Жанны, была жестокой бессердечной женщиной, и потому девушка при первой же возможности вышла замуж. Но, к сожалению, муж, граф Ла Мот, оказался тоже весьма небогатым.

Жанна была очень хороша собой, и, слушая ее рассказ, кардинал смотрел на нее с нескрываемым вожделением. Однако встреча графини с Луи де Роганом не имела продолжения, хотя кардинал на это очень рассчитывал. Несмотря на то, что молодая женщина отличалась легким нравом и охотно привечала мужчин, на этот раз она почему-то не поддалась соблазну. После доверительной беседы у нее лишь мелькнула мысль, что было бы неплохо при случае как-нибудь использовать столь любезного прелата.

И случай ей вскоре представился. Будучи человеком самолюбивым и тщеславным, кардинал давно мечтал заняться большой политикой. И вот, поразмыслив, Роган решил сделаться любовником Марии Антуанетты, а затем, само собой, выйти на первые роли в государстве. Его не смущали испорченные отношения с королевой – он твердо полагался на свое неотразимое обаяние. «Он надеялся, забыв о том, что уже не молод, – писал Генрих д'Альмарас, – понравиться ей как мужчина и снискать ее королевскую милость. Он считал, что ему по плечу роль Мазарини, но уже при другой королеве родом из Австрии».

Ради своей высокой цели кардинал даже прекратил встречаться с молоденькими белошвейками, приходившими к нему с наступлением темноты, и стал вести примерный образ жизни – он совершенно искренне рассчитывал понравиться молодой королеве.

Однако Мария Антуанетта не забыла оскорбления, нанесенного десять лет назад, и старательно избегала этого ретивого пятидесятилетнего священника, зеленые глаза которого обладали чудодейственной способностью «завораживать всех женщин без исключения… молодых и старых, красавиц и дурнушек».

Вот в это самое время и состоялась вторая встреча кардинала с графиней Ла Мот, которая, кстати, уже заимела славу придворной интриганки. Жизненным принципом этой дамы были следующие слова: «Есть два способа выпрашивать милостыню: сидя на паперти церкви или разъезжая в карете». Она, естественно, избрала второй способ, однако не гнушалась ничем

при добыче денег. Например, графиня приглашала к себе господ, «озабоченных зовом плоти». Недостатка в клиентах не было, ибо, как мы уже сказали, эта невысокая голубоглазая блондинка была женщиной очень привлекательной. «Многие вполне приличные господа посещали графиню, – писал адвокат Тарже, – в то время как господин граф грелся у камина в замке. Военные и штатские уходили от нее весьма удовлетворенными, оставляя щедрые подарки». Однако этого «заработка» было недостаточно для честолюбивой мадам де Ла Мот, мечтавшей о богатстве и готовой даже на мошенничество, лишь бы завоевать более уютное место под солнцем.

Кардинал искренне обрадовался, когда снова встретил графиню Ла Мот, и пригласил ее в свой особняк на роскошный ужин. Естественно, графиня приняла приглашение, но вот осталась ли она у кардинала после ужина? Некоторые историки считают, что осталась, правда, никаких серьезных доказательств этому не приводят. Но сейчас нас интересует не это, а то, что Роган поделился с мадам своими планами и признался, что мечтает стать министром.

«Но чтобы стать министром, – сказал он, – мне необходимо помириться с Марией Антуанеттой. Зная ее милосердие, я готов предоставить в ее распоряжение свой кошелек на богоугодные дела».

При слове «кошелек» графиня Ла Мот встрепенулась: «Если хотите, я помогу вам: ее величество удостоила меня своей дружбой…»

Как вы понимаете, графиня бесстыдно лгала – никогда в жизни она не встречалась с Марией Антуанеттой. Но она подумала, что сама фортуна, наконец, улыбнулась ей и подарила шанс улучшить материальное положение.

«Только надо действовать с большой осторожностью, – добавила мадам Ла Мот. – Сначала я поговорю о ваших намерениях с королевой, затем вы передадите мне некоторую сумму на благотворительные цели. Я знаю, что личные средства королевы совсем на исходе. Ваш поступок несомненно повлияет на ее отношение к вам».

Кардинал Роган обрадовался – наконец-то он нашел прямой путь к королеве!

Несколько дней спустя графиня вновь посетила прелата.

«Королева уступила моим настойчивым просьбам и просила вас письменно подтвердить раскаяние в совершенных поступках», – заявила мадам Ла Мот.

Кардинал сразу же, при ней написал послание королеве в самых смиренных выражениях. На следующий день Ла Мот

вернулась с «ответом» от Марии Антуанетты:

«Вы меня убедили в вашей невиновности. Но в настоящее время у меня нет возможности Вас принять. Я дам Вам знать, когда мне это позволят обстоятельства. Но прошу Вас никому не рассказывать о нашем уговоре».

Письмо так взбодрило кардинала, что он уже спал и видел, как в королевском будуаре будет заниматься с Марией Антуанеттой тем, что пришлось бы не по вкусу королю. Знал бы он, что письмо было всего лишь искусной подделкой…

Кардинал и «королева» обменялись еще несколькими записками. И вот однажды графиня сообщила кардиналу, что королева согласилась встретиться с ним наедине ночью в одной из аллей Трианонского парка. Кардинал пришел в неописуемый восторг и почувствовал, будто «тысячи муравьев поползли по его ногам…»

Здесь мы сделаем небольшое отступление и вернемся на несколько лет назад, для того, чтобы понять суть истории, происшедшей с кардиналом Роганом.

В 1772 году уже престарелый, но все еще любвеобильный король Людовик XV пожелал преподнести своей фаворитке, мадам Дюбарри, роскошное бриллиантовое ожерелье. По королевскому приказу придворные ювелиры Бёмер и Бассанж тотчас принялись за работу и через два года чудо-ожерелье, составленное из 629 бриллиантов чистейшей воды, было готово. Однако Людовик XV не дожил до этого радостного события, а взошедший на престол Людовик XVI выкупать ожерелье не стал, хотя молодой королеве, Марии Антуанетте, ожерелье очень понравилось. Король заявил, что на эти деньги – 2 миллиона ливров – лучше приобрести несколько лишних военных кораблей.

Ювелиры оказались на грани банкротства, так как почти все бриллианты были закуплены в кредит. Покупателя на баснословно дорогое ожерелье найти было невозможно. И вот, по прошествии целых одиннадцати лет, Бёмер и Бассанж неожиданно получают надушенное письмо с герцогской печатью. Кардинал герцог Роган приватно сообщал ювелирам, что ее величество все же решилась приобрести ожерелье, правда, в рассрочку, но желает пока сохранить покупку в секрете и потому прибегает к посредничеству Рогана. Кардинал вручил ювелирам подписанное королевой гарантийное письмо и лично принял ожерелье из рук Бёмера.

С чего вдруг Рогану вздумалось покупать ожерелье для Марии Антуанетты? На это его подговорила графиня Ла Мот, она убедила кардинала, что королева мечтает купить ожерелье и ей необходимо посредничество Рогана, так как она не решается

сделать это открыто, опасаясь, что «философы тотчас напечатают памфлеты о растрате государственных средств».

При всей своей довольно странной доверчивости кардинал все же пожелал услышать подтверждение от самой королевы. Тогда-то и была устроена тайная встреча с «королевой» в Трианонском парке. Роль королевы исполнила некая Мари Николь Олива, имевшая чрезвычайное сходство с Марией Антуанеттой.

Поздним вечером в одной из боковых аллей парка, в сгустившейся темноте перед влюбленным кардиналом появилась «королева». Густая вуаль прикрывала верхнюю часть лица Мари Николь, говорила она почти шепотом, а держалась с таким достоинством, что и впрямь походила на особу королевской крови! И кардинал ничуть не усомнился в том, что пред ним – предмет его грез. Кардинал, сняв шляпу, опустился на колено и поцеловал край ее платья. От волнения он весь дрожал и не мог вымолвить ни слова. От одной только мысли, что королева ради него вышла в парк, он пришел в необычный любовный экстаз.

А Мари Николь тем временем протянула ему розу и произнесла прерывающимся голосом: «Вы знаете, что это значит».

Но, видимо, от нестерпимого желания у кардинала притупился слух, и он, чтобы ее расслышать, довольно близко наклонился к Николь. Увидев, что она не отстранилась, он «начал гладить ее шею» в безумной надежде стать ее любовником прямо здесь, на мягкой траве.

Но графиня Ла Мот была начеку: если дело будет продолжаться в том же духе, то кардинал может заметить, что вместо королевы к нему пришла другая. Поэтому, неожиданно выйдя из своего укрытия, она воскликнула:

«Скорее, скорее, ваше величество! Сюда направляется графиня д’Артуа».

Мария Олива поспешно скрылась в темноте. Ошеломленный кардинал с розой в руке был не в силах двинуться с места, затем в состоянии легкого опьянения и с тяжестью в теле он медленно побрел домой.

Позднее он скажет: «Я был уверен, что разговаривал с королевой. Мои глаза и уши не могли меня обмануть». А тогда он совершенно убедился в расположении королевы и согласился выступить посредником при покупке ожерелья. Правда, перед этим он все же посоветовался с одним человеком. Этим человеком был знаменитый маг, а вернее, авантюрист – граф Калиостро. «Великий маг», родившийся, по его словам, всего через двести лет после всемирного потопа, сказал, что в столь серьезном деле не следует торопиться с ответом и что ему надо

сперва связаться с духами, которые и помогут найти верное решение.

Кардинал полностью доверял Калиостро, он был уверен, что «великий маг» на его глазах сотворил из ничего огромный бриллиант, который Роган потом показывал своим друзьям.

Так вот, для разговора с духами был устроен сеанс спиритизма. Вот что пишет об этом в своих воспоминаниях аббат Жоржель: «Гостиная кардинала была ярко освещена свечами. Вызов духа и разговор с ним заняли целую ночь. Посоветовавшись с духом, маг заявил, что переговоры завершатся полным успехом и он (кардинал) заслужит благодарность королевы. И наступит тот счастливый день, когда вся Франция, и все человечество будут восхищаться редким талантом господина кардинала». Нет никакого сомнения в том, что великий Калиостро был в сговоре с графиней Ла Мот.

Итак, кардинал согласился, и не только принял ожерелье из рук ювелира, но и преспокойно передал его графине Ла Мот. А через несколько дней графиня сообщила кардиналу, что королева нуждается в 150 000 ливров для благотворительных целей.

Успех в общем-то сомнительного предприятия превзошел все ожидания самой графини. Роган без колебаний выполнил ее просьбу.

Платежи за дорогое украшение должны были поступать поэтапно. Поручителем выплат также выступил доверчивый кардинал.

Когда срок первого платежа истек, ювелиры явились во дворец, чтобы в деликатной форме напомнить королеве Франции о необходимости заплатить по счету. Ответом было недоумение, перешедшее в бурное возмущение: ее величество никогда не собиралась покупать ожерелье (между прочим, король дважды предлагал подарить ей это злосчастное ожерелье и оба раза она отказывалась!) и никаких поручительств не подписывала. А узнав, что в дело замешан ненавистный ей Роган, Мария Антуанетта велела ювелиру подать жалобу о мошенничестве.

Ювелир, конечно, исполнил повеление королевы, и вскоре по обвинению в мошенничестве был арестован Роган. Затем следствие, естественно, вышло на Жанну Ла Мот. Эта хитроумная авантюристка закрутила всю интригу с ожерельем на пару со своим мужем, графом Ла Мот.

Ожерелье, тем временем, бесследно исчезло.

Едва доверчивый кардинал передал графине ожерелье и отбыл восвояси, как супруги Ла Мот, не откладывая дела в долгий ящик, принялись разделывать ожерелье кухонным ножом. На следующий же день граф удрал в Лондон, захватив с собой самые

крупные бриллианты, которые ему потом удалось сбыть ювелирам на Бонд-стрит. Графиня же почему-то замешкалась и, в конце концов, попала в руки правосудия.

За графиней, после первых же ее допросов, последовал Калиостро. И, хотя суд его оправдал, мага выслали из Франции.

Скандал разгорался на всю Европу. Мария Антуанетта сама предала гласности дело, рассудив, что в противном случае поползут компрометирующие ее слухи. Всякая подробность, всплывавшая по ходу следствия, попадала в парижские газеты и становилась предметом жаркого обсуждения. Нельзя сказать, чтобы парижан так уж волновали интимные стороны жизни Версальского дворца. Однако шел 1785 год, до революции оставалось всего несколько лет, и соответствующие настроения уже витали в воздухе, что придало особый резонанс делу об ожерелье. Ведь это громкое уголовное дело – «кража века», как сказали бы сегодня, – дискредитировало королевскую семью, священнослужителя, двор да и всю французскую знать.

Кардинал и его «сообщница» оправдывались на допросах, как могли. Графиня, например, представила себя послушной исполнительницей воли его преосвященства… А сам кардинал пригрозил судьям, что, если они не поверят в его невиновность, то он впутает в дело королеву. В результате Рогана оправдали судом парламента. Невиновность кардинала только утвердила народ в мысли, что королева имеет самое непосредственное отношение к делу.

Выйдя из заключения, кардинал, как и следовало ожидать, еще больше поссорился со двором, и его сослали в провинцию Овернь.

А правосудие со всей нерастраченной силой обрушилось на Жанну. Ее бичевали, а потом клеймили каленым железом, как всегда поступали с ворами. Она так билась и извивалась в руках палача, что клеймо попало не на плечо, а на грудь. Графиню Ла Мот приговорили к пожизненному тюремному заключению.

Сначала она отбывала наказание в Бастилии, но потом ее перевели в другую тюрьму – Сальпетриер. И через несколько месяцев произошла удивительная вещь: графиня совершила побег из тюрьмы, где она находилась под усиленной охраной. Побег был обставлен таким образом, что не приходилось сомневаться: организован он был «сверху», каким-то очень могущественным заступником.

Под чужим именем клейменая графиня благополучно прибыла в Англию, где французским полицейским так и не удалось разыскать ее мужа. (Которого, кстати, заочно приговорили к пожизненному заключению на галерах.)

А еще через некоторое время в Лондоне увидела свет ее «Оправдательная записка», в которой графиня утверждала, что в ночной мгле королевского парка Рогану являлась Мария Антуанетта собственной персоной и что это их тайное свидание было далеко не единственным. В Версале позаботились о том, чтобы скупить и уничтожить почти весь тираж этой брошюрки, однако в 1792 году по распоряжению революционного Конвента она была переиздана, как документ, изобличающий старый режим.

Мысль о том, что по какому бы то ни было делу можно допросить королеву Франции, в 1786 году показалась бы фантастической. Но семь лет спустя допрос состоялся: ненавистная народу «австриячка» – тогда уже бывшая королева – предстала перед революционным трибуналом. К тому времени Жанна Ла Мот покончила жизнь самоубийством в Лондоне, а Роган умер в ссылке.

Как вы помните, Мария Антуанетта была женой того самого Людовика, которого, по приказу Конвента, казнили на гильотине. Та же страшная участь ждала и королеву…

Некоторые современные историки считают, что «дело о колье» было сфабриковано при участии янсенистской партии (янсенисты были ярыми противниками традиционной монархии). Зная о связи графини Ла Мот с кардиналом, эти господа якобы увидели «возможность облить грязью королевский скипетр» – и небезуспешно ею воспользовались.

Другие историки полагают, что с самого начала всю эту историю «заварил» не кто иной, как «граф» Калиостро. Например, английский историк Х. Р. Уильямсон считает, что «великий маг» был агентом тайного общества иллюминатов и устроил аферу с ожерельем, чтобы опорочить французский королевский дом, а затем и вовсе низвергнуть монархию во Франции. Похожих взглядов придерживался и великий немец-кий писатель Гёте, написавший на сюжет «дела о колье» сатирическую комедию «Великий кофт».

Так или иначе, но согласитесь, что не повезло главному священнику королевского двора именно потому, что любвеобильный кардинал хотел любой ценой стать любовником королевы. И не будь этой несчастной любви кардинала, «дело о колье» никогда бы не рассматривалось французским судом и не гремело бы по всей Европе.

Путь в революцию

Франсуа Шабо – отец Огюстен

В 1778 году во Франции проживал двадцатидвухлетний монах-капуцин, звавшийся отцом Огюстеном. Он разъезжал по городам и читал проповеди, которые пользовались большим успехом у горожан. Проповедовал он довольно любопытные истины:

«Девицы и женщины, – вещал отец Огюстен со своей кафедры, – мы живем на земле лишь для того, чтобы любить. Так возлюбим же друг друга! Любовь помогает искупить все наши ошибки. Идите же без боязни к тому, кто вам симпатичен, и наслаждайтесь вволю в его объятиях. Дары Неба бесценны и требуют к себе настоящего уважения. Избегайте же советов плохих проповедников и бесчестных предсказателей судеб, которые рекомендуют вам сдерживать свою плоть. Эти лжецы только вносят смуту в ваши души. Если же Всевышний разрешил вам найти величайшую радость в Любви, вы должны испытать это удовольствие в полной мере. Это ваш священный долг. Отказаться от сладострастия – значит, отвергнуть дар Неба. А это уже оскорбление Создателя, а значит – грех. Послушайте же меня, девицы и женщины, не грешите более и не противьтесь отныне зову Любви…»

Отец Огюстен

Удивительные проповеди, не правда ли? Как мы уже сказали, они пользовались колоссальным успехом у населения. Особенно нравились речи отца Огюстена прихожанкам, женщинам, которых прежде и религия, и общество учило одному: свободная любовь – верный путь в ад. Дамы в церкви ловили каждое слово капуцина. Ну, и делали соответствующие выводы…

Современники отмечают, что куда бы ни приехал отец Огюстен со своими проповедями, повсюду, говоря языком современным и светским, был аншлаг. А после его речей резко возрастало количество супружеских измен, причем замечены в этом были даже те дамы, чья репутация доселе считалась эталоном добропорядочности.

Как вы понимаете, не всем представителям мужского пола нравились подобные проповеди, и однажды группа вооруженных палками мужей встретила монаха у храма. Разгневанные люди пообещали хорошенько отдубасить Огюстена, если он и впредь будет учить их глупых жен заниматься любовью с кем попало. В тот день Огюстен прочел проповедь о необходимости христианского милосердия, чем очень разочаровал дам и девиц.

Но это было только однажды.

Откуда же появился столь необычный монах?

Отец Огюстен был родом из небольшого села Ла Терьер, звали его в миру Франсуа Шабо. Он учился в школе в Тулузе. Странный монах никогда не скрывал, что выбрал стезю проповедника только из-за того, что отныне мог сладко поесть и вдоволь попить за счет милых прихожан и прихожанок!

Циничный отец Огюстен всегда был готов вкусить земных радостей и был не дурак выпить. Нередко за столом у какого-нибудь доброго прихожанина, пригласившего Огюстена после проповеди вкусно отобедать, он напивался до такой степени, что уже не мог сам ходить. И тогда мальчишки из церковного хора увозили его на тележке домой.

Огюстен любил не только пить, но и петь. Но особенно он любил делать оба дела сразу. Очевидцы утверждали, что, приняв внутрь «зеленого змия», монах горланил столь непристойные песенки, что даже церковный сторож краснел от стыда и закрывал уши – до того ужасны были слова, произносимые святым отцом!

Однажды отец Огюстен прибыл в городок Виллефрант. Там он познакомился с очаровательной горничной, которую тут же склонил к сожительству. Войдя во вкус плотских радостей, о которых он столь вдохновенно читал свои проповеди, Огюстен стал приглашать к себе в комнату всех женщин, приходивших к нему на исповедь. Где и «отпускал» им все грехи…

Особенно он любил «утешать» женщин не первой молодости и обладающих изрядным состоянием.

В конце концов он стал любовником одной зрелой и очень богатой вдовы. Благодаря ее капиталу, который счастливая вдова тут же предоставила в распоряжение Огюстена, он мог больше не ходить по приходам, выпрашивая пожертвования. Вдова была настолько счастлива, что умоляла любимого никогда не покидать ее. Однако Огюстен, пообещав женщине вечную верность, разумеется, ее обманул.

Он влюбился в молоденькую горничную вдовы, прелестную девушку по имени Фаншон Дюбю. К счастью, вдовствующая дама не догадывалась о происходящей в ее доме измене, а потому капуцин наслаждался и прелестями девицы, ответившей ему взаимностью, и деньгами ее хозяйки.

Но однажды счастье кончилось: не выдержав бурной жизни, которую ей устроил сластолюбивый монах, пожилая дама отдала Богу душу. И Огюстен был вынужден покинуть прекрасный город Виллефрант, где провел немало счастливых дней. Капуцин возвратился в Милло, где находился его монастырь.

Вернулся он понурый, ни на что более не надеясь, однако очередное радостное событие вскоре вновь преобразило монашескую жизнь отца Огюстена. В Милло прибыла красотка Фаншон. Да не одна. А с деньгами, которые оставила влиятельная престарелая дама своему последнему утешителю. Да-да, вдова завещала свои деньги ему!

Обрадованный капуцин закатил в местной харчевне целый пир. Ну и, естественно, ночь после пира он провел с прелестной Фаншон. На другой день девушка сняла квартиру рядом с монастырем, чтобы ее любовник мог без труда навещать ее. Что он и делал. Да так усердно, что однажды бедняжка сообщила со слезами на глазах, что ждет маленького капуцинчика, потомка проповедника Огюстена.

Опасаясь скандала, монах стал срочно подыскивать мужа для своей любовницы. И вскоре нашел одного извозчика, у которого был небольшой домик и хозяйство. Он стал уговаривать потенциального «жениха».

– Мадмуазель Дюбю, конечно, не богата, но зато красива и добродетельна, – говорил проповедник.

Красноречие Огюстена опять сработало, и через три недели он сам же благословлял новобрачных. Все складывалось как нельзя лучше, но непредвиденный случай чуть было не испортил дело. После свадьбы, как и положено, устроили застолье. А отцу Огюстену взгрустнулось, ведь он отдал свою возлюбленную другому. С горя капуцин напился до почти бессознательного

состояния и принялся расхваливать вслух, притом весьма фамильярно, женские достоинства невесты. Сначала он обходился словоизлияниями, но потом, не выдержав предстоящей разлуки, запустил ей руку под юбку.

Молодой муж, хоть и сам был пьян, сразу приметил неладное: он еще не успел вступить в свои права, а его уже надувают. И очень уж по-свойски обращается с его женой этот пьяный капуцин…

– Послушайте, а давно ли вы знаете мою невесту? – не выдержал извозчик.

– Давно, сын мой, очень давно! – ляпнул монах, не подумав.

Извозчик обозлился. И стал догадываться, почему отец Огюстен присватал ему красотку! Обманутый парень схватил совратителя за шиворот и швырнул его на пол. Они катались по полу на глазах у изумленных гостей. Под руку дерущимся попало несколько бутылок вина, и они умело «использовали» их, разбив об головы друг друга… Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы не вмешалась сама молодая жена, насмерть перепуганная тем, что может разом потерять и новоиспеченного мужа, и отца своего ребенка.

Фаншон бросилась к извозчику, наговорила ему кучу ласковых слов и упросила оставить в покое перепившего и заговорившегося монаха. После чего монах и извозчик долго праздновали примирение. Ну а еще позже отца Огюстена, как водится, мертвецки пьяного, погрузили на тележку и отвезли в монастырь. Ни драка, ни замужество Фаншон не отбили у монаха охоты посещать возлюбленную. Пользуясь частыми отлучками извозчика, он навещал Фаншон в ее доме.

Правда, это нисколько не мешало Огюстену искать удовольствий и в других домах. Святой отец не был привередлив: ему нравились всякие женщины. Современники вспоминали, что не было практически ни одной представительницы прекрасного пола в радиусе пятнадцати лье от монастыря, которую сей любвеобильный служитель культа не сделал бы своей любовницей. Прихожане уже открыто говорили, что «отец Огюстен пошел по кривой дорожке…»

Но отец Огюстен никого не слушал. Взоры его снова обратились к вдове! На этот раз это была старая и весьма богатая графиня. В ее замке были такие вкусные обеды и такая мягкая постель… Одно не нравилось капуцину – положение гостя в этом чу2дном замке. Очень ему хотелось обосноваться здесь навсегда. И он придумал, как это сделать.

У графини была племянница, и Огюстен предложил свои услуги в качестве педагога-латиниста. Молодой

пятнадцатилетней особе он давал теперь уроки латинского, а затем оставался спать с ее тетей. Графиня, весьма довольная сложившейся ситуацией, совершенно упустила из виду одну деталь: племянница была не только молода, но и довольно хороша собой.

Как и следовало ожидать, после нескольких уроков латыни ученица забеременела. Очередной скандал Огюстену был не нужен, о нем и так много сплетничали в округе. И святой отец взялся за дело. На этот раз его деятельность привела к трагедии.

Капуцин нашел знахаря, который взялся избавить юную племянницу графини от нежелательной беременности, и тайно провел его в замок. Но ничего хорошего из этого не вышло. У бедной девочки открылось сильное кровотечение, и она скончалась.

Циничный отец Огюстен исповедовал ее перед смертью и отпустил ей грехи. А два дня спустя проводил бедняжку в последний путь.

При этом подлец выудил у ее тетки немалую сумму денег, чтобы провести мессу за упокой души усопшей.

Надо ли говорить, что эти денежки он спустил в кабаке, в обществе местных красавиц…

В начале 1781 года Огюстен решил, что пора ему обзавестись собственным домом. Он купил большой особняк на окраине Милло. На какие средства? Этот бессовестный священник присваивал себе большую часть пожертвований прихожан!

Окружающим, любопытствующим по этому поводу, капуцин без зазрения совести заявлял, что получил наследство. При этом добавлял, что большую часть этого наследства собирается раздать нуждающимся. Честные люди верили ему – он говорил с такой искренностью!

Особняк капуцин купил не просто так, он решил устроить в нем необычный дом свиданий. Но как найти «пансионерок»? Изощренный ум монаха помог и тут…

Посещая семейства, где жили молодые и привлекательные женщины, хитрец, потупив взор, говорил:

– Я хочу открыть мастерскую, средства от которой пойдут на благотворительные цели. Не хотите ли вы раз в неделю приходить туда и оказывать помощь нуждающимся?

Преисполненные религиозным рвением помогать ближним, ничего не подозревающие красавицы соглашались. И в назначенный час, прихватив швейные принадлежности, являлись в особняк развратника. Но оказывалось, что швейные принадлежности вовсе не нужны.

Капуцин приводил «жертву» в свой кабинет, затем запирал

дверь и… превращался из монаха в мужчину! Только тогда женщина понимала, зачем ее позвали в «мастерскую».

Поразительно, но при этом никто не возмущался и не жаловался на отца Огюстена. Попав в ловушку, дамы быстро становились его любовницами, а, возвратившись домой, не спешили рассказывать мужу или подругам о столь необычном приключении.

Совершенно очевидно, что отец Огюстен хорошо знал женскую психологию, затевая столь опасное предприятие. Никто из его «мастериц» его не выдал. Были среди них и такие, которые навещали монаха не однажды.

Он принимал в день до двух-трех прихожанок и был вполне доволен своим положением. Но соседи стали все чаще и чаще слышать подозрительные шумы и странные женские голоса, доносящиеся из «мастерской» монаха. Наконец, все открылось, и Огюстен, к величайшему сожалению, вынужден был продать свой дом и бежать из тех мест, оставив рогатыми большую часть мужского населения Милло…

Однако вопросы «как» и «на что жить» по-прежнему волновали капуцина. Огюстен вспомнил о своих «старых друзьях» – красавице Фаншон и извозчике, которого он ей присватал. Вместе с мужем Фаншон он стал… контрабандистом! Торгуя контрабандным товаром, монах, конечно же, не забывал о проповедях… и о женщинах. Он, как и прежде, читал проповеди во славу свободной любви и воплощал свои теории на практике.

В Тулузе (где он находился по своим проповедническим и торговым делам) им не на шутку увлеклась жена советника Парламента. Впрочем, несмотря на свое солидное положение в обществе, эта дама пылкого темперамента, говорят, не брезговала даже кучерами своего мужа.

Огюстен был не просто близок с нею, но сумел влюбить ее в себя. И влюбленные решили бежать вместе в Париж. Монах-капуцин давно мечтал о завоевании столицы.

В Париже любовники жили вместе, однако постоянное присутствие женщины не мешало отцу Огюстену посещать все злачные места и многочисленные трактиры города.

Именно в одном из парижских трактиров он встретил человека по имени Дантон (одного из видных деятелей французской революции). Дружба с Дантоном пробудила в монахе интерес к политике и ввела его в новый круг общения. Что, в свою очередь, привело капуцина в постель маркизы де Лоней, жены коменданта Бастилии.

Со своей же тулузской любовницей он вскоре расстался, полностью охладев к ней. Однако любовные приключения по-

прежнему сыпались как из рога изобилия. Следствием чего стала «нехорошая» болезнь. Но и это не остановило неугомонного монаха!

Он обратился за помощью к врачу, и через некоторое время познакомился с его дочкой, прекрасной блондинкой восемнадцати лет. Монах, по своему обыкновению, совратил ее и даже пытался увезти из дома. Вот тут (наконец!) разразился скандал, который замять не удалось.

Епископство, которое, непонятно почему, до сих пор проявляло небывалую снисходительность к пьянице, вору и женолюбу, на этот раз было просто вынуждено принять меры. В 1788 году его преосвященство епископ Кольбер из Родеза отлучил Огюстена от сана.

Отец Огюстен вновь стал называться Франсуа Шабо.

Наступивший 1789 год Шабо встретил без гроша в кармане и без особых надежд на обустройство своей грешной земной жизни. Однако впереди, в очень скором будущем, Францию ждала эпоха бурных политических потрясений. И поскольку иной профессии, кроме профессии проповедника, Франсуа Шабо не знал, ему не оставалось ничего другого, как только стать борцом грядущей революции…

Превратившись в одного из самых непримиримых членов Конвента, он признался друзьям: «Да, я в жизни не был примером во всем, и у меня были определенные слабости… Однако, уважая законы природы, необходимо оправдать некоторые отклонения в моем поведении… Меня обвиняют в том, что я люблю женщин, а я и не скрываю, что люблю. Более того, могу заявить: несчастлив тот, кто их не любит!»

На этом, пожалуй, можно и закончить рассказ о жизни и деяниях капуцина отца Огюстена (он же – революционер Франсуа Шабо). Вот только заметим, что проповедников, подобных ему, хватало во все времена. И герои «Озорных рассказов» Бальзака, по всей вероятности, не вымышленные. Так же, как и развратники-монахи из ужасающе порочных книг Альфонса Донасьена Франсуа де Сада: они, похоже, отнюдь не плод больного воображения «божественного маркиза», жившего и творившего в ту же эпоху перемен, что и сам легендарный капуцин отец Огюстен…

Отравительница

Лукреция Франджимани

Эта история произошла почти два века назад, и привела она к громкому уголовному процессу. В ней присутствует сразу несколько главных героев, вернее – героинь. Все они – монахини одного из итальянских монастырей.

Флавия Орсини, представительница знатного рода, была аббатисой этого благочестивого монастыря. Однажды аббатиса узнала, что монахиня Лукреция Франджимани имеет любовную связь с молодым человеком, который по ночам бесстыдно проникает в монастырский сад.

Лукреция также принадлежала к одной из влиятельных аристократических фамилий, и аббатиса вынуждена была относиться к ней с большим снисхождением.

В этом же монастыре содержалась и племянница аббатисы, Клара Висконти, принявшая постриг всего за несколько месяцев до развернувшихся событий. Клару считали самой красивой девушкой в монастыре. Тетка попросила девушку поговорить с подругой, Лукрецией, и сказать ей, что необходимо прекратить столь позорную для обители любовную связь.

Когда Клара попыталась вразумить Лукрецию, та засмеялась, назвав ее боязливым ребенком.

– Я ничего не боюсь, – сказала она, – я Франджимани.

Скорее всего, Лукреция стала монахиней не по своей воле. В те времена девушек из родовитых семей зачастую приводила в монастырские стены вовсе не любовь к Богу, их гнали туда интересы семьи. Дело в том, что упрятав дочку в монастырь, родители могли не тратиться на ее приданое. Для некоторых аристократических семей этот вопрос был крайне болезненным, ибо обнищавшие знатные господа должны были прежде всего обеспечить наследством старшего сына, а затем уж думать о дочерях.

Аббатиса Флавия вскоре поняла, что Лукреция не сдастся просто так, и решила сама сурово поговорить с нею. Лукреция высокомерно отвечала, что не считает себя виновной: родные «упекли» ее в монастырь в совсем еще юном возрасте, когда она ничего не понимала. Кларе она объяснила: «Родители присвоили мое состояние». Не желала эта высокомерная особа жить по законам святой обители. Она хотела любить и быть любимой.

После разговора с Лукрецией аббатиса решила, что довольно

слов – пора действовать! Она пригрозила Лукреции, что выдаст ее папскому легату, а значит, последует суд и публичное бесчестие. А сама тем временем разузнала, кто же возлюбленный гордячки, как его зовут и откуда он родом.

Оказалось, что юноша был членом организации карбонариев. (Карбонарии, так называемые «угольщики», боролись за освобождение Италии.) Мечтой этого безумца было уехать в Америку, чтобы познакомиться с «единственно правильно устроенной республикой». Не было у него только денег на поездку, ибо он целиком зависел от своего скупого дяди.

Чтобы удалить молодого человека подальше от монастыря, аббатиса Флавия переговорила с духовником дяди этого юноши и изложила ему суть задачи. А дальше все случилось так, как она и предполагала: дядя предложил племяннику денег, и молодой человек радостно укатил в вожделенную страну Америку. При этом он даже не попрощался с любовницей.

Узнав о его отъезде, Лукреция была поражена в самое сердце. Ее милый уехал, уплыл на корабле и даже не известил ее!

От горьких переживаний эта цветущая молодая женщина, двадцати восьми лет от роду, стала бледной, задумчивой и молчаливой.

Через какое-то время она подружилась с несколькими монахинями, которые не скрывали своей неприязни к аббатисе. Флавия не придала этому значения. Главное, позор больше не грозил вверенному ей монастырю.

У аббатисы была сестра-послушница, которая ей прислуживала. Девушка жила в монастыре, но пока что не приняла пострига, то есть еще не была монахиней. Звали прислужницу Мартиной. В ее обязанности входило также готовить пищу для Флавии.

А тем временем в кружке недоброжелателей аббатисы зрел заговор под руководством обиженной Лукреции. Она сказала новым подругам:

– Прежде всего, нам надо подружиться с Мартиной. Надо узнать, нет ли у нее знакомств за стенами монастыря.

Заговорщицы наблюдали за Мартиной несколько месяцев и, наконец, выследили: из соседней деревни к ней иногда приходил повидаться парень. Тогда Лукреция и некоторые из ее новых приятельниц срочно послали на продажу несколько своих драгоценностей, которые хранили у себя в кельях. Потом брат одной из служанок этих высокородных монахинь подружился с ухажером Мартины и, как бы невзначай, нашептал ему: мол, Мартина тайно унаследовала несколько драгоценных вещей от одной недавно умершей монахини, за которой она якобы усердно

ухаживала.

У друга Мартины как раз случились денежные затруднения. Он занимался понемногу контрабандой, обычно довольно удачно, однако в этот раз у него почему-то конфисковали часть имущества. В общем, материальное положение на тот момент у него было весьма плачевным. Звали этого незадачливого контрабандиста Сильва.

Когда Сильва услышал, что его Мартина якобы не так бедна, как кажется, он пробрался к ней и стал умолять одолжить ему денег. Девушка недоумевала и отнекивалась: какие деньги? какие драгоценности? откуда? У нее ничего нет!

Милый друг взорвался от злости, наговорил Мартине грубостей и пригрозил, что бросит ее, если она не поможет ему с деньгами. Девушка от потрясения заболела. Немного у нее было радостей в святой обители, но и этого немногого она лишилась.

Мартина слегла. За ней принялась ухаживать Лукреция Франджимани. Она была очень добра к бедняжке и часто навещала ее. Как-то раз, сидя у постели Мартины, Лукреция заметила:

– Аббатиса наша очень раздражительна. Ей следовало бы принимать опиум, чтобы спокойней спать. Тогда бы она и нас меньше мучила ежедневными выговорами. Я и сама, – продолжала Лукреция, – иногда принимаю опиум. Особенно после моего несчастья… – и лицемерная монахиня горько вздохнула.

Мартине стало жаль сестру Франджимани, о злоключениях которой она была наслышана. К тому же девушка теперь сама пребывала в подобном положении. Мартина расчувствовалась и поведала Лукреции о своей любви. И, конечно же, о размолвке, случившейся в последнюю встречу между нею и ее возлюбленным Сильвой.

– Он считает меня богатой и хочет покинуть за то, что я отказываю ему в деньгах, – печально закончила она свой рассказ.

Лукреция только этого и ждала. Она сняла с себя маленький крестик, украшенный бриллиантами, и уговорила Мартину принять его в подарок.

Через какое-то время Лукреция вновь заговорила о том, что аббатисе хорошо бы принимать опиум, который успокаивает расшатавшиеся нервы. Мартина с ужасом поняла, что речь идет об отраве, и возмутилась. Но сестра Франджимани только засмеялась:

– О какой отраве вы говорите?

И она предложила девушке совершенно невинный, на первый взгляд, вариант: пусть она, Мартина, каждые три дня подливает

несколько капель в еду Флавии, а сама Лукреция будет в присутствии Мартины наливать то же самое количество капель из того же самого флакона себе в кофе! Но самое главное – она пообещала, что когда будет дежурить в качестве привратницы на воротах (а это периодически делали все сестры), то впустит в монастырь друга Мартины.

Мартина была доверчива и проста. К тому же обожала своего Сильву. Интересы любви, как оно чаще всего и бывает, взяли верх над благоразумием. Вскоре все пошло по плану, намеченному Лукрецией. Мартина подливала Флавии опиум довольно смело, видя, что ее подруга тот же опиум льет себе в кофе. Лукреция не осталась в долгу: она дала девушке денег.

Ровно год минул с той поры, как аббатиса столь бесцеремонно вмешалась в жизнь монахини Лукреции Франджимани…

В это время приехал в те края молодой сицилиец по имени Родерико Ландриани и поселился в небольшом домике, неподалеку от монастырских стен. Он был благороден, романтичен и при этом весьма благочестив. Каждый день Родерико ходил молиться в монастырскую церковь… И сестры сразу заприметили пригожего юношу.

Родерико молился с усердием, он был серьезен и сдержан, да к тому же выяснилось, что он родственник монастырского духовника. В результате аббатиса пригласила его к обеду, и Ландриани с охотой принял ее предложение. Придя в монастырь, он увидел Клару Висконти, племянницу настоятельницы – и влюбился!

Как видите, в одних монастырских стенах появляется уже третья любовная история.

Кларе тоже очень понравился Родерико, и она стала наблюдать за ним всякий раз, когда он появлялся в церкви. Порой им удавалось обменяться парой слов.

После нескольких недель такого общения Родерико ясно осознал, что любит и желает Клару, но это – невозможно, ведь она монахиня, она дала обет Богу. Их любовь приведет к ужасному греху!

Он нашел способ повидаться с племянницей аббатисы и открыл ей тайну своего сердца и свои опасения и тревоги. Оба они были очень грустны после этого разговора. Есть ли у их любви будущее?..

Однажды августовской ночью, изнемогая от духоты, Клара Висконти вышла в темный монастырский сад, чтобы подышать воздухом. Погуляв по саду, она направилась к себе в келью, но вдруг заметила, что калитка не закрыта на засов…

Не раздумывая, Клара открыла калитку и вышла на улицу. А дальше – ноги сами понесли ее к одиноко стоявшему домику, где жил Родерико Ландриани.

– Боже мой, зачем вы здесь? Не загорелся ли монастырь? – вскричал Родерико, увидев Клару на пороге своего дома.

Такая встреча лишила юную монахиню мужества, она вмиг осознала все безумие своего поступка. Клара словно окаменела и не сумела вымолвить ни слова в ответ.

– Клара, что ты наделала! – вскричал Родерико. – Ты – невеста Христова, ты не можешь быть моей!

Но уже через минуту, не совладав с чувствами, он сжимал ее в объятиях. Клара разрыдалась. Тогда он подал ей руку:

– Я отведу вас в монастырь.

И он вывел ее из своего жилища и направился к монастырю, увлекая за собой еле живую от волнения девушку. Родерико и Клара вошли в монастырский сад – она все еще еле держалась на ногах. Он поднялся с ней на второй этаж, к ее комнате. На ступенях лестницы Клара, понимая, что видит его в последний раз, упала без чувств.

Родерико взял ее на руки и унес обратно в сад. Там, в глубине сада, юноша усадил несчастную возлюбленную на каменную скамью. Ее душили рыдания. Он же разрывался между долгом и любовью. И любовь победила.

На рассвете Клара рассталась с Родерико, взяв с него слово, что он не покинет их края никогда. Каждый вечер после этого девушка бегала в сад, надеясь, что вновь найдет калитку незапертой, но тщетно. Правда, на шестую ночь, выйдя в сад, она застала там Мартину, которая открывала калитку, чтобы выпустить из монастыря своего дружка…

Клара опять загрустила: ей никак не удавалось увидеться с Родерико. Их единственной радостью было писать друг другу. В очередной записке Ландриани сообщил, что теперь он будет перелезать к ней в сад через стену. Монахиня пришла в ужас – это было очень опасно, ибо стены монастырского сада были ужасно высокими. Юноша мог разбиться!

Но это не смутило Родерико. И через четыре дня он, преодолев препятствие, был уже в объятиях Клары. В это же время Мартина принимала у себя своего любовника – Сильву, который стал к ней куда добрее, получив бриллиантовый крестик.

По невероятному совпадению именно в эту ночь умерла злосчастная аббатиса Флавия Орсини. Умирая, она успела сказать своему духовнику: «Я умираю от яда, меня отравили, потому что я хотела помешать любовным встречам моих монахинь. Они потеряли всякий стыд. Может быть, даже в эту минуту какой-

нибудь сластолюбец находится в монастырском саду».

Священник решил сразу же принять самые жесткие меры. Немедленно зазвонили все монастырские колокола. Окрестные крестьяне бросились к воротам монастыря…

Родерико, заслышав колокол, успел убежать. А вот Сильву, дружка Мартины, схватили. К этому времени уже ходили разговоры, что он продал какой-то бриллиантовый крест. И теперь ему пришлось признаться, что он получил его от Мартины. Несчастная Мартина, желая как-то оправдаться, в свою очередь рассказала, что крест ей дала Лукреция, а на вопрос «кто открыл калитку, чтобы впустить Сильву?» она тут же заявила, что это сделала Клара.

Так выяснилось, что и сестра Висконти принимала в монастырском саду любовника – Родерико Ландриани. Теперь следовало опросить Клару… Дело грозило затянуться! И разбирательство отложили до утра. Напуганная Лукреция, опасаясь, что на очной ставке Клары и Мартины всплывет и ее преступление, решила дело по-своему. Рано утром она подсыпала яду в шоколад, который приготовила для них обеих.

В семь часов утра явившиеся от архиепископа для продолжения расследования люди обнаружили бедных девушек мертвыми… Лукреция отправила их на тот свет раньше, чем они успели что-либо рассказать.

Допросить успели только Родерико, но он конечно же ни в чем не признался…

Вот так в стенах святой обители переплелись три истории любви и смерти.

Россия

Россия – страна православная. У православных священников нет целибата, то есть обета безбрачия. Они могут жениться и иметь семью. Поэтому истории о православных церковных служителях, как правило, – повествования о подлинной христианской любви и истинно христианском браке, в котором узы любви вечны и не прерываются смертью.

Христианский брак видит свое завершение не в удовлетворении плотских желаний и не в достижении определенного социального положения, он предполагает взаимную любовь и уважение, ответственность за семью, самоотдачу.

Однако следует сказать, что и среди православных священников встречались нарушители обетов. А уж о монастырях и монахах на Руси было сложено немало сатирических песен. Известный русский историк Ключевский писал: «В этом повинно само духовенство: строго требуя наружного исполнения церковного порядка, пастыри не умели внушить должного к нему уважения, потому что сами недостаточно его уважали». Еще «неистовый протопоп» Аввакум обвинял своего противника патриарха Никона в «чревоугодии и баболюбстве».

Но мы поведем теперь разговор не о греховодниках, а о совсем другой любви… О других мужчинах. И о других женщинах.

Некоторых из этих женщин в монастырские стены привела «любовь земная», но у каждой был свой путь…

Счастье в «неравном браке»

Святые Петр и Феврония

Восьмого июля православные христиане отмечают «День влюбленных». Покровителями супружеской любви и верности Русская Православная Церковь почитает муромских чудотворцев, живших в XII–XIII веках, – князя Петра и княгиню Февронию.

История любви этой супружеской пары подробно описана в древнерусской «Повести о Петре и Февронии», которая представляет собой едва ли не единственный памятник русской агиографии, прославляющий святое брачное житие.

«Смотри, что дает людям союз любви, мудрый брак. Кто научил мудрости? Кто исследовал таинственное?.. Кто, как не брак, соединил море и сушу влажной дорогой и объединил раздельное друг от друга?» – вопрошал Григорий Богослов, епископ-поэт.

Примером именно такого, «мудрого» брака и служит житие муромских чудотворцев.

Петр был младшим братом муромского князя Павла, жена которого страдала (как гласит легенда) от нападений блудного беса, являвшегося ей в образе «неприязненного летящего змея». Петру было шестнадцать лет, когда он убил это мерзкое чудовище. Из пронзенного мечом «неприязненного змея» на юношу брызнула ядовитая кровь, отчего на теле Петра появились струпья. Долго искал Петр лекаря, который смог бы исцелить его от этих язв, но все тщетно.

Святой Петр

Но тут услышал Петр, что в Рязанской земле есть много чудесных врачевателей, и отправился в путь. Прибыл он в рязанскую деревню Ласково, где жила дева Феврония, дочь бортника-древолазца (то есть человека, добывающего мед диких пчел).

Святая Феврония

К ней обратился князь за помощью. Феврония согласилась исцелить Петра, однако выставила условие: «Если он не возьмет меня в жены, не буду лечить его».

Казалось бы, довольно странное заявление, но стоит ли удивляться тому, что Феврония угадала в князе Петре своего суженого?.. Недаром автор повести восклицает: «Радуйся, Феврония, ибо в женской голове имела ты мудрость святых мужей!»

Князь же Петр считал иначе: «Как мне, князю, взять в жены дочь древолазца», – подумал он, однако на словах согласился (очень уж хотелось ему исцелиться).

Феврония исцелила князя, а он, выздоровев, послал ей дорогие подарки и уехал обратно в родной город. Но неспроста умница Феврония разглядела в нем своего суженого, – сами Небеса предназначили их друг другу.

За свое нежелание покориться высшей воле князь Петр был наказан: страшная болезнь вернулась и исчезнувшие было язвы появились на его теле снова. Не ведал того молодой князь, что под видом телесного лекарства предлагала ему «дева лекарство духовное – тот елей совершенного, нелицемерного смирения, которым помазуется и упраздняется всякий грех». И пришлось Петру вернуться к Февронии. Князь женился на девице и получил полное исцеление от той болезни, которая была для него, как оказалось, «болезнью не к смерти, а к славе Божией».

Но супругов ждали новые испытания. После смерти старшего брата Петр стал править Муромом, и Феврония стала княгиней муромской. Жены же боярские невзлюбили молодую княгиню, и мужей своих взбаламутили: мол, негоже им, благородным, иметь своей госпожой простолюдинку.

Князь Петр правил Муромом мудро и справедливо, но завистливым боярам все было не по душе, а особенно то, что не по родовитости и богатству молодой князь выделял их, но по добрым делам.

И вот однажды на княжеской трапезе принялись бояре всякие пакости про Февронию говорить: «Почто, князь наш Петр, поругал свой престол? Чего ради сотворил такое? Невозможно разве тебе было обрести невесту честную в нашем Муроме и не крестьянского роду?»

Толстобрюхий боярин Данила громче всех негодовал: «Тебе, князь, будем верно служить, но княгине твоей не должно над женами нашими господствовать! Как может она над ними стоять, а сама простого роду? И жены наши не хотят служить ей».

Тут подскочил к князю тщедушный Тимофей Тарасьев из

самого захудалого рода и противным голосом наябедничал: «А еще Феврония, когда бывает за трапезой с женами нашими, собирает после еды крошки в руку, будто голодная».

Князь молча выслушал бояр и приказал послать за княгиней. Притихли бояре, смотрят, как Феврония усаживается рядом с мужем, как ест она степенно, а после, по-деревенскому обычаю, собирает в ладонь хлебные крошки. Тут князь Петр взял ее за руку и разжал ей пальцы. На ладони спокойно взиравшей на бояр княгини лежали не крошки, а нежно благоухающий ладан.

Рассмеялся князь, а посрамленные бояре, толкаясь, повалили вон из палат. С того дня еще больше полюбил князь свою жену и никогда уже ничем ее не испытывал. Но с того же дня бояре еще больше невзлюбили молодую княгиню.

Не успокоились бояре и через некоторое время явились шумной толпой к князю и потребовали: «Князь! Если хочешь самодержцем над нами быть, да будет тебе иная княгиня! Не хотим, чтоб Феврония повелевала нами и женами нашими. Феврония же пусть возьмет богатства, сколько пожелает, и уходит из Мурома».

И князь, доверившись судьбе, спокойно ответил: «Ступайте, нелюбезные бояре мои, и спросите у княгини. Как она скажет, так и будет».

Бояре на радостях устроили пир и, когда опьянели и потеряли всякий стыд, решили, что пора действовать. «Госпожа княгиня Феврония! – заявили они. – Весь город и бояре говорят тебе: отдай нам то, что мы у тебя просим!»

Княгиня с достоинством отвечала: «Возьмите то, что просите».

А бояре в один голос: «Хотим, чтоб князь Петр властвовал над нами, но жены наши не хотят, чтобы ты была княгиней. Возьми сколько тебе нужно богатства и уходи, куда пожелаешь!»

Феврония встала спокойно и сказала: «Обещала я вам то, что попросите. Так и вы обещайте дать мне то, что попрошу у вас».

Они же, не зная, что их ждет, не задумываясь, поклялись: «Что ни назовешь, без прекословия возьмешь!»

Феврония с любовью посмотрела на молчавшего князя и сказала: «Ничего другого не прошу у вас, только супруга моего, князя Петра».

«Если сам он захочет, слова не скажем!» – совсем развеселились бояре.

Какие только мысли не придут в хмельную голову! Каждый подумал, что если не станет Петра, то они другого князя изберут, лучше прежнего. А лучшим каждый, конечно, себя посчитал.

Встал князь, оглядел пьяные, красные от возбуждения лица

бояр, глянул в преданные, любящие глаза Февронии, обнял ее за плечи и молча увел из трапезной. Решил Петр, что уедет вместе с женой из города. Достойно поступил князь – ради любимой жены от власти отказался.

А бояре скорее-скорее приготовили суда на реке Оке, посадили на них князя с женой и слугами, а сами помчались обратно в Муром – престол делить.

«Скрипят высокие сосновые мачты, хлопают на свежем ветру крепкие паруса, плывут корабли мимо высокого, заросшего цветами берега. Вот и самая высокая колокольня Мурома, будто благословила их и пропала из виду… Исчез, спрятался в дремучих лесах родной Муром, и с ним честь, слава и княжество». В последний раз глянул Петр в сторону Мурома и отвернулся.

Феврония на другом судне плыла следом за мужем и с тревогой не о Муроме думала, а о князе Петре. Чувствовало ее любящее сердце, что тоскует князь, печалится…

Наступил вечер, сумерки опустились на реку и корабли, в небе звезды засветились. Стояла Феврония у борта, смотрела на проплывающие мимо темные берега… Вдруг под судном, где-то в черной глубине, будто кто-то вздохнул тяжко и протяжно, а потом громко, как доской по воде хлопнул. Вздрогнула Феврония и испуганно оглянулась. Позади у руля молодой кормщик тихо посмеивается:

«Не пугайся, моя госпожа! Это водяной дед озорует: верхом на коряге по реке плавает. Весь в тине, а пояс из водорослей накрутил. Ты поди сюда, госпожа, ко мне, а то дед этот сейчас ухать опять начнет и руками по воде хлопать».

Подошла Феврония и видит – кормщик этот смотрит на нее с вожделением, глаза у него так и горят. Вздохнула про себя Феврония и сказала: «Зачерпни воды с этой стороны судна и выпей». Кормщик сделал, как она велела. А она опять говорит: «Теперь пойди на другую сторону, зачерпни воды и снова выпей». И это он исполнил. «Одинакова ли вода, или одна другой слаще?» – спросила Феврония. «Одинакова вода, госпожа моя, и единого вкуса», – ответил он. Тогда она ему сказала: «Так одинаково и естество женское. Чего же ради позабыл про свою жену, а о чужой помышляешь?» Бедного кормщика из жара в холод бросило. Вспомнил о жене, что на том же корабле плыла, стыдно ему стало, упал он княгине в ноги и молил простить его. Простила его Феврония, а он больше худого не помышлял.

Долго не приставали суда к берегу, подальше хотел уплыть князь от оскорбившего его честь Мурома. Но когда совсем стемнело, приказал Петр остановиться и устраиваться на ночлег. Пока слуги разгружали суда и ставили шатры, отошел князь в

сторону, сел у воды на камень и, глядя на черную реку, крепко задумался: «Что же теперь будет, коль скоро я по своей воле от княжения отказался?» Тихо подошла Феврония, обняла сзади и прошептала: «Не горюй, князь, милостивый Бог, Творец и Заступник Всех не оставит нас в беде».

Но князь печально качал головой и не глядел на жену. Тогда Феврония подняла мужа с холодного камня и подвела к жаркому костру, на котором повар готовил ужин. «Видишь ли эти два малых ствола, поваром обрубленные, чтобы котлы повесить? – спросила она князя и продолжала: – Знай же, что станут они наутро вновь деревьями с ветвями и листьями, и будет это знаком Божьим, что Он не оставит нас».

Рано утром, пораженный невиданным чудом, повар расталкивал спящих на берегу и тащил заспанных людей к кострищу, посреди которого вместо вчерашних палок шелестели свежей листвой два стройных деревца. Князь Петр выскочил из шатра и, не веря своим глазам, ухватился за стволы и тряхнул их, проверяя. А потом расхохотался князь, да так громко и радостно, что бес отчаяния, к нему прилепившийся, от ужаса в Оку скатился и утонул со злости.

А тем временем в Муроме бояре безжалостно избивали друг друга. Каждый хотел властвовать, но не многие в живых остались, а и те, что живы остались, до княжеского престола не доползли. И тут, неведомо откуда, явилось в городе множество прекрасных юношей в чу2дных одеждах. В руках они держали огненные палицы и обходили все боярские дома и били обезумевших от страха бояр, и грозными голосами вопрошали: «Куда девали вы князя Петра с его княгинею Февронией?! Если не возвратите их, то будете все мечу преданы – всё в разорении будет!»

Сообразили бояре, что не будет им спасения, если не вернут они на престол законного князя с княгинею.

На следующий же день, когда слуги Петра грузили на борт пожитки, чтобы плыть дальше в изгнание, пристали к тому месту многие суда с плачущими боярами из Мурома. Повалились они всем скопом на колени: «Владетель наш муромский! Помилуй нас, рабов своих, не дай нам горькою смертию погибнуть со всеми домами нашими, с женами и детьми, и со всем скотом и имением в конец не разориться». А толстобрюхий боярин Данила, кто более всех поносил Февронию, теперь просил жалобно: «Умилосердись над нами грешными, княже! Возвратись в свое отечество, войди в дом свой, сядь на престол свой княжеский!»

Молча слушал князь униженные речи «нелюбезных своих бояр», но не было в его сердце зла и жажды мести. Поднял он с земли бояр и сказал: «Идите с миром и спросите княгиню мою.

Если захочет возвратиться, и я возвращусь».

Кинулись бояре к шатру княгини, не думая уже о родовитости, повалились ей в ноги и стали молить: «Госпожа наша, мы – рабы твои! Хотим, чтобы вы с князем возвратились на престол свой и избавили нас, грешных, от напрасной смерти».

Выслушала их Феврония и сказала: «Идите к господину вашему князю Петру. Если захочет вернуться к вам, то и я с ним скоро буду».

Они же в один голос вскричали: «Просили мы его, и он послал у тебя, госпожа, спросить!»

Пожалела их Феврония и пошла к Петру. «Что решила ты, возлюбленная моя?» – спросил князь. И Феврония ответила: «Подарил нам Господь две равно драгоценные способности: вспоминать и забывать. Когда нам делают добро, признательность требует помнить его, а когда делают зло, любовь побуждает забыть его».

Не помня зла, вернулись князь с княгиней в Муром. На берегу встретили их все жители от мала до велика и с подобающими почестями проводили до княжеских палат. Стали править они в Муроме как прежде. Справедливо и милосердно.

Феврония, как положено княгиням на Руси, заботилась о бедных и больных, помогала вдовам с малыми детьми, поддерживала бедные монастыри. Князь Петр рядом с такой женой тоже проникся духом добра…

Шли годы. Петр с Февронией состарились и, предвидя скорый конец, стали просить Бога дать им умереть в одно время, а чтобы и после смерти тела их не расставались, завещали положить их в одну гробницу. Для этого повелели вытесать в одном камне два гроба, имеющих между собою только перегородку.

Однажды вечером пришел старый князь к княгине, взял ее за руку и сказал: «О возлюбленнейшая моя, хочу идти в монастырь и принять на себя монашеский чин. Пойдешь ли со мною?» Феврония в ответ поклонилась мужу до земли и сказала: «О господин мой возлюбленный, давно ждала я от тебя этих слов, ведь сама не решалась тебе сказать про это. Теперь же радуюсь и только и жду подальше уйти от мира, чтобы быть ближе к Богу».

В одно и то же время князь и княгиня приняли монашество. Петр в мужском Спасском монастыре под именем Давид, а Феврония в женском Успенском монастыре под именем Евфросинья. И стали они не мужем и женой, а братом и сестрой во Христе.

Так жили они, не видя друг друга, в рядом стоящих монастырях, и вот однажды, в теплый июльский день сидела Евфросинья в своей келье и вышивала лики святых на покрывале

для Храма Пречистой Богородицы. В дверь постучали, и в келью ступил молодой, встревоженный монах.

«Сестра Евфросинья, – сказал он, – послан я от брата твоего во Христе Давида. Велел передать тебе, что пришло время кончины его, но ждет тебя, чтобы вместе отойти к Богу». «Не могу сейчас с ним идти, – ответила Евфросинья, – пусть подождет, пока дошью воздэх. Как дошью, так и буду к нему». Умирающий князь выслушал посланца и с трудом сказал: «Иди скоро к возлюбленной сестре моей… Пусть придет проститься ко мне… Уже отхожу от жизни этой». Бросился бегом инок к Евфросинье: «О сестра! Чего ради медлишь? Князь Петр кончается и молит тебя проститься с ним». «Пойди, брате, умоли подождать его малую минуту часа, – не прерывая работы, сказала старая монахиня. – Немного осталось дошить мне, одну стезицу». Вернулся инок и застал князя чуть живого. «Скажи моей Февронии, – еле слышно сказал умирающий князь, – уже не жду ее…»

Плача, вбежал бедный монашек к Февронии: «О госпожа княгиня! Князь ваш Петр преставляется!»

Побледнела, как снег, княгиня, встала, подняла глаза на образ Богородицы и трижды перекрестилась. Потом провела рукой по неоконченному шитью, воткнула иглу в воздэх и велела сказать Петру, что и она уходит из жизни вместе с любимым своим мужем. «И предали они души свои в руки Божии в одно мгновение. И понесли светлые ангелы святые души Петра и Февронии в таинственное, светлое Небо, где ждал их Тот, кто даровал им такую любовь…»

Случилось это 25 июня (8 июля по новому стилю) 1228 года.

Однако это еще не конец чудесной истории о Петре и Февронии.

После торжественного отпевания муромцы решили, что негоже монахов хоронить в одном гробу, как того хотели князь с княгиней. И поступили по-своему. Князя Петра решили похоронить у соборной церкви Пречистой Богоматери в самом городе, а Февронию – в загородном женском монастыре. Положили их тела в отдельные гробы и поставили до утра каждый в своей церкви. Общий же каменный гроб остался пустым в Богородичном храме.

На другое утро множество людей, священники и сам епископ в немом ужасе стояли у пустых раскрытых гробов. Куда подевались тела Петра и Февронии, никто не знал. Вскоре прибежал до смерти перепуганный сторож Богородичного храма и сказал, что князь с княгиней в общем гробу лежат, а как такое могло случиться, он не ведает, поскольку уснул нечаянно и, что

ночью в храме делалось, не видел.

Все поспешили в храм и увидели, что и вправду, покрытые воздэхом, что вышивала Феврония, лежат супруги в одном каменном гробу, как и хотели при жизни.

Епископ решил, что это верные слуги волю своих господ темной ночью исполнили и потому обругал их, а потом велел опять тела Петра и Февронии положить каждого в свой гроб. Отслужили службу и крепко-накрепко заперли обе церкви, сторожа глаз не смыкали всю ночь, а утром… вновь оказались тела Петра и Февронии в одном гробу.

Тогда опомнились, наконец, муромцы и больше не трогали их и с честью погребли князя и княгиню в одном гробу.

С той поры на их могиле стали происходить чудеса – кто с искренней верой молился о помощи, чудесно исцелялся.

Примерно через 300 лет после кончины, в XVI веке, Петр и Феврония были причислены Русской Православной Церковью к лику святых.

Как мы уже писали, православный «День влюбленных» на Руси отмечается 8 июля, в годовщину смерти Петра и Февронии. Празднуется он не столь ярко и романтично, как День святого Валентина. В день святых Петра и Февронии не принято делать подарки, в этот день в своих молитвах молодые люди просят Бога о большой Любви, а люди постарше – о семейном согласии. Считается также, что святые Петр и Феврония низводят небесное благословение на вступающих в брак.

Теперь общая гробница Петра и Февронии находится в приделе соборного храма Свято-Троицкого женского монастыря города Мурома. Монахини стараются записывать все случаи помощи Петра и Февронии тем, кто обращается к ним. В монастырских записях отмечено много случаев, когда после обращения к святым Господь даровал отчаявшимся бездетным супругам ребенка.

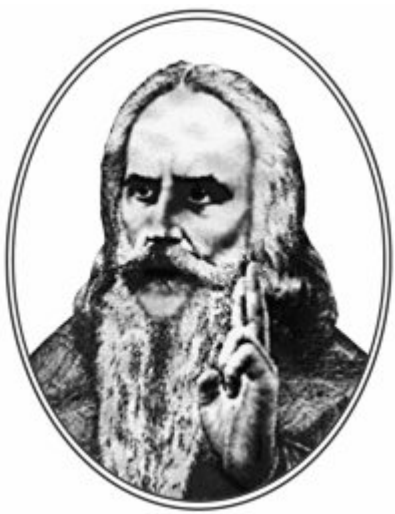
Возможно, не все из вас знают, что в центре Москвы стоит маленький древний храм в честь Вознесения Господня, в котором находится икона святых Петра и Февронии Муромских. В 1993 году часть мощей Петра и Февронии была дарована этому храму. Частицу святых мощей вставили в икону благоверных князей. И сегодня в храм приходят люди, чтобы поклониться святым и попросить их о помощи в трудных семейных обстоятельствах, о благословении на вступление в брак и о настоящей, верной и преданной любви…

«Стояние за веру»

Протопоп Аввакум и боярыня Морозова

Протопоп Аввакум Петров – одна из наиболее ярких личностей в истории России. Это был человек огромной силы духа, которая в полной мере проявилась во время гонений на него.

В 50-х годах XVII века патриарх Никон (блестящий проповедник, хороший организатор и даже целитель) предложил целую программу церковных реформ. Церковный Собор принял и одобрил реформы, которые касались в общем-то только обрядовой стороны веры. С этого начался раскол – и споры между «никонианами» (сторонниками Никона) и «ревнителями» прежних обычаев дошли до фанатизма.



Протопоп Аввакум

Протопоп Аввакум был, пожалуй, самым ярым противником Никона. Он искренне считал, что патриарх оскверняет истинную веру. В результате этого неистового противостояния всех несогласных с реформами отлучили от церкви. Но Никон их явно недооценил. Упрямые, красноречивые, обладавшие незаурядными способностями и сильной волей, «ревнители» оказались

достойными противниками. И тогда наиболее «красноречивых» отправили в ссылку. Аввакума в сентябре 1653 года отправили в Тобольск, откуда через три года перевели еще дальше и глубже в Сибирь.

В начале 1661 года царь Алексей Михайлович позволил Аввакуму вернуться в Москву. Узнал об этом протопоп лишь в мае 1662 года. А как узнал, так воспрянул духом, решив, что царь отвернулся от никониан и теперь все вернутся к старым обрядам. Однако ситуация была намного сложней…

Почти два года добирался протопоп до Москвы, неустанно проповедуя по пути свое учение. Каково же было его разочарование, когда он увидел, что никонианство в церковной жизни повсюду пустило корни, а царь Алексей Михайлович, хотя и охладел к Никону, тем не менее не собирался отказываться от его реформ.

Алексею Михайловичу хотелось привлечь на свою сторону неустрашимого «ревнителя благочестия», поскольку это позволило бы разом успокоить все более нараставшее народное недовольство. Для этого царь, не выказывая прямо своего отношения к челобитным Аввакума, попытался переманить протопопа на свою сторону обещанием места царского духовника. Тронутый вниманием государя и надеясь, что ему будет поручено исправление никоновских деяний, Аввакум на некоторое время действительно прекратил «борьбу».

Такой поворот событий пришелся весьма не по душе староверам, и они бросились со всех сторон уговаривать протопопа не оставлять «отеческих преданий». Аввакум опомнился и возобновил свои обличения никонианского духовенства, называя их в своих проповедях и писаниях отщепенцами. «Они, – утверждал протопоп, – не церковные чада, а диавола».

Царь, убедившись, что его надежды на примирение Аввакума с церковью совершенно невыполнимы, а также поддавшись на уговоры духовенства, 29 августа 1664 года подписал указ о высылке Аввакума в Пустозерский острог.

В феврале 1666 года Аввакума привезли в Москву на Церковный Собор. Его снова убеждали признать церковные реформы, но протопоп «покаяния и повиновения не принес, а во всем упорствовал, еще же и освященный Собор укорял и неправославным называл». В результате 13 мая Аввакум был расстрижен и предан проклятию как еретик.

После суда Аввакума вместе с другими раскольниками отправили в заключение в Угрешский монастырь, откуда его позднее перевели в Пафнутьев-Боровский. В специальной

инструкции, присланной игумену того монастыря, предписывалось Аввакума «беречь накрепко с великим опасением, чтобы он с тюрьмы не ушел и дурна никакова бы над собою не учинил, и чернил и бумаги ему не давать, и никого к нему пускать не велеть».

В августе 1667 года Аввакума вывезли в Пустозерск, там томились его семья и множество других старообрядцев. Позже Аввакума «за великия на царский дом хулы» было приказано сжечь вместе с тремя его единоверцами.

14 апреля 1682 года закончилась в горящем срубе жизнь этого бесстрашного человека.

До нас дошли очень скудные подробности этой казни. Известно, что совершилась она при большом стечении народа. Узников вывели из-за тюремного тына к месту казни. Аввакум заблаговременно распорядился своим имуществом, роздал книги. Нашлись для смертного часа и чистые рубахи. И все равно зрелище было тягостное – загноенные глаза, обрубленные усохшие руки… Палачи привязали осужденных к четырем углам сруба, завалили дровами, берестой и подожгли.

Нелегким, а порой ужасающим был жизненный путь этого удивительного человека, стоявшего насмерть за свои убеждения. О всех тяготах своей жизни написал Аввакум «книгу» – «Житие».

С протопопом Аввакумом тесно связаны судьбы двух поистине выдающихся женщин, одна из которых была его женой. А другая – духовной ученицей. Она тоже пошла на смерть за «старую веру». Ее имя наверняка известно каждому. Это – боярыня Морозова.

Феодосию Соковнину (так звалась в девичестве боярыня) мы помним пламенной и страстной по картине Василия Ивановича Сурикова. Грозно сверкая прекрасными очами, высоко воздев скованную цепью руку, двумя перстами (по канонам старой веры) она то ли благословляет сочувствующую ей толпу, то ли посылает проклятие своим гонителям…

Что за судьба у этой необыкновенной женщины, для которой так дорого было имя протопопа Аввакума? Мученица – это, пожалуй, все, что мы знали о ней: раскольница, не отреклась от старой веры, за что и приняла смерть.

Трудно себе представить ее иной: юной, нежной, чарующе красивой, любящей, страстной в любви, – какой она была на самом деле. Ведь Суриков рисовал ее, основываясь лишь на собственном воображении. Только через семьдесят три года после написания этой картины найдены были удивительные рукописные книги, подлинные исторические свидетельства, поведавшие о жизни и смерти этой необыкновенной, великой

женщины: «Повесть о боярыне Морозовой», написанная, предположительно, ее дворецким, и «Слово плачевное» самого протопопа Аввакума Петрова.

За свои убеждения эта женщина добровольно пошла на пытки и голодную смерть. Но почему так случилось?

Да, свои убеждения она, пожалуй, возвела в культ, и под их воздействием сила духа превзошла силу тела. Но что питало эту столь мощную силу? Осмелимся предположить, что источником была Любовь: пусть духовная, но именно Любовь.

Двадцать первого мая 1632 года в семье Прокопия Соковнина, попавшего в среду московской знати по близкому родству с Милославскими, родилась дочь Феодосья. Впоследствии имена всех четверых детей Прокопия – сыновей Федора и Алексея, дочерей Феодосьи и Евдокии – вошли в историю Государства Российского, но отцу не суждено было узнать об этом.

Девицы Соковнины уродились на диво пригожими, любознательными, способными и к наукам, и к женским рукоделиям. Из рукописного источника известно, что их семейные отношения основывались на любви, верности и духовной близости, что помогало им совместно выдерживать самые трудные испытания. Так было и в отчем доме, и в их собственных семьях, созданных, по обычаю той поры, в довольно юном возрасте – семнадцати лет.

Красота Феодосьи была столь пленительна, что ее, несмотря на так называемую «худородность», взял в жены один из лучших женихов на Руси – Глеб Иванович Морозов.

Род бояр Морозовых занимал исключительно высокое положение. В юности братья Борис и Глеб были спальниками своего сверстника – царя Михаила Федоровича, основоположника династии Романовых. Такое доверие оказывалось не всякому, а лишь ближайшим из приближенных, ведь спальники должны были спать в одной комнате с царем, жившим в постоянном опасении быть отравленным днем или заколотым во сне.

Со временем царь доверил братьям Морозовым воспитание своих сыновей – наследников российского престола. Глебу не долго довелось прослужить воспитателем: царевич Иван Михайлович умер малолетним, зато Борис – умный, ловкий – взял от жизни все, что только мог пожелать. После смерти Михаила Федоровича воспитанник Бориса – Алексей Михайлович – взошел на престол. Шестнадцатилетний мальчик не имел представления о том, как осуществлять свою высочайшую миссию, и постоянно нуждался в советах, которые Морозовы рады были дать в любую минуту. В народе говорили, что «царь пьет у бояр изо рта».

Именно боярин Морозов выбрал для царя жену – Марию Ильиничну Милославскую, и на свадьбе играл первую роль, был у государя «на отцово место». Через десять дней Борис Морозов, вдовец и человек уже пожилой, женился вторым браком на царицыной сестре Анне и сделался царским свояком.

Из своего исключительного положения он извлек все, что только можно. И если боярин, владевший тремястами крестьянскими дворами, считался по тем временам богатым, то у Морозова их было более семи тысяч.

Феодосью Прокопьевну, жену Глеба Морозова, окружало не просто богатство, а роскошь. Современники вспоминали, что она выезжала в карете позолоченной, которую везли двенадцать лучших лошадей, а позади бежали человек триста слуг. В морозовском имении Зюзино был разбит огромный сад, где гуляли павлины. Учитывая все это – удачное замужество Федосьи Прокопьевны, роскошную жизнь, личную дружбу с царской семьей, – можно понять протопопа Аввакума, который видел нечто совершенно исключительное в том, что боярыня Морозова отреклась от «земной славы». Феодосья Прокопьевна действительно стала ярой противницей церковных реформ. Сила духа у нее была необыкновенная, и она сполна смогла себя реализовать, защищая старую веру.

Не было на Руси человека, чье имущество было сопоставимо с владениями Морозовых. Вместо деревянных домов братья выстроили каменные палаты, завели обстановку на иноземный лад, обили стены «золотыми кожами» бельгийской работы, накупили в дом драгоценной посуды, картин, золотых безделушек, диковинных часов… В знаменитой карете боярыни были хрустальные окна, стены этого чуда украшала настоящая живопись. А уж какие наряды носила Феодосья! Сколько жемчуга скатного и золотой канители на ее платьях красовалось – не счесть! Недаром позже Аввакум в письме Феодосье в острог утешал ее тем, что уже «побоярила» она всласть.

Жизнь боярыни складывалась замечательно. Через год после свадьбы Феодосья родила единственного для всего клана Морозовых наследника – сына Ивана, унаследовавшего также и красоту своей матери. Повзрослев, он стал так удивительно хорош, что о его красоте шли разговоры и среди бояр, и у царя с царицей.

Но ни роскошь, ни благополучие не портили Феодосью. Она очень любила читать, что и по нашим-то временам не часто бывает, а тогда и подавно. К тому же, она не только читала, но и писала сама. И как вы понимаете, не «женские романы», а религиозно-философские труды.

Личного счастья ей выпало немного – всего тринадцать лет. Почти в одночасье проводила она в последний путь и отца своего, и мужа Глеба, и брата его Бориса, и осталась вдовой в тридцать лет. Верность мужу оставалась для нее неписаным законом и после его смерти. Молодая, горячая, обуреваемая страстями, она усмиряла свою плоть, тайно надевая на голое тело власяницу – рубаху без рукавов, сплетенную из белого конского волоса. Делала она это тайно, потому что общество и двор подобного не одобряли. Да только и власяница не всегда помогала. До наших дней сохранился ответ на Феодосьино письмо от ее духовного отца, протопопа Аввакума: «Глупая, безумная, безобразная, выколи глазища те свои челноком, что и Мастридия» (византийская святая Мастридия именно так излечила себя от любви). Так духовный наставник осуждал ее за то, что не может она справиться со страстями, овладевающими ее душой. Сам Аввакум, по его собственному признанию, ощутив греховное влечение к женщине, жег свою руку над пламенем трех свечей (но об этом позже).

Влияние Аввакума на Феодосью было абсолютным. Этот священник был прекрасным оратором, умным собеседником и просто добрым, отзывчивым, чутким человеком. Многие годы боярыня Морозова переписывалась с ним, с его женой и детьми, искала и находила в нем поддержку и опору даже тогда, когда он сам в них нуждался. Такой же рьяной приверженкой Аввакума была и младшая сестра Феодосьи – Евдокия, жена царского виночерпия, князя Петра Урусова.

Овдовев, Феодосья стала богатейшей женщиной страны, так как унаследовала на сына имущество и Глеба, и Бориса Морозовых. Однако жизнь боярыня повела скромную, скудно кормясь от продажи своих рукоделий и книг, а деньги мешками регулярно вывозила на перекрестки Москвы для раздачи нищим. Главные сокровища она берегла для сына, сама же с сестрой Евдокией и подругой Марией Герасимовной Даниловой, женой стрелецкого полковника, всецело отдалась религиозным деяниям, ибо страсть для нее после смерти мужа и осуждающих слов Аввакума стала запретной.

Дом богатой и влиятельной Морозовой превратился в «штаб» противников церковных нововведений. В этот-то дом и приезжал протопоп Аввакум, здесь он подолгу жил, получая приют и защиту. Каждый день Феодосья Прокопьевна принимала странников, юродивых, священников, изгнанных из монастырей, создавая оппозиционную царскому двору партию. Обе сестры Морозовы, как мы уже говорили, были слепо преданы Аввакуму и во всем слушались пламенного проповедника. Феодосья даже

считала себя его духовной дочерью. Морозова вовсе не была фанатичкой. Однако не забывайте: вдове всего тридцать лет, она по-прежнему очень хороша, а ее «женская жизнь», в сущности, окончилась. Но боярыня была незаурядной личностью. Ей нужны были великие чувства и великие деяния, ей нужна была Личность с большой буквы, человек, который увлек бы (и отвлек) ее от дум мирских и дал бы ее душе работу.

И таким человеком стал протопоп Аввакум. И его идея стала ее идеей!

Мерилом христианской истины для протопопа и боярыни была национальная церковная старина, реформы они восприняли как покушение на культуру и самобытность православной Руси. Борьба Аввакума помогла Морозовой до конца проявить свой характер, всю мощь своего духа. (История России богата такими «бунташными» женщинами.)

Аввакум не раз восхищался Феодосьей в своих сочинениях. Можно предположить (только предположить!), что ни он, ни она не отдавали себе отчета в том, что их взаимное влечение имело какие-либо другие корни, кроме религиозных. Но в вопросах осмысления чувств люди, даже самые умные и тонкие, часто либо заблуждаются, либо говорят себе неправду.

Во всяком случае, Аввакум Петров и Феодосья Морозова соединили навек свои судьбы трагедией гибели…

Сегодня их, пожалуй, назвали бы диссидентами. За свои убеждения многие раскольники заплатили жизнью. Они не признавали ни новых обычаев, ни новых икон, где святые изображались дородными. «Посмотри на рожу ту и на брюхо то! – негодовал Аввакум. – Как в Дверь Небесную вместиться хочешь? Узка бо есть!.. Всех еретиков от века ереси собраны в новые книги!» Народ роптал: «Иуда брал соль щепотью, поэтому щепотью креститься грех. Веру сменить – не рубашку переодеть». Старые книги и иконы никониане жгли на площадях. В срубах жгли и бунтовщиков, вздергивали их на дыбу, заковывали в цепи. Гордые своей верностью вере отцов, старообрядцы уходили в леса, основывали там скиты, в которых сжигали себя при угрозе быть арестованными. Шесть лет оборонялся от стрельцов не принявший новых обрядов Соловецкий монастырь. После захвата монастыря лютой казни были подвергнуты более 500 его защитников.

Морозова знала на что шла. Но, повторимся – после смерти мужа ей было всего тридцать лет. Огромная душа и нерастраченные силы…

Она безусловно, беззаветно любила своего единственного сына Ивана, мечтая передать ему все морозовские богатства в

целости и сохранности. Но одной материнской любовью утолить свое сердце не могла.

Феодосья Прокопьевна, будучи близкой подругой жены царя, имела сильное на нее влияние. Царица Мария Ильинична, конечно, не противилась мужниным реформам церкви, но душою все-таки сочувствовала обрядам своих родителей и прислушивалась к нашептываниям Морозовой. В 1669 году царица умерла. Два года еще Алексей Михайлович не трогал непокорную боярыню, видимо, сказывалась печаль по безвременно ушедшей жене, или же, что более вероятно, царь боялся возмущений старинных боярских родов, которые могли усмотреть в посягательстве на Морозову прецедент расправы с высокопоставленными семьями.

Тем временем Феодосья Прокопьевна приняла постриг и стала именоваться инокиней Феодорой, что, конечно, усилило ее «стояние за веру». И когда в 1671 году утешившийся, наконец, царь играл свадьбу с новой женой Натальей Кирилловной Нарышкиной, боярыня Морозова во дворец явиться не пожелала, сославшись на болезнь. Подобное поведение Алексей Михайлович счел оскорблением и пренебрежением. Царь обрушил на непокорную боярыню всю свою деспотическую силу.

Ночью 14 ноября 1671 года Морозова в цепях была препровождена в Чудов монастырь, где ее уговаривали причаститься по новому обряду, но старица Феодора ответила твердо: «Не причащуся!» Взяли и ее сестру Евдокию. После пыток обеих сестер отправили подальше от Москвы в Печерский монастырь. Здесь содержание узниц было относительно сносным. Во всяком случае, боярыня могла общаться со своими друзьями. Новый патриарх Питирим Новгородский, сочувствовавший сторонникам Аввакума, обратился к царю с просьбой отпустить Морозову и ее сестру. Кроме соображений гуманности, в этом предложении была и доля политического умысла: заключение твердой в своей вере боярыни, ее сестры и их подруги Марии Даниловой производило сильное впечатление на русский люд, и их освобождение привлекло бы к новому обряду скорее, чем устрашение. Однако сама Морозова вела себя столь вызывающе, что помиловать ее стало просто невозможно.

Феодосья знала, что не простят Аввакума. И очевидно ей хотелось – во что бы то ни стало! – разделить его судьбу. Феодосье – Феодоре не исполнилось еще сорока, когда она вступила в духовный поединок с Государем Всея Руси. Момент ее отъезда в Чудов монастырь и изобразил Суриков на своем знаменитом полотне.

Ее пытали, избивали до полусмерти, за волосы волокли по

лестницам, вздергивали на дыбу, но и с дыбы она, как пишет очевидец, «победоносно обличала лукавое их отступление». Так же вели себя и Евдокия с Марией. Не оголтелая фанатичка, а обыкновенная женщина, после очередной пытки Феодора заплакала и сказала надзирателю: «Се ли христианство, еже человека умучити?»

Самым тяжелым испытанием было для нее известие о смерти горячо любимого сына, но, благодаря духовному отцу Аввакуму, из этого горя она почерпнула стойкость для дальнейшего противостояния и, как это ни парадоксально, облегчение, избавление от неотступной тревоги за судьбу Ивана. Аввакуму удалось убедить ее, что на том свете Иван счастлив и гордится ею. Несомненно, Феодосья была рада и тому, что ею гордится и сам Аввакум. Это было для нее великой поддержкой!

Последние полгода, с июня по ноябрь, до зимних холодов узниц держали в одних рубашках в земляной яме Боровского монастыря, что под Калугой, полностью лишив пищи.

Марию казнили, сестры умерли от голода. Первой ушла Евдокия, приняв совершенный сестрой обряд отпевания. Оставшись одна, с трудом держась на ногах, вконец обессилевшая Феодора обратилась к стражнику с просьбой о милосердии, умоляла его дать ей кусочек калачика или хотя бы «мало сухариков или яблочко», но стражник не осмелился нарушить царский приказ.

Читаем древний манускрипт: «Потом блаженная и великая Феодора успе с миром во глубоци темнице месяца ноемврия с первого числа на второе, во час нощи».

Единственное за четыре года проявление человеческой слабости – она попросила поесть у стражника! – не умаляет ее подвиг, а лишь подчеркивает, что обыкновенная, живая женщина, а не идол, оказалась способной преодолеть себя и выйти из жестокой схватки победительницей.

«Тяжко ей бранитися со мною – един кто от нас одолеет всяко», – говорил государь Алексей Михайлович. Да, с царем не повоюешь… Он был столь же жесток, сколь и расчетлив. Хорошо понимая, что «на миру и смерть красна», Алексей Михайлович обрек Морозову и ее соратниц на долгое умирание, «тихую» смерть без церковного отпевания и огласки. Их зарыли в рогоже внутри стен Боровского острога. Только Аввакум отпел их в сохранившемся до наших дней «О трех исповедницах слове плачевном», где назвал их «Троица святая акинф, и измарагд, и аспис (то есть рубин, изумруд и яшма), трисиятельное солнце и немерцающие звезды», а Феодосью и Евдокию – «Солнце и Луна Русской земли, две зари, освещающие мир, руководство

заблудшим в райские двери…»

Так ушла из жизни знаменитая боярыня, разделившая участь своего духовного отца и бесконечно дорогого ей человека…

Но есть и другая женщина – Анастасия Марковна, жена Аввакума Петрова, протопопица, любившая его до самоотречения.

«Изволила мати меня женить. Аз же Пресвятей Богородице молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, беспрестанно обыкла ходить в церковь, – имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре, после ево вся истощилось. Она же в скудости живяще и молящеся Богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и быть по воли Божии тако», – это строки из «Жития», написанного Аввакумом в период 1672–1673 годов. Пишет он о той, что стала верной его спутницей, разделив с ним все ужасы преследований и тяготы ссылки. «Матушка протопопица» Анастасия Марковна до сих пор остается в истории одним из самых потрясающих примеров женской верности, ведь она пошла за мужем в Сибирь значительно раньше жен декабристов.

Будучи еще очень молодым, Аввакум, как сказано в «Житии», по настоянию матери, женился на Анастасии, дочери деревенского кузнеца. Брак оказался счастливым. Анастасия очень любила своего мужа – человека выдающегося, сильного, талантливого. Она ни разу не упрекнула его в том, что именно он обрек семью на лишения и скитания. Всю жизнь Анастасия Марковна была верна своему мужу. Но сам протопоп никогда не изменял супруге, хотя искушения были… И часто, ибо к священнику приходили очень разные женщины. «…Приде ко мне исповедываться девица, многими грехами обремененная, блудному делу… повинна», – писал в своей книге Аввакум. Прихожанка в красках стала повествовать священнику о своих грехах, не избегая в рассказе самых ярких подробностей блуда. Протопоп не выдержал. Вот как описывал свое состояние он сам: «Треокоянный врач сам разболелъся, внутри жгом огнем блудным, и горко мне бысть в той час: зажег три свещи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал…» Держал он руку над зажженными свечами, испытывая жуткую боль, чтобы умертвить возникшее вожделение. Не мог протопоп, проповедующий христианские ценности, сам предаться порочным страстям.

Помните письмо, которое писал он Морозовой? «Глупая, безумная, безобразная…» и т. д. Огнем излечиться от похоти: вот

как поступал Аввакум! «…Отпустя девицу, сложа ризы, помолился, пошел в свой дом зело скорбен…» И в минуты слабости, и в часы тяжких сомнений был пред ним образ Анастасии Марковны. И она сама! «Что, господине, опечалился еси?» – спрашивала его Марковна.

Протопоп делился с нею всеми своими сомнениями: «Жена, что сотворю? Зима еретическая на дворе: говорить ли мне, или молчать?» Что же отвечает протопопица? «Господи помилуй! Что ты, Петровичь, говоришь?.. Аз тя и с детьмя благословляю: дерзай проповедати слово Божие по-прежнему, а о нас не тужи;… а егда разлучат, тогда нас в молитвах своих не забывай; силен Христос и нас не покинуть! Поди, поди в церковь, Петровичь, – обличай блудню еретическую!»

Набожная Анастасия, воспитанная в старой вере, прекрасно понимала, что его Дело гораздо важнее, чем просто благополучие семьи. Она предвидела, что может с ними случиться, если победит никонианство, но не смела просить мужа быть осторожнее, ибо разделяла его убеждения. Вот с такой женщиной разделил свою жизнь протопоп Аввакум!

Когда их сослали в Сибирь, вместе с детьми, матушка Анастасия не проронила ни слова, не заплакала. Протопоп в своих сочинениях описывает, как во время путешествия по Тунгуске корабль их почти затонул. «Жена моя, – пишет он, – на палубы из воды ребят кое-как вытаскала, простоволоса ходя». Поплелись они из последних сил дальше. И она шла вслед за мужем, и ребятишек тащила: безоговорочно преданная, убежденная в его правоте.

Она шла, чтобы разделить с ним ужасы этапов, ссылок и поселений. «Пять недель, – вспоминает протопоп Аввакум, – по льду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухледишко дали две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающеся о лед. Страна варварская, иноземцы немирные, отстать от лошадей не смеем, а за лошедьми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, – скольско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: “Матушка-государыня, прости!” А протопопица кричит: “Что ты, батько, меня задавил?” Я пришел, – на меня, бедная, пеняет, говоря: “Долго ли муки сея, протопоп, будет?” И я говорю: “Марковна, до самыя смерти!” Она же, вздохня, отвещала: “Добро, Петровичь, ино еще побредем”».

«Ино еще побредем…» – говорили бессчетное число раз женщины – жены и матери каторжников и ссыльных в разные столетия русской истории.

Умерла Марковна раньше Аввакума Петровича. Ох и тяжко он пережил это! Какую жизнь они прожили вместе, были друг другу и поддержкой, и опорой во всем. И вот не стало у Аввакума опоры… В одном себе пришлось силы черпать. В себе, да в своей вере в Бога.

Протопопа Аввакума сожгли заживо. И душа его, вознесясь на небо, встретилась с душой безгрешной жены его, матушки Анастасии. Той самой, что, вздохнув, сказала слова, ставшие девизом всех молящих женщин: «Добро, Петрович, ино еще побредем».

«Бог нам заступник!»

Княгиня Евдокия и Дмитрий Донской

В ночь, когда Мамай залег с ордою
Степи и мосты,
В темном поле были мы с Тобою, —
Разве знала Ты?

Перед Доном темным и зловещим,
Средь ночных полей,
Слышал я Твой голос сердцем вещим
В криках лебедей.

С полуночи тучей возносилась
Княжеская рать,
И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать…

Так писал Александр Блок в своем цикле стихов «На поле Куликовом». На этом поле прославил свое имя князь московский Дмитрий Иванович, получивший после великой Куликовской битвы прозвание Донской. Мы все это помним, и все это знаем. Но не все, к сожалению, знают, что была у великого князя московского любимая княгиня – Евдокия…

Родилась Евдокия в Суздале около 1350 года, она была дочерью князя суздальского и нижегородского. Как писали современники: «С красотою лица соединяла она редкую душевную доброту». В 1366 году Евдокия вышла замуж за внука Ивана Калиты и сына Ивана II Красного – юного Дмитрия, Великого князя московского и владимирского.

Дмитрий Донской

Надо сказать, что Дмитрий Иванович женился не по любви, а из соображений династических. Князь Дмитрий суздальский хитростью женил пятнадцатилетнего московского и владимирского князя на своей юной дочке, желая навеки объединить два крупных княжества и прекратить распри и междоусобицы. Но Евдокия превратила этот «брак по расчету» в настоящий брак по любви.

Княгиня Евдокия

Современник их написал о Дмитрии и Евдокии такие слова: «Оба жили единою душою в двух телах; оба жили единою добродетелию, как златоперистый голубь и сладкоглаголивая ластовица, с умилением смотряся в чистое зеркальце совести».

Жилось молодым очень непросто. Князь Дмитрий занимался защитой и укреплением Москвы, у княгини, правда, были более мирные дела – благотворительность, ведение «хозяйства» (а оно Евдокии досталось немалое), знала княгиня иностранные языки, «занималась и ученостью», а также участвовала в освящении церквей, на строительство которых жертвовала огромные деньги.

Княгиня всегда и во всем поддерживала любимого мужа, и прожили они в любви и согласии двадцать два года. Евдокия родила Дмитрию шесть сыновей и трех дочерей. Дружно жили князь с княгиней, вместе они переживали и радости и горести.

Как вы помните, XIV век – время тревожное, Русь воевала с татарами и литовцами. Да и между собой русские князья не умели жить в мире и постоянно воевали друг с другом. Даже несмотря на то, что Дмитрий суздальский и Дмитрий московский породнились, отношения между ними не намного улучшились. И в 1380 году на битву с полчищами Мамая на Куликовом поле, куда явились многие русские князья со своими дружинами, отец Евдокии своего войска не прислал…

Отправляясь на битву на поле Куликово, Дмитрий «нежно обнял горестную супругу, но удержал слезы, окруженный свидетелями», и сказал: «Евдокия, Бог нам заступник!»

Существует портрет, на котором княгиня Евдокия изображена после расставания с Дмитрием – волосы ее распущены, что было признаком великой грусти (портрет этот был напечатан в «литографии при университетской типографии» и опубликован в «Дамском журнале» за 1826 год).

Проводив мужа на сечу, Евдокия денно и нощно молилась о спасении Дмитрия и всей земли Русской. Святой Сергий Радонежский предсказал Дмитрию «кровопролитие ужасное, но победу… смерть многих героев православных, но спасение великого князя».

Историк Сергей Михайлович Соловьев писал: «Летописцы говорят, что такой битвы, как Куликовская, еще не бывало прежде на Руси; от подобных битв давно уже отвыкла Европа… Куликовская победа была из числа тех побед, которые близко граничат с тяжким поражением. Когда, говорит предание, великий князь велел счесть, сколько осталось в живых после битвы, то боярин Михайла Александрович донес ему, что осталось всего сорок тысяч человек, тогда как в битву вступило

больше четырехсот тысяч».

В этой ужасающей сече был ранен и князь Дмитрий. Его долго искали по всему полю, усеянному трупами, и, наконец, «двое ратников, уклонившись в сторону, нашли великого князя, едва дышащего, под ветвями недавно срубленного дерева». Карамзин писал: «Бог чудесным образом спас сего князя среди бесчисленных опасностей, коим он с излишней пылкостью подвергался, сражаясь в толпе неприятелей и часто оставляя за собой дружину свою».

Любовь жены оберегала, спасала и – помогла выжить князю Дмитрию.

Куликовская битва стала и великим торжеством, и событием горьким, плачевным… «Была на Руси радость великая, говорит летописец; но была и печаль большая по убитым от Мамая на Дону…»

Хоть и велика была радость от победы, но была она недолгой. Два года спустя хан Тохтамыш пошел на Москву и, пока Дмитрий, теперь уже прозванный Донским, собирал в Переяславле и Костроме войско, хан взял город. Великая княгиня насилу вырвалась из объятой смутой Москвы.

Евдокии и Дмитрию Ивановичу пришлось скрываться в Костроме. Но как бы ни складывались дела князя Дмитрия, он знал, что за спиной его «надежный тыл» – его Евдокия.

Великую княгиню очень любили и почитали в народе, люди величали ее «царица-мать». Летописцы говорили, что «княгиня великая Евдокия много милости сотвори убогим». Духовными учителями Евдокии были митрополит Московский Алексей и Чудотворец Сергий Радонежский (оба впоследствии причисленные к лику святых).

Последнего, шестого, сына Константина Евдокия родила в 1389 году, за несколько дней до смерти Дмитрия. Крестными маленького Константина стали старший брат Василий Дмитриевич, которому было суждено занять место отца и наследовать великое княжение, и жена тысяцкого Марья Вениаминовна.

Перед кончиной великий князь Дмитрий Донской писал в своей «духовной»: «А вы, дети мои, слушайте матери своей во всем, из ее воли не выступайте ни в чем». В последние часы жизни он «долго беседовал» с Евдокией и скончался у нее на руках – у своей любимой и преданной супруги.

Дмитрию Ивановичу было всего лишь тридцать девять лет…

Летописи донесли до нас плач несчастной Евдокии по ушедшему мужу: «… зашел свет очей моих, погибло сокровище жизни моей! Где ты, бесценный? Почто не ответствуешь супруге?..

Возри, возри на меня, обратися ко мне на одре своем, промолви слово… Ах, недолго я радовалась моим другом! За веселие пришли слезы, за утехи скорбь несносная! Почто я родилася? Или почто не умерла прежде тебя? Тогда не видела бы твоей кончины, а своей погибели! Не слышишь жалких речей моих, не умиляешься моими слезами горькими! Крепко уснул, Царь мой, не могу разбудить тебя! С какой войны пришел ты, любезный? Отчего столь утомился? Звери земные идут на ложе свое, а птицы небесные летят к гнездам: ты же, любезный, отходишь навеки от своего дома?.. Кому уподоблю, как назову себя? Вдовою ли? Ах, не знаю своего имени! Женою ли? Но Царь оставил меня!.. Вдовы старые! утешайте меня! Вдовы юные! плачьте со мною… Боже Великий, Царь Царей! Ты един будь мне истинным утешителем!»

Евдокия Дмитриевна очень тяжело пережила уход любимого ею Дмитрия. По обычаю она должна была вскоре принять постриг, но Евдокия вовсе не хотела уходить от мира, ведь ей нужно было еще поднять сыновей (старшего она уже через год выгодно женила на дочери литовского князя). Было у княгини и еще одно очень важное для нее дело – увековечение памяти о Дмитрии Ивановиче. Княгиня Евдокия решила поставить в Кремле новую церковь для женской половины великокняжеской семьи и поручила расписать ее Феофану Греку и Даниилу Черному. К 1396 году храм был возведен – он стал данью любви Евдокии к мужу.

Великая княгиня, опытная и мудрая женщина, легко и успешно справлялась со всеми делами, она была столь деятельна, что горожане стали сомневаться – уж не живет ли она во вдовстве своем «нечестно»? Глупые пересуды дошли и до сыновей Евдокии, и отчего-то «смутились» сыновья слухами и явились к матери за ответом. Предание гласит, что княгиня раскрыла перед детьми роскошное княжеское облачение и явила им свою иссохшую, увешанную веригами грудь. «Верьте, – сказала она, – что ваша мать целомудренна; но виденное вами да будет тайною для мира. Кто любит Христа, должен сносить клевету и благодарить Бога за оную!» И сыновья поняли, что матушка их уже давно тайно приняла монашеский обет и свято его соблюдала.

Но настало время, дети выросли и, уверившись в том, что в семье царит мир, Евдокия открыто постриглась под именем Евфросиньи. Замыкая себя в стенах монастыря, она уже, в сущности, и не приносила никакой жертвы. Потеряв любимого мужа и взрастив достойных детей, она жила теперь для Бога.

После восемнадцати лет безутешного вдовства в 1407 году Евдокия умерла и была похоронена в построенном ею в Кремле Вознесенском девичьем монастыре в Москве. За праведную жизнь

свою княгиня-монахиня была причислена к лику святых. Мощи Евфросиньи хранились в монастыре «под спудом, за правым столбом, при южной стене соборного Храма Вознесения».

При советской власти женский Вознесенский монастырь был разрушен, и на его месте в 1932–1934 годах построили административное здание для Школы красных командиров имени ВЦИК.

Пусть не сохранилось могилы княгини Евдокии, но имя жены Дмитрия Донского осталось в летописях и в памяти народной, как символ любви и верности. «О жизнь души моей! О свете мой светлый! – обращалась она к мужу, – не знаю, как ласкать, как миловать тебя!»

Высокородные монахини

Все эти женщины окончили свою земную жизнь в стенах святой обители. Они становились монахинями иногда по собственному желанию, а чаще – по воле судьбы, или, вернее, по воле тех мужчин, что вершили их судьбы. У каждой из них была любовь. К мужу. К жениху. К мужчине, который не мог стать им суженым… Каждая из них – так или иначе – хранила эту любовь в своем сердце, даже тут, в монастырских кельях. Каждая из них должна была отречься от всего земного. Но не каждая сумела. И захотела – не каждая…

Они очень разные, эти женщины. Объединяет их одно, все они – высокородные монахини. Монастырские стены стали пристанищем для многих цариц и царевен, дочерей князей и бояр. Теперь вместо мужчин они должны были любить одного лишь Бога. Но всем ли это удавалось?

Прежде высокородных женщин постригали исключительно в Вознесенском монастыре в Кремле, но затем, если новоявленную монахиню было желательно держать подальше от Кремля, пострижения стали совершать и в Новодевичьем. Насильный постриг могли «организовать» и для нежелательных претенденток на престол, и как наказание за «плохое» поведение, и просто после семейной ссоры. Но в любом случае родовитые и богатые женщины, даже уже будучи монахинями, сохраняли свой высокий социальный статус. Для таких «монахинь поневоле» порой строились отдельные кельи и храмы, при них оставалась и вся прислуга, а иногда и целый двор.

Так, царь Иван Грозный постриг в монастырь под именем Александры вдову своего младшего брата Юрия, княгиню Ульяну. При княгине пребывали и весь ее двор и слуги, «со всякими многими доходами». Для княгини Ульяны и всего ее штата были построены отдельные кельи, погреба, ледник и поварни. Когда царственная инокиня умерла, ее похоронили в подклете Смоленского собора Новодевичьего монастыря.

Затем в монастырь попала вдова царевича Ивана, который погиб от руки венценосного Грозного отца. Она стала монахиней Леонидой. Как и ее предшественница, Леонида получила от царя вотчину и содержала свой штат слуг.

После смерти царя Федора Иоанновича его вдова Ирина Годунова осталась единственной наследницей престола, поскольку детей у царской четы не было. Царица постриглась в Новодевичий монастырь под именем Александры. Брат царицы, Борис Годунов, часто навещал инокиню Александру в ее

монастырских кельях. Эти кельи, с примыкающими к ним трапезной палатой и домовой церковью, с большими перестройками сохранились до наших дней.

При Лжедмитрии I, в тяжелое Смутное время, в монастыре жили сразу две высокородные монахини: дочь царя Бориса Годунова – Ксения, в монашестве Ольга, и вдова ливонского короля Магнуса – Мария Владимировна, в монашестве Марфа.

В те же Смутные времена в монастыре оказалась и жена «свергнутого с престола» и постриженного в монахи царя Василия Шуйского. Урожденная Екатерина Петровна Буйносова-Ростовская в постриге звалась Еленой. Новый молодой царь Михаил Федорович в 1615 году прислал инокине Елене на новоселье сорок соболей. Новоселье могло означать, что к этому времени для царицы-инокини были построены отдельные кельи.

С 1624 года в Новодевичьем монастыре жила еще одна инокиня – теща царя Михаила Федоровича, мать его жены Марии Владимировны Долгоруковой. В том самом году царь женился на Марии, которая вскоре внезапно скончалась. После смерти дочери мать постриглась в монахини, а возможно, пострижение было и недобровольным…

Еще одной «царственной монахиней» стала царевна Софья, которая, после нелегкой борьбы за власть, все же проиграла своему брату – Петру I. Царевна была низложена и заключена в Новодевичий монастырь. Отныне Петр называл ее не иначе, как «третья особа», «зазорное лицо», и просил своего брата царя Ивана об этом «лице» «отнюдь не вспоминать».

Стрелецкий бунт 1698 года ничего хорошего не принес – ни Софье, ни ее сторонникам. В результате последовали казни, а царевну постригли в монахини под именем Сусанны. До самой своей смерти в 1704 году она жила «для крепкого содержания» в стрелецкой караульне при Напрудной башне Новодевичьего монастыря. После пожара, случившегося в 1796 году, палаты стали называть «дворец блаженныя памяти схимонахини царевны Софии Алексеевны».

За поддержку царевны Софьи в Новодевичий монастырь были сосланы и три сводные сестры Петра: Екатерина, Евдокия и Мария Милославские. Но только сосланы: сестер Милославских в монахини не постригали.

Похоже, монастырь стал для Петра своеобразной личной тюрьмой, куда он ссылал неугодных ему женщин. Так, с 1727 года в Новодевичьем монастыре под именем «инокини Елены» жила первая жена Петра I Евдокия Федоровна Лопухина. Пострижение царица приняла в Покровском Суздальском монастыре еще в 1698 году, а затем многие годы провела в заточении – и не только в

монастырях, но и в темницах. В Новодевичьем монастыре царица пользовалась уважением и почетом. После смерти она была погребена у Смоленского собора.

В 1740 году Синод отправил в монастырь грузинскую царевну Елизавету, которая поселилась в «двух просторных кельях» со свитою из четырех человек.

Был и еще один монастырь, в котором содержались высокородные монахини, – Покрова Пресвятой Богородицы в Суздале. Эта обитель стала местом ссылки опальных русских цариц Соломонии Сабуровой и, как мы уже упоминали, Евдокии Лопухиной.

Были ли несчастливы все эти женщины – высокородные монахини, или нашли они утешение в молитвах и усмирении плоти?

У каждой из них свой путь, своя история, своя любовь, зачастую и приведшая ее в стены обители…

«Добровольный» постриг

Соломония Сабурова и Василий III

Есть в Москве улица Рождественка, названная так по старинному женскому Рождественскому монастырю, основанному, по одним источникам, в 1386 году княгиней Марией Кестутьевной – женой князя Андрея Серпуховского, сына Ивана Калиты. По другим источникам, монастырь основала княгиня Мария, в схиме Марфа, – мать князя Владимира Андреевича Храброго. В этом монастыре в 1525 году была насильно пострижена в монахини Соломония Сабурова, жена русского царя Василия III.

Началась эта история летом 1505 года, когда царь Иван III решил женить своего наследника, Василия. В Кремль со всей Руси свезли великое множество красавиц – было их полторы тысячи. Все как на подбор – статные, яркие, пригожие. И из всех этих красавиц выбрал наследник самую лучшую – Соломонию (Соломониду) Юрьевну Сабурову. Хоть и не знатного рода была девица Соломония, но царь против выбора сына возражать не стал и вскоре сыграли свадьбу.

Василий III

Была Соломония хорошей женой наследнику. А потом стала и хорошей женой царю, после того, как Иоанн III умер, а ее Василий осенью того же 1505 года принял правление. Всем хороша была Соломония, да вот только была царица бесплодна…

Годы шли. Двадцать лет прожили Василий и Соломония, а детей так и не нажили. Что только ни делала несчастная царица, чтобы забеременеть, все средства перепробовала: ко всем лекарям обращалась, снадобья всевозможные принимала, всяческих знахарей и знахарок призывала. Говорят, «одна такая “жонка”», Стефанида, выписанная из Рязани, осмотрев Соломонию, дала ей наговоренную воду, велела ею умываться и мокрой рукой дотрагиваться до белья великого князя. Другая, некая «черница безносая», дала Соломонии наговоренное масло – «им тело натрешь, и великий государь полюбит тебя, и будешь иметь детей». Но детей не было. А с годами исчезала и любовь мужа… Который тоже непрестанно думал о наследнике.

Ехал как-то раз царь за городом, рассказывает летописец, и увидел птичье гнездо, увидел и заплакал горько: «Горе мне! На кого я похож? И на птиц небесных не похож, потому что и они плодовиты; и на зверей земных не похож, потому что и они плодовиты; и на воды не похож, потому что и воды плодовиты: волны их утешают, рыбы веселят. Господи! Не похож я и на землю, потому что и земля приносит плоды свои во всякое время, и благословляют они тебя, Господи!»

Горько печалился Василий. И стал он советоваться с боярами: «Кому по мне царствовать на Русской земле и во всех городах моих и пределах? Братьям отдать? Но они и своих уделов устроить не умеют». И ответил кто-то из бояр: «Государь князь великий! Неплодную смоковницу посекают, а на ее место сажают иную».

Задумался государь. Наследник нужен – это дело государственное! Жену он уже не любит. Замену ей найти легко. Есть уже одна на примете…

И Василий решился на развод. К тому же и митрополит Даниил (по словам Карамзина: «снисходительный, уклончивый, внимательный к миру более, нежели к духу») поддержал, одобрил развод. И нарушил царь обет, данный Богу при венчании…

Василий отправил щедрые дары в Царьград патриарху, на Афон, чтобы получить согласие на развод и второй брак. И получил. Тогда же он пожаловал большие дары Покровскому монастырю в Суздале, в который собирался сослать Соломонию. На эти средства монастырь стал обстраиваться, в нем были возведены три каменных храма – Покровский собор,

Благовещенская церковь и церковь во имя Зачатия святой Анны.

Но не все признавали намерение Василия «похвальным». Не одобряли царского развода князь Василий Патрикеев, в монашестве Вассиан, князь Семен Курбский, а также и знаменитый Максим Грек.

Однако царя уже ничто не могло остановить – новая царская невеста, Елена Глинская, была молода и красива. Ради нее Василий даже сбрил бороду – неслыханное дело по тем временам! – и всячески «пекся о своей приятной наружности».

Елена Глинская

Некоторые историки считают, что появилась она в жизни царя совсем не случайно: бояре, которым всегда хочется «советовать царю», сами выбрали для своих целей Елену. Другие исследователи, возражают – говорят, бояре были чрезвычайно изумлены выбором царя. Ведь княжна Елена, дочь Василия Глинского, была «из рода чужеземных изменников», а ее дядя, Михаил Глинский, даже после того, как Елена стала царицей, еще больше года просидел в темнице.

Одним словом, в ноябре 1525 года Василий III развелся со своей женой. Дальше события развивались довольно стремительно: 28 ноября Соломонию взяли под стражу, на следующий день, 29 ноября, ее постригли под именем инокини Софьи в московском девичьем монастыре Рождества Пречистыя Богородицы. А вскоре выслали в Покровский монастырь в Суздаль.

Официальный летописец сообщает такую версию происходившего:

«Благоверная великая княгиня Соломонида, видя неплодство из чрева своего, яко же и древняя оная Сара, начат молити государя великого князя Василия Ивановича всея Русии, да повелит ей облещися в иноческий образ. Царь же государь всея Руси нача глаголати сице: како могу брак разорити, а вторым совокупитися? Паче же государь благочестив, и совершитель заповедям Господним и законному повелению. Христолюбивая же великая княгиня с прилежанием и со слезами начат молити государя, да повелит ей сотворити тако, яко же хощет; царь же не слышати сего не восхоте, и приходящих от нее вольмож отревая со злобою; великая же княгиня, видя непреклонна государя на моление ее, начат молити Данила митрополита, да умолит о сем государя, дабы сотворил волю ее бытии».

То есть сама царица желала отправиться в монастырь и уступить место возле любимого мужа более молодой и могущей родить женщине. Соломония не просто предложила это царю, а молила его и даже митрополита Даниила упросила ей помочь. А царь – благочестивый и верный законам Божьим и людским – всячески отказывался… Может, так все и было?

Однако «неофициальный летописец» рассказывает иначе. По его словам, «добровольный» постриг проходил самым насильственным образом. По канону, человек, принимающий постриг, должен сам подать совершающему обряд священнику ножницы. Священник трижды роняет их, вопрошая: «Сознаешь ли, что навсегда отрекаешься от мира?» То есть трижды дает возможность передумать. Соломонии никто ножниц не вручал и, тем более, не ронял – у нее обратного пути не было. Несчастная женщина прекрасно понимала это, и все же сопротивлялась, как могла.

Когда великой княгине начали стричь волосы, она плакала и отбивалась. Митрополит поднес ей монашеский куколь – она бросила его и растоптала. Тогда царский пособник Иван Шигона ударил ее плетью:

– Так ты еще смеешь противиться воле государевой?

– А по какому праву ты смеешь бить меня? – гневно спросила Соломония.

– По приказанию государя, – отвечал Шигона.

– Свидетельствую же перед всеми, – рыдая, сказала Соломония, – что не желаю пострижения и одежды иноческие на меня надевают насильно! Бог видит и отомстит моему гонителю!

Вот так и совершилось это пострижение…

Уж что это у нас в Москве приуныли,
Заунывно в большой колокол звонили?
Уж как царь на царицу прогневился,
Он ссылает царицу с очей дале,
Как в тот ли во город во Суздаль,
Как в тот ли монастырь во Покровский…

Менее чем через два месяца Василий сыграл новую свадьбу, и была она необыкновенно пышной. Как мы уже говорили, великий государь, желая понравиться юной супруге, сбрил бороду. Это было серьезным нарушением обычаев и вызвало всеобщее осуждение: «Смотрите, – писалось в одном из сочинений против брадобрития, – вот икона Страшного Суда: все праведники одесную Христа стоят с бородами, а ошуюю – басурманы и еретики, обритые, с одними только усами, как у котов и псов. Один козел сам себя лишил жизни, когда ему в поругание обрезали бороду. Неразумное животное умеет свои волосы беречь лучше безумных брадобрейцев!»

Однако и новый брак не скоро принес «плоды». Почти четыре года Василий и Елена совершали паломничества по монастырям, раздавали милостыню нищим и усердно молились. В отчаянии, как некогда и Соломония, искали помощи у колдунов. Князь Курбский писал по этому поводу: «Василий с оною законопреступною женою Еленою Глинской, юною сущею, сам стар будучи, искал чаровников презлых отовсюду – да помогут ему к плодотворению». За знахарями посылали даже на Север, к Белому морю, так как местное население – карелы и лопари – считались самыми сильными колдунами. А ведь существовало особое церковное правило, которое говорило о недопустимости подобных действий: «Аще кто в болезни дерзнет призвати евреина врача или немчина или от иных вер еретических, или русского ведуна или шепотника, или баб богомерзких ворожей или кудесниц, такоже и лопарей и самоядь, и шептаньем его врачюстся, аще священник есть, да извержется, людин же да отлучится».

Но царю Василию было явно не до церковных правил: он жаждал наследника. И, наконец, через четыре с половиной года после свадьбы Елена все же забеременела. Предание рассказывает, что некий юродивый Дементий на вопрос Елены: «Кто у меня родится?», – ответил: «Родится сын Тит, широкий ум».

И вот 25 августа 1530 года Елена родила царевича Ивана. В час его рождения, как говорят, «по русской земле прокатился

страшный гром, молния блеснула, и земля поколебалась». Через два года у Василия и Елены родился второй сын – Юрий. А дальше…

Дальше царевич Иван, вошедший в историю не как «широкий ум», а как кровавый убийца Иван Грозный, возмужав, убил брата своего Юрия, убил его жену Юлианию, убил собственного сына Ивана, убил более пятнадцати тысяч человек, истребил еще несколько десятков тысяч в позорной и бесполезной Ливонской войне, дотла разорил государство и умер в муках, заживо сгнив и распространяя вокруг себя нестерпимый смрад. В час кончины он кричал, что видит легионы обступивших его бесов. Хорошего наследника оставил после себя великий государь Василий III…

Похоже, стало сбываться проклятье Соломонии. Боярин Иван Шигона-Поджогин, насильно постригший Соломонию, был отправлен в ссылку и искренне раскаялся в своем поступке. Он основал в своей вотчине, селе Иваниши близ Твери, Успенский монастырь, в котором постригся в монахи и там же окончил свои дни.

Самого Василия III беда настигла внезапно. 24 августа 1533 года на небе появилось знамение: в первом часу дня солнце потемнело среди ясного неба. А на следующий день Василий, находясь в селе Белая Колпь под Москвой, заметил на левой ноге странную маленькую ранку, величиной с булавочную головку. Боль она доставляла мучительную. Нога стала распухать, гной из нее выходил целыми тазами. Государь слег, перестал есть. Его повезли в Москву. Когда сани с больным Василием переезжали через Москву-реку, мост, наведенный через тонкий лед на реке, подломился, лошади сорвались в воду. Князя спасли чудом. Чрезвычайно мучительная болезнь тянулась три месяца. 3 декабря Василий отдал последние распоряжения и пожелал принять постриг. Во время обряда у тела умирающего разыгралась грязная ссора, «снисходительный» митрополит Даниил чуть не подрался с князем Андреем Воронцовым. В суматохе на великого князя даже забыли надеть монашескую мантию, а когда спохватились, – он уже лежал бездыханный…

На многое пошел ради рождения наследника Василий, но, может, не стоило ему преступать законы Божеские и человеческие? Ведь у монахини Софьи, спустя несколько месяцев после заточения в монастырь, родился сын! Случилось это в апреле 1526 года.

«А был ли мальчик?» Не выдумка ли это? Многие историки считают, что выдумка, легенда, очередные слухи, которых на Руси, как мы помним, всегда было превеликое множество. Но в 1960-е годы советские историки-исследователи объявили, что

факт рождения у Соломонии сына абсолютно достоверен. Долгое время считалось, что ребенок умер во младенчестве и был похоронен в монастыре. Однако в 1934 году, во время вскрытия усыпальницы в подклете Покровского собора, рядом с гробницей Соломонии было найдено маленькое белокаменное надгробие XVI века, под которым в небольшой деревянной колоде лежал… истлевший сверток тряпья: искусно сделанная кукла, одетая в дорогую шелковую рубашечку и спеленутая шитым жемчугом свивальником! Получается, что правдива старинная легенда, гласившая о том, что сын Соломонии не погиб.

Но возникает закономерный вопрос: от кого родила Соломония? Кто был отцом ее ребенка? Установлено, что Соломония была беременна к моменту пострига. Возможно, этим и объясняется та невероятная спешка, с какой царицу удалили из Москвы: боярам надо было спешить, пока царь Василий ничего не узнал и не передумал разводиться. Если бы он ведал, что жена носит столь долго чаемого ребенка, он ни за что не отправил бы ее в монастырь! Это подтверждает то, что, узнав о беременности бывшей жены (уже постриженной в монахини), государь разгневался не на шутку. Именно тогда попал в опалу Шигона-Поджогин. В опале оказался и митрополит Даниил, освятивший беззаконие авторитетом церкви. Его имя на несколько лет исчезло из всех летописей. Похоже, и на этот раз сказались пророческие слова Соломонии – все гонители Сабуровой получили по заслугам.

Василий знал о рождении у Соломонии сына, его сына. Существует легенда о том, что, не имея долгое время детей от Елены Глинской, Василий готов был не только признать сына Соломонии, но и объявить его наследником! Это подтверждают следующие факты: 7 мая 1526 года Покровский монастырь получил от Василия III щедрый дар – село Павловское Суздальского уезда. А 19 сентября село Вышеславское с прилегающими деревнями получила в подарок сама бывшая царица. Очень может быть, это был традиционный дар великого князя своей жене после рождения наследника.

А мальчик, меж тем, рос в монастыре. Исследователи установили и его имя – Георгий.

До 25 августа 1530 года Георгию ничего не угрожало: других наследников у Василия III не было. Но когда царица Елена родила царевича Ивана, жизнь Георгия оказалась в опасности. Георгий был старшим сыном, а значит, первым претендентом на престол. И рожден он был от первой, законной жены.

Соломония понимала, что сторонники Глинской не остановятся ни перед чем, и в 1531 году в усыпальнице

суздальского Покровского монастыря появилось свежее и безымянное детское погребение. Как мы теперь знаем, захоронение было ложным. Но тогда многие поверили в смерть первенца царя Василия.

Однако, если с Георгием ничего не случилось, то куда же он подевался? Теперь нам этого уже не узнать. Но легенда гласит, будто царский сын стал знаменитым разбойником Кудеяром, о котором сложена «Песня о двенадцати разбойниках»:

Жили двенадцать разбойников,
Жил Кудеяр-атаман.
Много разбойники пролили
Крови честных христиан…

Разбойник Кудеяр был одним из самых популярных персонажей народных песен и легенд. О нем рассказывали во всех южных и центральных губерниях России – от Смоленской до Саратовской. Есть, например, такое «жизнеописание»: «А то еще был Кудеяр – этот где-где не разбойничал! И в Калуге, и в Туле, и к Рязани приходил, и к Ельцу, и к Воронежу, и к Смоленску – везде побывал, везде свои станы расставлял и много кладов позарыл в землю, да все с проклятиями: страшный колдун был. И какою поганой силой владел: раскинет на берегу речки, озера или какого ручья полушубок или кафтан и ляжет спать; одним глазом спит, другим сторожит: нет ли погони где; правый глаз заснул – левый сторожит, а там – левый спит, правый сторожит – так вперемену; а как завидит где сыщиков, вскочит на ноги, бросит на воду полушубок, на чем спал, и станет тот полушубок не полушубок, а лодка с веслами; сядет Кудеяр в ту лодку – поминай как звали…

Так и издох своей смертью – никак изловить его не могли, как там ни старались».

Как же сын Соломонии мог стать Кудеяром? Некоторые историки считают, что, как только возникла угроза жизни маленького Георгия, ребенка тайно переправили к крымскому хану. (Юрий Сабуров, отец Соломонии, был потомком ордынского выходца Мурзы Чета. Возможно, в семье сохранялись родственные связи…) Там он вырос и под татарским именем Кудеяр явился на Русь как претендент на престол. Не добившись успеха, Кудеяр занялся разбоем. Клады Кудеяра, разбросанные по всей земле Русской, еще долго-долго искали смельчаки… Но это только версия, предположение. Доказательств тому, что Кудеяр действительно был сыном Соломонии, – нет.

Говорят, царь Иван Грозный всю жизнь боялся «призрака»

своего сводного брата. Но Георгий, на счастье царя, так и не объявился.

Следует сказать, что многие современные историки по-прежнему считают рождение Георгия всего лишь легендой…

Так или иначе, но рядом с детским захоронением в Суздальском монастыре покоится инокиня Софья – Соломония Сабурова. После всех событий она еще долго продолжала жить здесь. Скончалась инокиня 16 декабря 1542 года. Умерла она тихо, во сне, «пожив благодарно и богоугодно, к Богу отъиде».

Говорят, что мощи святой инокини Софьи творили чудеса. Например, в 1598 году у ее гроба прозрела бывшая много лет слепой княжна Анна Ноктева. А в 1609 году образ Софьи уберег от разгрома весь город Суздаль: по преданию, инокиня явилась во сне атаману шайки ляхов Лисовскому, собиравшемуся напасть на Суздаль, и у того от страха правая рука отсохла…

С 1992 года в Суздальском монастыре возродилась монашеская жизнь. Сейчас здесь живет около 40 сестер-монахинь. И дважды в год, 16/29 декабря и 1/14 августа, в монастыре проводятся особые торжества – это дни памяти преподобной Софии Суздальской, в миру великой княгини Соломонии Сабуровой.

Какие посулы сулил?

Ксения Годунова и Лжедмитрий I

В городе Кириллове Вологодской области есть Горицкий монастырь. Его основала в 1544 году тетка царя Ивана Грозного княгиня Евфросинья Старицкая. Царь Иван, желая убрать всех возможных претендентов на царский престол, уничтожил род Старицких. А свою тетушку-княгиню вынудил постричься в монахини и удалил в ею же основанный монастырь. Через шесть лет, в 1569 году, по указу Грозного княгиню повезли в Москву, но по дороге она умерла – угорела во сне. Тело ее перевезли обратно в Горицкий монастырь, а место ее погребения стало особо почитаться в народе.

Странная смерть опальной княгини породила много легенд… В том числе и такую, в которой говорится, что именно трагическая судьба основательницы определила дальнейшую жизнь обители. Горицкий монастырь стал одним из «мест заключения» родовитых, но опостылевших жен, а также несчастных женщин из знатных семей, подвергшихся опале. В числе наиболее именитых «насельниц» Горицкого монастыря были две жены Ивана Грозного – Анна Колтовская и Мария Нагая – и царевна Ксения Годунова – дочь царя Бориса Годунова.

Когда Иван Грозный умер, на трон взошел его сын, Федор. О Федоре сам его отец говорил: «Постник и молчальник, быть бы ему монахом, а не царем». Четырнадцать лет правил он страной, правление его ничем особенным не отличалось, детей он не оставил, и с его смертью «мужеское племя Калиты пресеклось; оставалась одна женщина… – писал историк Соловьев, – но и она была мертва для света, была монахинею» (кстати, также насильно постриженною). Вдова Федора, царица Ирина (в девичестве Годунова), от престола отказалась, в девятый день после смерти мужа выехала из дворца в Новодевичий монастырь, где и постриглась под именем Александры. В результате на трон взошел Борис Годунов, боярин худородный, брат царицы Ирины и один из ближайших помощников царя Федора.

Правителем Годунов оказался хорошим – только вот судьба к нему была не милостива. Царь Борис был первым царем на Руси, который впрямую заботился о народе. Но ни умение править столь непростой страной, ни другие заслуги не спасали его от бесконечных обвинений.

В чем его только не обвиняли! И в убийстве царевича,

младшего сына Ивана Грозного, Дмитрия, хотя комиссия, разбиравшая это дело, установила, что царевич зарезался сам в припадке падучей болезни. И в том, будто бы сам Борис отравил царя Федора (а это, ни много ни мало, обвинение в цареубийстве). А некоторые поговаривали, что и смерть царя Ивана – дело его рук. Как пишет историк Ключевский: «…не было подозрения, которого народная молва не была готова повесить на его имя. Борис Годунов стал излюбленной жертвой политической клеветы».

А ведь Годунов был избран «голосом всей земли: народ, стоя на коленях, с воплем и слезами умолил его умилосердиться, принять престол…»

Но, как бы то ни было, Борис стал царем Всея Руси и в мечтах он себе виделся основателем новой династии – Годуновых.

У нового, избранного царя было двое детей – дочь Ксения и сын Федор. Шестнадцатилетняя Ксения Годунова, ставшая теперь царевной, вряд ли догадывалась, сколь страшная судьба ее ожидает… Скорее всего, будущее ей рисовалось в самых радужных красках.

И тому были очень веские причины: юная Ксения была красавицей, она являла собой классический образец русской красавицы тех времен. Один из современников описал ее так: «Царевна Ксения, дщерь царя Бориса, зелною красотою лепа, бела велми, ягодами румяна, червлена губами, очи имея черны великы, бровами союзна, телом изобилна; ростом ни высока ни ниска; власы имея черны, великы, акы трубы, по плещам лежаху». Хороша была!

К тому же и воспитана была Ксения на европейский лад, да еще и образованна. Царевна умела не только читать и писать, но знала латынь, бегло говорила по-польски, уверенно ездила верхом, замечательно пела, ну и умела танцевать. Сам «грамотичного учения не сведый» (при этом современники считали его удивительным оратором и восхищались его речами), Борис Годунов пригласил к своим детям иностранных учителей, хотя это и вызвало недовольство русского духовенства.

Борис вообще во многом опередил свое время. Многие его династические планы сумел осуществить лишь сто лет спустя Петр I. «Даже враги, отдавая должное Годунову, писали, что он мог совершить много великих дел, если бы не помешали ему неблагоприятные обстоятельства», – замечает историк Руслан Скрынников.

Царь Борис, естественно, подыскивал дочери Ксении жениха – какого-нибудь иностранного принца, дабы заодно упрочить свой трон и породниться с кем-нибудь из европейских монархов. К

сожалению, ничего у Годунова не вышло. Ксении не суждено было выйти замуж…

Вот как развивались события.

Первым кандидатом в женихи царевны стал сын шведского короля, принц Густав, изгнанный из страны мятежными подданными. В 1599 году он принял приглашение Годунова и прибыл в Россию, где принца-изгнанника приняли с королевскими почестями. Умный, образованный, с приятной внешностью, принц, однако, отказался жениться на Ксении. Непременным условием династического брака был переход принца в православную веру. Но Густав не захотел отказаться от протестантизма и… любовницы, за что его выслали в Углич, где он и скончался некоторое время спустя.

Лишь через три года царевне подыскали второго принца. Его нашли в Дании. Выбор царя Бориса пал на брата датского короля принца Иоанна (Ганса), который согласился принять православие, а вместе с ним и руку царевны Ксении, и княжеский удел на Руси. Принц торжественно въехал в Москву в сентябре 1602 года и был принят с большим торжеством.

Во время первого обеда, на котором женщины, по тогдашним обычаям, не присутствовали, царевна через тайное окошечко смогла вдосталь наглядеться на своего жениха и послушать его умные речи. Ксения влюбилась в Иоанна с первого взгляда, но и для принца датского личное знакомство с царевной оказалось весьма приятным сюрпризом. Ведь и царевна была красавица и умница. А самого королевича в одном из донесений царю боярин Салтыков описывал так: «Платьице на нем было атлас ал, делано с канителью по-немецки; шляпка пуховая, на ней кружевца, делано золото да серебро с канителью; чулочки шелк ал; башмачки сафьян синь». Красавец!

Свадьбу назначили на начало зимы. А потом случилось вот что. В октябре царь поехал в Троице-Сергиеву лавру на богомолье и на обратном пути узнал о болезни принца Иоанна: у молодого человека сделалась жестокая горячка и несколько дней спустя, 28 октября, несмотря на все усилия врачей, королевич скончался. Ему было всего девятнадцать лет.

Тут же пошел слух, что это царь отравил датского принца. Никому не приходило в голову, что Годунову это было не только не нужно, но и невыгодно. А пожалуй, что и опасно – кто знает, как могла отреагировать Дания на смерть королевского брата?

Годунов, узнав о смерти Иоанна, которого уже почитал своим будущим родственником, пришел к дочери со словами: «Твое счастье и мое утешение погибло», словно уже увидел в черном свете ее будущее. Ксения была в отчаянье. Помните, как у

Пушкина в «Борисе Годунове» плачет царевна: «Милый мой жених, прекрасный королевич, не мне ты достался, не своей невесте – а темной могилке на чужой сторонке. Никогда не утешусь, вечно по тебе буду плакать…»

Мы уже писали, что царевна обладала многими талантами, в том числе она еще и искусно вышивала. По малиновому атласу вышила Ксения рублевскую «Троицу» и повезла рукоделье в дар, когда поехала молиться о своем семейном счастье к гробнице Сергия Радонежского. К сожаленью, молитвы оказались напрасны…

Годунов искал жениха для дочери и невесту для сына и в Грузии, и в Австрии, и в Англии. Он даже пытался возобновить брачные переговоры с Данией, но датчане рассудили, что одной попытки вполне достаточно.

А Ксении уже было за двадцать – по тем временам она считалась старой девой…

В 1604 году царь Борис Годунов начал переговоры о браке дочери с одним из герцогов шлезвигских, но из переговоров ничего не вышло, потому что очень некстати поползли слухи: «Царевич Дмитрий жив!» И сразу же стал вопрос о праве на престол. Непрочное положение царя Бориса и то обстоятельство, что он был царь избранный, а не по крови, не по рождению, сыграли свою отрицательную роль в его брачных замыслах, ведь ему было «нельзя ровнятися с великими государи». А крах замыслов царя, конечно же, сказался и на бедняжке царевне.

Почему Ксения, несмотря на все неудачи в любви, не ушла в монастырь? Наверное, потому, что вовсе не этого она хотела. «Кроткая голубица» была не только достойной дочерью своего отца, но и родной внучкой Малюты Скуратова, одного из самых жестоких людей того времени. Так что вряд ли она мечтала о монашеском покрывале…

Однако с появлением слухов о самозванце царю стало не до матримониальных планов. Год 1604 выдался очень тяжелым для Руси – страна страдала от голода и моровой язвы (то есть чумы), голод ожесточил людей до крайности – повсюду стали бесчинствовать разбойничьи шайки. В довершение ко всему в небе появилась комета, и вслед за нею начались бури, ураганы, опрокидывавшие дома и даже колокольни. Обезумевшие от страха и страданий люди сочли все это гневом Божьим. Но на кого Он мог так прогневаться? Разумеется, виновником стал царь Борис…

А тут разнеслась весть, что войска «царевича Дмитрия» подошли к границе…

«Юрий, или Григорий Отрепьев, сын галицкого сына

боярского Богдана Отрепьева, с детства жил в Москве в холопах у бояр Романовых и у князя Бориса Черкасского; затем… он постригся в монахи и, переходя из одного монастыря в другой, попал в Чудов монастырь… похвальба Григория о возможности ему быть царем на Москве дошла до Бориса, и царь приказал сослать его под присмотром в Кириллов монастырь. …Григорий успел бежать». После долгих переходов из города в город Отрепьев оказался в Польше, где «поступил на службу к князю Вишневецкому, которому и объявил о своем якобы царском происхождении…» Отрепьев назвался царевичем Дмитрием, сыном Ивана Грозного.

Лжедмитрий I

В октябре 1604 года Лжедмитрий вошел в области Московского государства. Он довольно быстро двигался к Москве, почти не встречая сопротивления. Народ «больше из страха, чем по доброй воле» складывал оружие и покорно присягал ему на верность. Но многие искренне верили Отрепьеву и считали его истинным царевичем.

Годунов срочно собрал рать и поручил ее первому боярину, князю Федору Ивановичу Мстиславскому. Царь Борис пообещал ему в случае победы над самозванцем дочь Ксению в жены и Казань с Северскою землею в приданое. Но и на этот раз Ксения не получила мужа. Тринадцатого апреля 1605 года ее отец внезапно умер; некоторые считают, что он был отравлен, но мы уже знаем цену слухам. К присяге привели царевича Федора, и он

принял престол. Федор, по отзыву современников, хотя был и молод, «но смыслом и разумом превосходил многих стариков седовласых, потому что был научен премудрости и всякому философскому естественнословию». А вскоре подкупленные Лжедмитрием бояре убили и Федора, и вдову Бориса, царицу Марию Григорьевну. Убили на глазах у Ксении. Сама она оказалась в лапах Лжедмитрия, ее одну он велел оставить в живых, «дабы лепоты ея насладитися».

В Москву лжецаревич въезжал пышно. «Впереди всех ехали поляки, блестя латами и шлемами, звуча – если то были гусары – крыльями, сверкая усыпанным драгоценными камнями нарядом, если они были в национальном платье; за ними литаврщики, после трубачи, копейщики… Вон богато одетые слуги ведут под уздцы шестерку коней, попарно запряженных в золотые колесницы. Усыпанные искрами алмазов хохолки на холке коней так и сверкают…

За ними белые, вороные, караковые, в яблоках кони верховых. После – барабанщики, стройные ряды русских сподвижников лжецаревича, духовенство, блистающее парчовыми ризами…

И вот на белом коне лжецаревич, теперь уже лжецарь. Одежда его блещет золотом, ожерелье сверкает. Далее литовцы, казаки, стрельцы.

Все падает ниц, повергается во прах перед Лжедмитрием.

– Здрав будь многие лета, царь-государь! Солнышко наше! – гремит в народе.

Лжецарь величаво кивает, а в уме его проносится:

“Ну теперь я действительно царь!”»

После воцарения Лжедмитрия тело Бориса Годунова выкопали из могилы в Архангельском соборе, положили в простой гроб и вместе с женой и сыном похоронили в бедном монастыре на Сретенке без всяких почестей. А Ксения стала… наложницей нового царя! Именно наложницей, ибо жениться Лжедмитрий собирался на другой женщине – дочери польского воеводы Юрия Мнишека Марине Мнишек.

Здесь начинается самая странная, необъяснимая и, пожалуй, страшная страница биографии царевны Ксении – ее связь с Лжедмитрием. Многие историки сходятся на том, что Отрепьев взял царевну силой, но потом… потом красавица Ксения стала любовницей уродца Гришки Отрепьева.

«В защиту Ксении Годуновой мы не находим ни слова, – пишет один из историков. – Жертвою грубого, зверского насилия честнейшая девушка или женщина может быть раз в жизни, но чтобы в течение нескольких месяцев переносить ласки человека ненавистного, убийцы ее отца, матери, брата… и покоряться

этому жребию, не имея духу убить злодея или собственной, добровольной смертью избавиться от позора и срама, – для этого надобно иметь в характере особый запас трусости и подлости…»

Возможно, кто-то считает, что Ксения должна была убить Лжедмитрия или покончить с собой от позора. Но легко судить со стороны, из «прекрасного далека». А каково было ей? В то время, в том состоянии? Что чувствовала царевна, сидя одна в ожидании… чего? Смерти? Мучений? Страшно! На что надеялась Ксения? А как они встретились? Судя по тому, что холоп стал царем Всея Руси, Отрепьев умел убеждать… Что говорил он измученной, перепуганной царевне? И откуда нам знать, как реагировала Ксения. К тому же вся страна признала самозванца за царя… Что он говорил ей вкрадчивым голосом? Какие посулы сулил? Какое будущее рисовал?.. Быть может, она льстила себя надеждой, что новоявленный царь влюбится в нее, и она, наконец, станет царицей?! А может, и сам самозванец какое-то время раздумывал, на ком ему выгоднее жениться – на полячке или на русской царевне. Ведь брак с дочерью Годунова мог весьма упрочить позиции Лжедмитрия.

Однако Лжедмитрий занял трон Всея Руси на польские деньги, и женитьба на Марине Мнишек была одним из условий «польской помощи»… Едва в Польше прознали про связь самозванца с Ксенией Годуновой, польский воевода Мнишек, отец Марины, тут же потребовал, чтобы «Дмитрий» удалил бывшую царевну. И новый русский царь поспешил немедленно исполнить требование. Царевну сослали в монастырь и постригли в монахини под именем Ольги.

Марина Мнишек надела брачный венец, а Ксения – монашеский клобук…

И в Подсосенский монастырь прибыла новая монахиня. Монастырь стоял недалеко от Троице-Сергиевой лавры, когда-то они всей семьей молились здесь о ее счастье…

Когда самозванец был убит, занявший его место царь Василий Шуйский вызвал монахиню Ольгу в Москву, чтобы она приняла участие в перенесении останков ее родителей и брата в Троице-Сергиеву лавру. После погребения Ксения не осталась в столице, а вернулась в монастырь.

По иронии судьбы в Подсосенском монастыре вместе с царевной оказалась и одна из жертв ее отца – ливонская королева Мария Владимировна. Годунов насильно постриг ее в монахини, опасаясь притязаний на царский престол. Предполагал ли царь Борис, что его любимая дочь будет делить судьбу и монастырскую крышу с заживо похороненной им правнучкой Ивана III?

Тихо жила в монастыре монахиня Ольга. «В миру» же,

казалось, буря миновала… Но вот уже под стенами Троице-Сергиева монастыря стоит Лжедмитрий II. Началась почти полуторагодовая осада монастырских стен, за которыми в это время пребывала и Ольга. «…В своих бедах чуть жива, – писала она одной из своих родственниц, – совсем больна вместе с другими старицами, и вперед ни одна из них себе жизни не чает, с часу на час ожидают смерти…» Но Троицкий монастырь держался. Осада закончилась поражением поляков: защитники монастыря показали чудеса храбрости.

Потом в жизни монахини Ольги были и Горицкий, и Новодевичий монастыри. Когда-то, за несколько лет до своего «призвания на царство» в 1598 году, в Новодевичьем жил Борис Годунов. Спустя двенадцать лет сюда прибыла его дочь, только «царственные» дни были для нее позади. Но и в этих стенах не было покоя в то Смутное время. Казак Иван Заруцкий, взявший после смерти Лжедмитрия I под свое покровительство Марину Мнишек (иными словами – любовник Марины), напал на столицу и разграбил Новодевичий монастырь. В одной из грамот того времени говорится: «А когда Ивашка Заруцкий со товарищи Девичий монастырь взяли, то они церковь Божию разорили и черниц – королеву, дочь князя Владимира Ондреевича, и Ольгу, дочь царя Бориса, на которых прежде взглянуть не смели, ограбили донага. А других бедных черниц грабили и на блуд брали». Лихое время выпало царевне, да и не ей одной…

Последним прибежищем монахини Ольги стал суздальский Покровский монастырь. Здесь на сорок первом году жизни она скончалась. Родилась Ксения Борисовна при Иване Грозном, а умерла, когда на престол взошли Романовы.

Ксения завещала похоронить себя в родном краю – но не в Москве, а в Троице-Сергиевом монастыре. Там лежали родители, брат, там хранилось малиновое полотно, когда-то вышитое юной царевной, – ее былая вера и надежда на несбывшееся счастье…

В середине XIX века при разборе бумаг английского посольства 1619 года в Московии была найдена записная книжка переводчика Ричарда Джемса. А в книжке – несколько русских песен того времени. Две из них посвящены дочери Бориса Годунова. Вот отрывок одной из этих песен:

А светы вы, наши высокие хоромы!
Кому вами будет владети
После нашего царьского житья?
А светы, бранью убрусы!
Береза ли вами крутити?
А светы, золоты ширинки!

Лесы ли вам дарити?
А светы, яхонты-серешки!
На сучье ли вас задевати, —
После царьсково нашего житья,
После батюшкова преставленья
А света Бориса Годунова?..

Не рой яму другому…

Царевна Софья и Василий Голицын

Эта женщина тоже не мечтала о монашеской доле, но стала монахиней Сусанной и провела остаток жизни в Новодевичьем монастыре…

Царевна Софья Алексеевна (1657–1704) родилась в семействе «тишайшего» царя Алексея Михайловича. Всего у государя Всея Руси было семь дочерей. Пять из них – Евдокия, Марфа, Софья, Екатерина и Марья – были от первого брака самодержца с Марией Ильиничной Милославской. Две другие дочери – Наталья и Феодора – от второго брака с Натальей Кирилловной Нарышкиной. Шесть сестер смиренно коротали дни в своих девичьих светелках, но иной была царевна Софья Алексеевна.

Царевна Софья

Полная, с некрасивым суровым лицом, она казалась старше своих лет. По словам французского эмиссара при русском дворе де Ла Невиля, Софья была большеголовой, бесформенной, со следами волчанки (туберкулеза кожи) на лице. В двадцать шесть лет ей можно было дать все сорок. Однако близкий друг царевны, монах Сильвестр Медведев, в своих воспоминаниях всячески ее

восхвалял, а русский историк Костомаров замечал, что: «Иностранцам она казалась вовсе некрасивой и отличалась тучностью, но последняя на Руси считалось красотою в женщине».

Софья, надо сказать, и не стремилась пленять окружающих своей внешностью. С детства она много читала, свободно говорила по-польски, ее учителями были образованнейшие люди того времени. Говорят, идеалом юной царевны была греческая царевна Пульхерия, взявшая власть из слабых рук брата и долго царствовавшая в Византии.

Ее стремление к идеалу было довольно последовательным: вначале Софья сумела заслужить доверие отца, а затем царствующего брата Федора Алексеевича и приближенных к нему людей. В 1682 году, после смерти Федора Алексеевича, не оставившего детей, царевна при поддержке стрельцов и семейства Милославских организовала заговор. Начались волнения стрельцов и солдат.

«Все пряталось и трепетало за собственную безопасность, – писал историк Сергей Михайлович Соловьев. – Правительством должны были овладеть люди, которые не прятались и не трепетали, а действовали – Софья со своими сестрами и приверженцами. Царевны управляли Россиею! Софья выдвинулась сама собою на первый план, и никто ей не мешал: это было единственное лицо из царского дома, которое хотело управлять, и всё волею-неволею обращалось к ней…» В результате неискушенная в политических интригах мачеха Софьи Наталья Нарышкина (мать царевича Петра) была от власти отстранена, самодержцами были «выкрикнуты» малолетние царевичи Иван и Петр, а регентшей при них стала их сестра Софья.

Семь лет царевна Софья Алексеевна фактически правила страной, правда, было при ней «правительство», в которое входили умные и властные вельможи, такие, как Федор Леонтьевич Шакловитый и Василий Васильевич Голицын.

«И тогда же она, царевна Софья Алексеевна, – писал современник Софьи, князь Борис Иванович Куракин, – по своей особой инклинации (склонности) к амуру Василия Васильевича Голицына назначила дворцовым воеводою войски командовать и учинила его первым министром и судьею Посольского приказу; которой вошел в ту милость через амурные интриги. И почал быть фаворитом и первым министром, и был своею персоною изрядный, и ума великого, и любим ото всех». Он поражал приезжавших в Москву иноземцев необычайной роскошью своей одежды, усыпанной алмазами и жемчугом. Говорили, что у него не менее ста шуб и кафтанов, на которых каждая пуговица стоила от 300 до 700 рублей, а если бы он продал один свой кафтан, то

на эти деньги мог бы одеть и вооружить целый полк.

Голицын осуществил в 1686 году задуманное Софьей заключение «Вечного мира» с Польшей, что позволило царевне именоваться в официальных документах наряду с именами царей Иоанна и Петра. В 1689 году по инициативе правительства Софьи был заключен также Нерчинский договор с Китаем, позволивший России расширить владения по берегам Амура. Софья участвовала во всех дворцовых и церковных церемониалах наравне с царями Иваном и Петром. Она приказала чеканить золотые монеты со своим портретом, надевала царские регалии и давала официальные аудиенции иноземным послам в Золотой палате Московского Кремля.

Но откуда в жизни царевны, которая проводила жизнь на женской половине царского терема, появился боярин Голицын? Болезнь брата Федора Алексеевича помогла Софье начать иную жизнь. День и ночь дежуря у постели больного, она «высмотрела» князя Василия.

Французский эмиссар Невиль писал о Голицыне: «Разговаривая со мною по-латыни о делах европейских и о революции в Англии, министр потчевал меня всякими сортами крепких напитков и вин, в то же время говоря мне с величайшей ласковостью, что я могу и не пить их. Этот князь Голицын, бесспорно, один из искуснейших людей, какие когда-либо были в Московии, которую он хотел поднять до уровня других держав. Он любит беседовать с иностранцами, не заставляя их пить, да и сам не пьет водки, а находит удовольствие только в беседе. Не уважая знатных людей по причине их невежества, он чтит только достоинства и осыпает милостями тех, кого считает заслуживающими их».

Хорошего фаворита «высмотрела» себе царевна! Василий Васильевич был умен, образован, прекрасно воспитан, да к тому же хорош собою.

Но вот любил ли Голицын Софью? Василию Васильевичу было тогда уже тридцать восемь лет, он был давно женат и имел взрослых детей, скорее всего, и наложницы у него были, да не одна… Но Голицын прекрасно понимал, какие выгоды сулит ему любовь царской дочки, пусть и некрасивой. И всячески поддерживал в Софье ее честолюбивые устремления, он уверял царевну, что вдвоем им ничего не страшно: с его опытом да с ее властью!

«Что принадлежит до женитьбы с князем Василием Голицыным, – писал князь Куракин, – то понимали все для того, что оной князь Голицын был ее весьма галант (любовник); и все то государство ведало и потому чаяло, что прямое супружество

будет учинено. По вступлению в правление царевна Софья для своих плезиров (удовольствий) завела певчих из черкас (украинцев), также и сестры ее по комнатам, как царевны: Екатерина, Марфа и другие, между певчими избирали себе галантов и оных набогащали, которые явно от всех признаны были».

Продолжая политику Алексея Михайловича и патриарха Никона, Софья, ее правительство и Православная Церковь рьяно преследовали раскольников, которые не желали принимать церковных реформ и не подчинялись официальным духовным властям, но и раскольники не оставались в долгу: они обличали все, с чем не были согласны. Взялись они и за обитательниц кремлевского терема. Так, староверы говорили: «Царевна Софья была блудница и жила блудно с боярами, да и другая царевна, сестра ее. И бояре ходили к ним, и робят те царевны носили и душили, и иных на дому кормили». Правда, к подобным сообщениям вряд ли можно относиться с доверием: слухи, как мы уже знаем, разные бывают. А вот сообщение Куракина о певчих более правдоподобно, поскольку достоверно известно, что Василий Голицын устраивал у себя в доме званые куртаги. На них играл орган, а певчие пели по новым, линейным нотам. Таким образом, общение Софьи и ее молодых сестер с певчими вне Кремля действительно было.

Как им и мечталось, Софья с Голицыным правили вместе, опираясь на полки стрельцов. Оставалось только покончить с ненавистными Нарышкиными, родственниками вдовы Алексея Михайловича Натальи Кирилловны. Сторонники Софьи изрубили на части брата Натальи Кирилловны, Ивана Нарышкина, убили и друзей Нарышкиных – князей Долгоруких, отца и сына, и на время усмирили и устрашили возможных заговорщиков.

В начале 1687 года Боярская дума приговорила: «Быть князю Василию большим воеводой». Летом Голицын встал во главе стотысячной армии и двинулся в поход – на Крым. Однако засуха, жара, отравленные колодцы и бескормица не позволили Голицыну дойти до Крыма, и он предпочел возвратиться с половины пути. Семнадцатого марта 1689 года он двинулся во второй поход на Крым. В Москве с нетерпением ждали известий из армии. И не только о делах ратных: в переметных сумах гонцов вместе с официальными реляциями доставлялись и личные письма Софьи и Голицына.

В первом из них Софья писала: «Свет мой, братец Васенька, здравствуй, батюшка мой, на многие лета… А мне, свет мой, веры не имеется, что ты к нам возвратишься. Тогда веру заимею, как увижу в объятиях своих тебя, света моего. Всегда того прошу,

чтобы света моего в радости видеть. По сем здравствуй, свет мой, во Христе на веки несчетные…»

А вот что царевна писала во втором письме: «…Велик бы мне день тот был, когда ты, душа моя, ко мне будешь. Если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила перед собою. Письма твои вручены Богу, к нам все дошли в целости из-под Перекопу, из Каирки и с Московки. Я брела пеша из Воздвиженского, только подхожу к монастырю Сергия Чудотворца, к самым Святым воротам, а от вас отписки о боях: я не помню как взошла, читала идучи; не ведаю, чем его света благодарить за такую милость Его и матерь Его, Пресвятую Богородицу, и преподобного Сергия Чудотворца, Милостивого… Бог, свет мой, ведает, как желаю тебя, душа моя, видеть…»

Словно одурманенная любовью, царевна не желала замечать просчетов «милого Васеньки», оказавшегося никудышным полководцем. Оба похода под его командованием обернулись поражениями. Разгромленные стрельцы оказались без пищи и воды в выжженной степи и едва унесли ноги от неприятеля. Но Софья в своих письмах упорно называет Василия Васильевича «свет мой» да «душа моя».

А ведь любовь эта была не такой уж и великой. Все тот же князь Куракин писал: «Надобно ж и о том упомянуть, что в отбытие князя Василия Голицына с полками на Крым Федор Щегловитой (Шакловитый) весьма в амуре при царевне Софии профитовал и уже в тех плезирах ночных был в большей конфиденции при ней, нежели князь Голицын, хотя не так явно. И предусматривали все, что ежели бы правление царевны Софии еще продолжалося, конечно бы, князю Голицыну было от нее падение или бы содержан был для фигуры за первого правителя, но в самой силе и делах был бы упомянутый Щегловитой».

Софья приблизила к себе Федора Леонтьевича Шакловитого после того, как он поддержал ее намерение венчаться на царство и единолично занять трон. Она поставила Шакловитого во главе Стрелецкого приказа, и стал он причастным ко всем важнейшим государственным делам и к делам «семейным».

Не хранила верность Софья Голицыну, но и князь Василий вовсе не торопился отказываться от своей семьи. Как вы помните, у него имелись законные дети, которые, по свидетельству современников, были «великому полководцу» дороже тех незаконнорожденных младенцев, что дарила ему царевна Софья. Французский агент Ла Ви писал в те дни своему правительству: «Он любил ее только за то, что она возвысила его». А это – увы! – ненадежная любовь.

И все же Софье удалось уговорить милого боярина отправить

жену в монастырь, ведь в этом случае ему дозволялось вновь жениться! Софья, похоже, не помнила поговорки «не рой яму другому». И уж тем более не предполагала, что ее ждет точно такая же участь.

Вместе с Голицыным царевна составила план захвата власти. Брата Ивана (одного из двух царствующих отроков) Софья собиралась женить на боярыне Прасковье Салтыковой. Иван – болезненный, хилый – наследников иметь явно не может. Но к молодой царице Прасковье Софья подошлет красавца придворного – и дети родятся! Иван невзначай умрет, а детей объявят незаконными (свидетели найдутся), и тогда Софья с Голицыным окончательно захватят трон. Навсегда. И вот тогда они поженятся!

Как знать, возможно, царевна мечтала об этой свадьбе даже больше, чем о власти…

Всем был «хорош» план Софьи и Голицына. Да только почему-то забыли эти опытные царедворцы про второго брата Софьи – Петра. И, как показала история, забыли напрасно. Он никак не хотел отдавать власть сестрице и старался противостоять ей. Действовал он робко, нерешительно, но все же действовал, и этого было довольно для другой стороны, чтобы начать беспокоиться. Это беспокойство всех стремящихся к власти привело, в конце концов, к очередной смуте. В ночь на 8 августа 1689 года семнадцатилетнего Петра, жившего в селе Преображенском, разбудили и донесли ему, что множество стрельцов собрано в Кремле, и они хотят идти на царя бунтом. Напуганный Петр укрылся с матерью и женой в неприступной Троице-Сергиевой лавре. Здесь он собрал вокруг себя своих сторонников. Москва пришла в ужас: царь уехал, а значит, усобица началась: чем все кончится?!

Так начался крах всех мечтаний Софьи.

Взбаламученные стрельцы метались между царем и царицей, принимая то одну, то другую сторону, и в конце концов, подступили к Софье, требуя выдать им Федора Шакловитого. И Софья… выдала Шакловитого.

Этот поступок «сильно поразил» бояр, бывших на стороне Софьи, и особенно Василия Голицына: он спешно удалился в свое подмосковное имение Медведково. Софья осталась одна.

А тем временем полки все прибывали в Троице-Сергиеву лавру на защиту царя Петра. Понимая, что она теряет власть, Софья сама отправилась к Петру. И напрасно, – она была тут же арестована. Затем арестовали и Голицына. На допросах он отнюдь не демонстрировал благородства – обличал бывшую любовницу, рассказывал об их планах и сваливал всю вину на Шакловитого.

Софью Петр заключил в Новодевичий монастырь, Шакловитого и многих приверженцев Софьи жестоко пытали и затем казнили, все семейство Голицыных сослали в места очень отдаленные. Казалось бы, все – конец, но, похоже, нравом Софья Алексеевна мало отличалась от Петра. Подневольное заточение в монастырских стенах было для нее много хуже жизни в тереме. Над царевной учинили строгий надзор – возле Новодевичьего круглые сутки дежурили стражники. Но строптивая Софья никак не желала окончить свои дни в келье. С невероятным трудом, но она сумела наладить связь с остатками своих приверженцев. Неугомонная царевна писала «подметные письма» войску, призывая хранить верность ей. И в марте 1698 года, в то время, пока юный Петр путешествовал по Западной Европе, набираясь опыта и знаний, Софье таки удалось поднять новый мятеж. Двухтысячный отряд стрельцов, стоящий на польской границе, двинулся к Москве, чтобы восстановить на троне опальную правительницу. Но отряд был разгромлен. И Петр, вернувшись из путешествия, начал массовые аресты, пытки и казни тех, кто пытался помочь его сестре.

Царевна Софья, прозябая в своей келье, была уверена, что хуже заточения для нее ничего не может быть. Но плохо она знала своего младшего брата. Ворвавшись в стены Новодевичьего монастыря, он бросился на Софью с саблей и чуть не зарубил ее насмерть. Спасла ее одна из девушек-послушниц, кинувшись в ноги царю и моля о милости. (Эта девушка прославилась позже под именем матери Евфросиньи, спустя много лет она стала игуменьей Новодевичьего монастыря.) Оправившись от своего безумства, Петр велел перевести сестрицу Софью в самую крохотную и узкую келью, где невозможно было дышать. Да и разогнуться в полный рост тучная Софья здесь могла с трудом. Но это еще не все. Под окнами Софьи были повешены две сотни мятежных стрельцов. Трупы их долгие месяцы разлагались, заполняя келью страшным смрадом. Среди этих страшных картин – из узкого окна были видны только повешенные, – среди этой удушливой вони Софья наконец осознала, что навсегда останется в этих стенах. И нет для нее больше ни любви, ни короны!

Смирилась ли с этим царевна или до конца дней оплакивала свою незавидную участь?.. Известно только, что восемью годами позже она приняла постриг и новое, монашеское имя – Сусанна…

Монахиня Сусанна умерла в стенах Новодевичьего монастыря в 1704 году сорока семи лет от роду.

«Смирная» монахиня Елена

Евдокия Лопухина и Петр I

Тридцатого июня 1670 года в сильнейшую грозу в семье стрелецкого полковника Иллариона Лопухина родилась дочь Авдотья. Мамки и няньки по-разному толковали ту грозу – да только в голову никому не пришло, что станет Авдотья не просто царицей русской, но последней *русской* царицей. Ибо все последующие государыни в государстве нашем были исключительно чужеземками, да и именовали себя императрицами.

Евдокия Лопухина

Выйдя замуж за царя, Авдотья стала Евдокией Федоровной. Поскольку в те стародавние времена имена царским невестам меняли, дабы отвести порчу, а отчество – дабы призвать покровительство Феодоровского образа Божьей матери, святой иконы, которой, в свое время, благословили на царство первого русского царя из династии Романовых. Впоследствии именно по этой причине многие невесты русских императоров назывались Федоровнами. Отец Авдотьи, царской невесты, по обычаю тоже переменил старое имя Илларион на новое – Федор.

Муж Евдокии, царь Петр Алексеевич, шестнадцатилетний долговязый юноша, по описанию секретаря шведского посольства Кемпфера, выглядел так: «Лицо у него открытое, красивое, молодая кровь играла в нем… Удивительная красота его поражала всех предстоявших, а живость его приводила в замешательство степенных сановников московских».

Петр I

Петр был и впрямь весьма «живым» молодым человеком. Ему явно не сиделось на месте. Помимо любимых военных игр с потешными полками и увлечения флотским делом, молодой царь немало жаловал юных прелестниц из Немецкой слободы. Эти молодые девицы и женщины так разительно отличались от привычных ему московских боярышень! «Иноземные девицы» с обнаженными руками и плечами, с весьма откровенными декольте, с утянутыми в рюмочку талиями, любящие потанцевать и пофлиртовать, полностью затмевали в глазах «живого» царя обряженных в тяжелые долгополые и «длиннорукавные» одежды молчаливых и малоподвижных боярышень. Петр так увлекся амурными утехами, что его мать, царица Наталья Кирилловна, взволновалась и решила сына женить.

И в конце концов подобрала ему невесту. Впервые в истории государства Российского был нарушен неписаный закон выбора царской невесты – прежде царь сам выбирал себе спутницу жизни. Но Петру было не до этого, его совсем не интересовала семейная жизнь.

Однако 27 января 1689 года свадьба состоялась.

И вскоре многочисленные родственники Евдокии оказались при дворе. Князь Куракин описывал их так: «…люди они злые, скупые, ябедники, умов самых низких и не знающие нимало в обхождении дворовом… И того ж часу все их возненавидели и стали рассуждать, что ежели придут в милость, то всех погубят и всем государством завладеют. И, коротко сказать, от всех были возненавидимы и все им зла искали или опасность от них имели». Не очень приятное семейство, прямо скажем.

Но о самой Евдокие Куракин писал несколько иначе: «И была принцесса лицом изрядная, токмо ума посреднего и нравом не сходная к своему супругу, отчего все счастие свое потеряла и весь свой род сгубила… Правда, сначала любовь между ими, царем Петром и супругою его, была изрядная, но продолжалася разве токмо год. Но потом пресеклась; к тому же царица Наталья Кирилловна невестку свою возненавидела и желала больше видеть с мужем ее в несогласии, нежели в любви. И так дошло до конца такого, что от сего супружества последовали в государстве Российском великие дела, которые были уже явны на весь свет…»

Петр и Евдокия прожили, правильнее будет сказать, пробыли в супружестве почти десять лет. В положенный срок после свадьбы царица Евдокия Федоровна родила Петру сына, которого назвали в честь деда Алексеем. Потом царица родила еще двух мальчиков, Александра и Павла, но оба младенца умерли, не прожив и года. Выжил, на свое несчастье, только царевич Алексей.

Жизнь супругов не была счастливой. Петр не изменил своих привычек: он продолжал развлекаться с потешными войсками, строить флот на Плещеевом озере и, конечно же, навещать своих подруг из Немецкой слободы. Там-то он и встретил дочь немца-виноторговца Анну Монс, которая быстро и с готовностью стала любовницей Петра.

И прошло не так уж много времени, как Петр задумал избавиться от Евдокии и жениться на Анне. Евдокия, естественно, знала о всех развлечениях мужа, знала она и о его любовнице Анне Монс. И вот однажды решила несчастная царица избавиться от «Монсихи», для чего призвала специальную бабку. Вместе со старушкой они закапали горячим воском портрет немки, а затем иглой выкололи ей глаза. Толку от колдовства никакого не было, если не считать того, что, прознав про сии «колдовские козни», бабушку сожгли. А бедной Евдокии совсем тошно стало…

Говорят, она даже пробовала жаловаться на Петра свекрови, но Наталья Кирилловна, узнав про прелюбодеяния сына, вскоре занемогла, тяжко разболелась и умерла. Больше Евдокии на царя

было жаловаться некому.

Петр Алексеевич, желая отвлечься от семейных неурядиц, но еще больше желая утолить жажду знаний, отправился в Европу на целых полтора года. Уехал он даже не попрощавшись с женой. А едва царь отбыл в заграничные земли, как явились к царице два боярина – Тихон Никитич Стрешнев и Лев Кириллович Нарышкин – и принялись ее уговаривать добровольно постричься в монахини. Евдокия от пострига отказалась наотрез.

А Петр тем временем осматривал чужеземные страны, плел кружева внешнеполитических союзов, изучал крепости и порты, вникал в тонкости корабельного дела. Познакомившись же с австрийским императором Леопольдом, монархом самой обширной в те времена территории Европы, а по совместительству императором Священной Римской Империи, и сам загорелся стать императором. В Москву Петр вернулся раньше намеченного срока, получив известие об очередном стрелецком бунте (том самом, который его сестрица Софья умудрилась заварить из монастыря). Проскакав до Москвы от самой Вены в кратчайший срок, царь явился не к жене, а прямиком к Анне Монс.

Он уже знал, что мятеж подавлен, что часть мятежников казнена, а остальные сосланы. Только этого ему показалось мало, и царь начал следствие заново. В результате было убито, изувечено, сослано и брошено в тюрьмы более тысячи человек.

Царицу Петр увидел лишь неделю спустя по приезде и то не дома, а в хоромах дьяка Виниуса. Петр заперся с Евдокией и проговорил с ней четыре часа. Не о любви и жизни – он убеждал жену в необходимости пострига. Смирная московская царица проявила недюжинную волю – Евдокия опять отказалась от пострига. Царь просил, грозил, говорил, что отберет сына, – Евдокия стояла на своем. Она попросила о заступничестве патриарха Адриана, и он заступился за царицу. Но Петр накричал на семидесятилетнего старика и сказал, чтобы тот не совал нос не в свое дело.

Прошли три томительные недели. И царь отобрал у матери сына. А на другой день к Теремному дворцу Кремля подкатила закрытая карета, два солдата-преображенца свели царицу Евдокию Федоровну под руки вниз и отвезли ее в Суздаль, где силой постригли под именем Елены в Покровском девичьем монастыре. Двадцатидевятилетняя, полная сил женщина кричала и плакала, но никому не было дела до нее. Близких и родных Петр сослал и казнил еще раньше, а самой Евдокии не дал на содержание ни копейки. Бывшая царица горестно просила у оставшихся в живых и таких же опальных родственников: «Здесь

ведь ничего нет: все гнилое. Хоть я вам и прискушна, да что же делать. Покамест жива, пожалуйста, поите, да кормите, да одевайте, нищую».

И родные не оставили Евдокию. Они сумели установить с ней связь и стали пересылать ей деньги и вещи. Жизнь ее в монастыре потихоньку налаживалась, монахини прониклись к ней уважением и любовью, и так прошло десять лет…

Царь и думать забыл о своей бывшей жене, но о брошенной царице помнил народ и сложил о ней песню, за которую певцам резали на эшафоте язык:

Возле милого сижу млада,
Меня милый друг журит, бранит,
Он журит, бранит,
В монастырь идти велит…

– пелось в той песне.

А потом в ней появлялись странники и спрашивали молодую монахиню, как очутилась она в монастыре. Монахиня отвечала:

Я пострижена самим царем,
Я посхимлена Петром Первым,
Через его змею лютую…

– и все слушатели понимали, что «змея лютая» – это любовница царская, Анна Монс.

Но, как мы только что сказали, прошло десять лет…

И вот тут-то случилось неожиданное: к старице Елене пришла любовь.

В 1710 году прибыл в Суздаль высокий и статный тридцатисемилетний майор Степан Богданович Глебов, прибыл он по делам службы, но явился в монастырь навестить свою давнюю знакомую Евдокию, которую знал с самого детства. Они долго разговаривали, Степан расспросил Евдокию о ее жизни, рассказал о своем житье-бытье, о неудачном своем браке, о болезни жены…

В следующий свой приезд Глебов вновь зашел навестить опальную царицу. Деньги и письма от родни привез, а также, самое главное, – весточку от сыночка Алеши. И снова они долго-долго говорили… И с той поры стал Степан Богданович самым близким и желанным человеком для Евдокии.

А вскоре пришла к ним самая настоящая любовь… Многие монахини монастыря знали об этом, но ни одна не выдала их.

Несколько лет продолжалось тайное счастье опальной царицы. С каждым годом любовь Степана и Евдокии только крепла, хотя и он, как когда-то Петр, часто уезжал от нее по делам службы в разные концы страны. Но он всегда возвращался к ней.

А потом случился «заговор царевича Алексея», и началось очередное следствие, до которых был такой охотник царь Петр. Пошли бесчисленные аресты, и в Суздаль к Евдокии отправился капитан-поручик Преображенского полка Григорий Скорняков-Писарев с солдатами. Он неожиданно явился в келью к Евдокии и увидел ее в мирской одежде, что было нарушением монашеского устава. Не дав ей опомниться, Скорняков устроил обыск и нашел письма от сына.

Быстрый капитан-поручик арестовал Евдокию и нескольких священников и монахинь и привез их в Преображенский приказ в Москву. Началось дознание. И привело оно к тому, что старица-казначея Маремьяна рассказала о посещениях Степана Глебова. Она показала, что Степан бывал у Евдокии в келье не только днем, но и оставался на всю ночь. Другая монахиня рассказала, что «к ней, царице-старице Елене, езживал по вечерам Степан Глебов и с нею целовались и обнимались. Я тогда выхаживала вон; письма любовные от Глебова она принимала и к нему два или три письма писать мне велела».

Как вы понимаете, Глебова тут же сыскали и арестовали, а при нем нашли письма Евдокии…

В одном из писем Евдокия писала:

«…Забыл ты меня так скоро. Не угодила тебе ничем. Мало, видно, твое лицо, и руки твои, и все члены твои, и суставы рук и ног твоих политы моими слезами… Свет мой, душа моя, радость моя! Видно, приходит злопроклятый час моего расставания с тобой. Лучше бы душа моя с телом рассталась! Ей-ей сокрушаюся. И так, Бог весть, каков мил ты мне. Уж мне нет тебя милее, ей-богу. Ох, любезный друг мой! за что ты мне мил таков?.. Носи, сердце мое, мой перстень, меня люби, я такой же себе сделаю… я тебя не брошу до смерти».

Видно, была Евдокия женщиной темпераментной, пылкой и чувственной…

Можно только поражаться бесстрашию этих любовников: ведь майор Глебов пробирался ночью не просто в келью монахини (что уже было греховно), но он наслаждался любовью бывшей царицы, матери наследника русского престола! Смелым был человеком майор Глебов…

Степан признался в близости с бывшей царицей, но отказался покаяться и просить прощения у государя даже тогда, когда его

любовница подписала покаянную записку – один из уникальных документов русской истории:

«Февраля в 21 день, я, бывшая царица, старица Елена… с Степаном Глебовым на очной ставке сказала, что с ним блудно жила в то время как он был у рекрутского набору, и в том я виновата; писала своею рукою я, Елена».

Майору Глебову и Евдокии устроили очную ставку. В судебных отчетах о Глебове записано: «С розыску ни в чем не винился, кроме блудного дела». От блудного дела отпираться и впрямь смысла не было, а все остальное (участие Евдокии в деле царевича Алексея) Степан отрицал.

И тогда его начали пытать.

«Глебова раздели донага и поставили босыми ногами на острые деревянные шипы. Спиной он упирался в толстую доску с шипами. На плечи ему положили тяжелое бревно, и под его тяжестью шипы пронзили ступни Глебова. Истязаемый ни в чем, кроме блуда, не сознавался.

Палачи стали бить его кнутом… кожа летела клочьями, кровь брызгала во все стороны, но Глебов стоял на своем.

Тогда к окровавленному телу стали подносить угли, а потом и раскаленные клещи. Его пытали трое суток, оставляя в покое лишь на время беспамятства».

И все это происходило на глазах Евдокии.

На этом мучители не остановились, но остановимся мы. Скажем лишь, что пытали Степана так, как никого не пытали даже в то время. Но он пощады не просил.

Вместе с несчастной Евдокией и Глебовым пытали и священников, и монахинь. От них требовали «подробностей». Не мог никак Петр успокоиться, что «смирная Евдокия», пусть и задним числом, но сделала его рогоносцем! Не мог снести такого унижения: его жена (пусть даже бывшая) и какой-то другой мужчина! Да еще счастливы они были! Потому Петр и пытал самолично Глебова. Пытал до тех пор, пока врачи не велели прекратить пыток – иначе Глебов не дотянул бы до казни, умер бы во время зверских допросов. Помилосердствовали…

Врачей послушались, истязания прекратили. Глебову вынесли приговор: «Учинить жестокую смертную казнь».

Степана Глебова приговорили к посажению на кол. Казнь эта страшная – долгая и мучительная.

Состоялась казнь 15 марта 1718 года. Стоял тридцатиградусный мороз. Петр явился наблюдать за казнью, приехал он в теплой карете, чтобы не замерзнуть. Рядом с местом казни на телеге сидела Евдокия, ее держали два солдата – чтобы не отворачивалась и не закрывала глаза. Пятнадцать часов Степан

умирал на колу посреди Красной площади. Чтобы он преждевременно не умер от холода, Петр велел надеть на него шубу, шапку и сапоги. Все это время возле кола стоял священник и ждал покаяния. Но так и не дождался – Глебов умер молча.

Существует легенда о том, что Петр стоял возле Глебова и до последних секунд «вымогал» из него подробности его близости с царицей… Тогда Глебов из оставшихся сил совершил дерзкий поступок: плюнул царю в лицо! Петр этого не забыл: в 1721 году он приказал каждый год провозглашать во всех церквах анафему Степке Глебову, как ее провозглашали раньше Гришке Отрепьеву, Степке Разину, Тимошке Анкудинову, Ваньке Мазепе…

Смерти Глебова Петру показалось мало, он велел колесовать и четвертовать всех «сообщников» Степана и Евдокии.

Саму Евдокию Федоровну приговорили к публичному наказанию кнутом, после чего сослали в северный Успенский монастырь на Ладоге.

В Успенском монастыре Евдокия Федоровна прожила семь лет. В этом монастыре-тюрьме жить было крайне тяжело, зимы там были такие суровые, что даже охранники не выдерживали холода и умоляли начальство их оттуда «свести». Пока Евдокия страдала в монастыре на Ладоге, Петр обвенчался с Мартой Скавронской, будущей императрицей Екатериной Первой.

А после смерти Петра в 1725 году страдания бывшей его супруги только умножились. По приказу Екатерины бедную женщину перевели в Шлиссельбург, где поместили в камеру с крысами и клопами. Новая правительница очень боялась, что законная русская царица может предъявить свои требования на престол и найдутся люди, которые помогут ей в борьбе за корону. А потому Екатерина мечтала в темнице уморить Евдокию. Да только вот сама умерла раньше…

Весной 1727 года старица Елена получила необыкновенно ласковое и приветливое письмо от бывшего своего гонителя, Александра Даниловича Меншикова. Она этому не удивилась – ведь на престоле уже сидел Петр II, ее родной внук, сын несчастного царевича Алексея. Вскоре с царскими почестями старицу Елену привезли в Москву, ибо ее пожелал видеть Петр II.

Несчастную царицу разместили в Вознесенском монастыре. Стала она там жить в тепле, чистоте и заботе. Тут же царедворцы принялись наперебой проситься к Евдокии на прием. Но никто не нужен был старой измученной женщине. Кроме внука Петеньки, сына мученика Алеши.

И внук приехал. Не заезжая в Кремль, молодой император отправился к бабушке. Встреча произвела на обоих тягостное впечатление. Юный Петр II заметил, что бабушка больна, толста и

малограмотна. Еще бы: ведь 30 лет (!) она провела в заточении. А Евдокия увидела вместо милого мальчика неласкового подростка в напудренном парике, уже хорошо осознающего силу своей власти.

Попыталась бабушка Евдокия втолковать молодому правителю «разумное родительское поучение», но только раздражила его.

Евдокии не удалось сблизиться с внуком. Да она и не стремилась остаться при дворе. Попросила только позволения жить в Новодевичьем монастыре. Жена английского резидента видела ее там и писала приятельнице: «Она сейчас в годах и очень полная, но сохранила следы красоты. Лицо ее выражает важность и спокойствие вместе с мягкостью при необыкновенной живости глаз…»

Когда умер Петр II, Евдокию даже подумывали возвести на престол. В стенах Новодевичьего монастыря она ждала нарочного из Кремля с вестью о решении Верховного тайного совета. Этот совет должен был решить – кому царствовать в Государстве Российском. Кандидатур было несколько: обрученная невеста умершего императора Петра II Екатерина Долгорукая; дочь Петра I от Екатерины – принцесса Елизавета Петровна; и, наконец, она – бывшая царица русская Евдокия Федоровна.

Гонец принес совсем неожиданную весть – императрицей стала вдовствующая герцогиня Курляндская, племянница Петра I, дочь его брата Ивана. Старица Елена улыбнулась: кровь ее мужа-мучителя, мужа-убийцы единственного сына, пресеклась полностью! Дочь Ивана будет теперь продолжать династию Романовых! «Бог ему судья», – прошептала старица. Нарочный был уверен, что Евдокия расстроилась и сказала это в адрес Верховного тайного совета. Но он ошибался.

Евдокия прожила в Новодевичьем монастыре – в почете и достатке – до самой смерти в 1731 году. Ей было шестьдесят два года.

«…В любви верна»

Наталья Шереметева и Иван Долгорукий

Уйти в монастырь вообще-то мечтал отец Натальи– когда остался вдовцом. Устал он от жизни; жена умерла, дети выросли… Но не суждено было фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву стать монахом, император Петр не допустил. Выдал за него свою молоденькую родственницу, Анну Петровну Нарышкину. И мысли о монастыре ушли сами собой, ибо жил Борис Петрович с Анной душа в душу. И родилось у них пятеро детей, дочь Наташенька – в 1714 году, поздний ребенок, горячо любимый пожилыми родителями.

Вот ей-то, Наталье Борисовне, урожденной Шереметевой была уготована непростая судьба: горькая любовь и монастырские стены…

XVIII век в русской истории вполне можно назвать веком женщин. В значительной степени потому, что большую часть лет на русском престоле были именно женщины. В это время в Россию из Европы пришло сознание нового времени. Не сразу, не вдруг, но это сознание вытесняло довольно сильные «российские особенности».

Внезапные и достаточно резкие перемены заставили русских дворянок выйти из своих светелок, снять кокошник, переодеться в декольтированные платья и научиться европейским танцам и искусству светской беседы. Одной из таких замечательных «современных» русских женщин XVIII века была Наталья Борисовна Долгорукая, в девичестве Шереметева. Она оставила свои воспоминания – «Своеручные записки», – написанные красивым языком и повествующие о ее нелегкой жизни и всех выпавших на ее долю страданиях. «Записки» княгиня написала в 1767 году, впервые они были опубликованы в 1810 году ее внуком Иваном Долгоруким. Вплоть до 1913 года эти дневники женщины, принявшей постриг, часто переиздавались. В историческом наследии России XVIII века вряд ли найдется другой такой искренний, безыскусный документ. В сущности, эти записки – даже не мемуары в принятом смысле слова, это – исповедь человека, подошедшего к границе земного бытия и искренне принявшего монашеский обет и все связанные с этим нравственные обязательства.

Наталья Шереметева

Начало истории Натальи Шереметевой относится к эпохе царствования Петра II, внука Евдокии Лопухиной и императора Петра I, сына царевича Алексея. Юного царя очень активно опекало семейство Долгоруких, мечтавших выдать за императора девушку из своего рода. Брак Петра II с княжной Екатериной Алексеевной Долгорукой был к тому времени делом практически решенным. И Иван Алексеевич Долгорукий, брат царской невесты, тоже надумал жениться…

В «Записках» Натальи Долгорукой (в девичестве Шереметевой) есть весьма теплые и даже восторженные строки об Иване: «Думала, я – первая щастливица на свете, потому что первая персона в нашем государстве был мой жених, при всех природных достоинствах имел знатные чины при дворе и в гвардии. Я признаюсь вам в том, что я почитала за великое благополучие, видя его к себе благосклонность; напротив тово, и я ему ответствовала, любила ево очень, хотя я никакова знакомства прежде не имела… но истинная и чистосердечная ево любовь ко мне на то склонила».

Однако большинство современников видело его совсем иным. По их описаниям, он был типичным фаворитом: жадным к наградам, особенно иностранным, деньгам, власти. Люди, хорошо знавшие Ивана и даже дружившие с ним, свидетельствуют: «Государь любил его так нежно, что делал для него все, и он любил государя так же. Ума в нем было мало, а проницательности никакой, но зато много спеси и высокомерия, мало твердости духа и никакого расположения к трудолюбию, любил женщин и вино, но в нем не было коварства. Он хотел управлять государством, но не знал, с чего начать, мог воспламеняться жестокой ненавистью, не имел воспитания и образования, словом, был очень прост».

По Москве ходили слухи о многочисленных и бурных любовных похождениях фаворита, мало считавшегося с принятыми в обществе условностями. Князь Михаил Михайлович Щербатов, автор книги «О повреждении нравов в России», избрал Ивана Долгорукого объектом своей уничтожающей критики. Завершая рассказ о похождениях Долгорукого, Щербатов писал: «…младые люди, самым распутством дружбу его приобретшие, примеру его подражали, и можно сказать, что честь женская не менее была в безопасности тогда в России, как от турок во взятом граде». Вполне возможно, желчный Щербатов несколько преувеличивал масштабы бесчинств «золотой молодежи» времен Петра II, но, как правило, дыма без огня не бывает.

Итак, в ноябре 1729 года юный четырнадцатилетний царь дал слово вступить в брак с восемнадцатилетней княжной Екатериной Долгорукой. Испанский посланник де Лирия сообщал в Мадрид: «Вчера царь в присутствии великого канцлера графа Головкина, вице-канцлера барона Остермана и других министров и магнатов этого двора (которые имели предварительное приказание быть в доме князя Алексея Долгорукова) дал слово вступить в брак с

княжной Екатериной, старшей дочерью сказанного Алексея. И так как в ближайший вторник именины сказанной принцессы, то уверяют, что в этот день будет совершено обручение с обычной торжественностью. Эта новость весьма поразила многих, даже тех, которые живут в круговороте министерства и двора, потому что хотя и предполагали, что это может случиться, но не думали, чтобы это могло состояться так скоро… Весьма недовольны все русские магнаты, которые не могут скрывать своего неудовольствия, что дом Долгоруких делается таким сильным».

Недовольство знати было настолько велико, что во время обручения 30 ноября ко дворцу пришлось стянуть войска; гвардейцы, которыми командовал Иван Долгорукий, стояли даже в помещении. Меньше чем через два месяца собирались отпраздновать и свадьбу, она была назначена на 19 января 1730 года.

Следом за поразившей всех новостью последовала другая: князь Иван Долгорукий попросил руки очень знатной девушки, дочери славного фельдмаршала – Натальи Борисовны Шереметевой. Надо сказать, что Иван Долгорукий, спешно решивший остепениться, чтобы встать на один уровень отношений с царем, выбор сделал во всех отношениях удачный: невеста была не только знатна, но еще и богата, мила и, к тому времени, круглая сирота. Наталья Борисовна принадлежала к старинному боярскому роду Шереметевых, славных воинскими и иными деяниями. Отец ее (о котором мы писали в самом начале), знаменитый петровский военачальник Борис Петрович Шереметев, был героем Северной войны (1700–1721), командовал на протяжении более десятка лет русской армией, в том числе и под Полтавой. Рачительный, прижимистый хозяин, Шереметев сумел между делом сколотить огромное состояние. Его многочисленные владения раскинулись повсюду, и он по праву считался самым богатым человеком в стране. Наталья Борисовна родилась в 1714 году, а в 1719 году Борис Петрович умер, оставив дочь самой богатой невестой России. Две ее сестры к тому времени уже были замужем.

Очень рано потеряв отца и будучи младшей в семье, она была очень привязана к матери. Однако в четырнадцать лет Наталья потеряла и мать. И осталась сиротой, очень тяжело переживая смерть матери и свое одиночество: видно, с братьями и сестрами особой близости не было. Избалованная в детстве родителями, девочка, тем не менее, была чутка, добра и понятлива. Правда, избегала всякого веселья и не любила пышных нарядов. Охотники за приданым, естественно, так и вились вокруг самой богатой невесты в Москве, но Наталья была холодна и отвергала женихов.

Никого не хотела видеть подле себя.

Но тут вдруг наступил момент счастья: к ней посватался один из самых блестящих людей того времени – гвардейский офицер, награжденный всеми мыслимыми тогдашними орденами, имевший все высшие чины империи, фаворит императора Петра II, да еще к тому же красавец, князь Иван Алексеевич! И неудивительно, что юная Наташа не на шутку влюбилась в него. Тут надо напомнить, что в те времена девушки воспитывались с сознанием, что любить они обязаны лишь того, кто им предназначен Богом. И уж коли судьба решила, что Наталье Борисовне предназначен князь Иван, значит, его и надо любить. И Наталья была искренней в своих чувствах. «Казалось, ни в чем нет недостатку. Милой человек в глазах, в разсуждении том, что этот союз любви будет до смерти неразрывной…»

Объявили о помолвке. Девушка жила в счастливом нетерпении. «Все кричали: “Ох, как она щаслива!” Моим ушам не противно было это эхо слышить». Наконец, помолвка состоялась, и самым торжественным образом. Как сообщают современники, празднование помолвки Долгорукого и Шереметевой в декабре 1729 года, накануне Рождества, было невероятно пышным. Министры и иностранные гости, все родные и близкие, музыка, бесчисленные богатые подарки – все это ждало юную Наталью и ее красавца Ивана на помолвке! Обрученные обменялись кольцами огромной по тем временам стоимости – двенадцать и шесть тысяч рублей. В небе по случаю помолвки зажглось бесчисленное количество огней от фейерверков. Гостей развлекали всевозможными способами, на впечатляющее торжество собрался народ и радостно приветствовал молодую невесту. Наталья после свадьбы (которую назначили на январь) должна была стать первой фрейлиной будущей государыни.

К сожалению, отзывы современников о князе Иване вызывают некоторые сомнения по поводу умилительного заявления историка XIX века Дмитрия Александровича Корсакова, писавшего, что «Иван Алексеевич серьезно и глубоко полюбил эту прекрасную девушку». Брак, с его стороны, вполне мог быть браком по расчету. Но и в этом ничего ужасного не было, среди знати принято поддерживать «кровь» и… состояние.

Однако пока влюбленная девушка грезила о предстоявшей свадьбе и будущем семейном счастье, события при дворе шли своим чередом…

Внезапно заболел юный император Петр II. Шестого января 1730 года в День водосвятия на Москве-реке рубили прорубь, народ собрался поглазеть на смельчаков, пожелавших окунуться в освященную воду. Приехал посмотреть и император. Простуда,

которую получил он в этот морозный день, оказалась роковой; болезнь быстро развивалась, и вскоре все увидели… явные следы оспы! В ночь на 19 января 1730 года – назначенный день свадеб Петра II и Екатерины Долгорукой, а также Ивана Долгорукого и Натальи Шереметевой – император умер. В эту ночь Долгорукие, в отчаянии, что их план рушится как карточный домик, предприняли попытку спасти положение: на совещании их клана была составлена «духовная» – завещание – от имени Петра II, согласно которой умирающий царь передавал престол своей нареченной невесте, Екатерине Долгорукой. Инициатором этой авантюры был князь Алексей Григорьевич Долгорукий.

На заседании Верховного тайного совета он потом предъявил «некое письмо, якобы Петра II завет», но «на это письмо не обратили внимания». Дело было слишком серьезно: прямая мужская ветвь Романовых со смертью Петра II обрывалась. Долгорукие были вынуждены, скрепя сердце, согласиться на предложение князя Дмитрия Михайловича Голицына – практически главы Верховного тайного совета – пригласить на российский престол курляндскую герцогиню Анну Ивановну – дочь царя Ивана Алексеевича, старшего брата Петра Великого.

Приехавшая же в начале февраля 1730 года править Россией Анна Ивановна сразу невзлюбила Долгоруких – ведь они покушались на российский престол. Очень быстро стало понятно, что им грозит опала.

Все грезы и мечты закончились. Девичье счастье длилось всего двадцать четыре дня…

Князь Иван устремился к своей невесте в надежде найти сочувствие и поддержку. В такой ситуации в искренности Ивана не приходится сомневаться, ведь он оказался в полной изоляции. И он не ошибся в своих надеждах: Наташа всем сердцем сочувствовала своему жениху. Обливаясь слезами, молодые люди поклялись быть друг другу верными до конца. В следующие дни стало ясно, что положение Долгоруких будет только ухудшаться, и родственники настоятельно советовали Наташе отказать жениху. Но она этого не сделала.

«Я довольно знала обыкновение своего государства, что все фавориты после своих государей пропадают; чего было и мне ожидать? И так я плакала безутешно. Свойственники… стали меня уговаривать, что… можно этому жениху отказать, когда ему будет худо; будут другие женихи… Это предложение так мне тяжело было… Войдите в рассуждение, какое это мне утешение и честна ли эта совесть, когда он был велик, так я с радостью за него шла, а когда он стал несчастлив, отказать ему? Я такому бессовестному совету согласиться не могла; а так положила свое

намерение, когда, сердце одному отдав, жить или умереть вместе, а другому уже нет участия в моей любви. Я не имела такой привычки, чтоб сегодня любить одного, а завтра другого; я доказала свету, что я в любви верна».

Пятнадцатилетняя Наташа, как многие женщины и до нее, и после, решила следовать за любимым: «Я готовая была с ним хотя все земные пропасти пройти». Русские женщины, когда любят – жалеют, и Наталья была «женщиной сострадающей». Ею двигала не только любовь, но и сердечная привязанность, жалость, потребность и обязанность жертвовать собой ради ближнего. За этим стояли и традиции русской жизни, когда женщине не прилично было оставаться без мужа, и непреложные святые законы веры и нравственности диктовали необходимость быть с ним не только в радости, но и в беде. Но главное, что руководит поступками русских женщин, – Любовь. Это – когда просто нельзя поступить иначе.

В начале апреля 1730 года в Горенках состоялась более чем скромная свадьба, а через три дня Долгоруким высочайше повелели «жить в дальних их деревнях», публично опозорив в указе, изданном по этому случаю. Они лишались всех наград, должностей и почестей.

Стали собираться всей большой семьей в путь – им был дан один день на сборы. Наталья Борисовна надеялась и думала, что ссылка продлится недолго и они скоро вернутся, поэтому все дорогие вещи, все драгоценности и деньги она отослала брату. Решила, что там, куда они едут, ничего не понадобится. Когда ее брат Петр прислал на дорогу тысячу рублей, она взяла четыреста, а остальные отослала назад… Наивная и бескорыстная душа! Более того, она полагала, что они будут ехать все вместе, и все вместе будут жить. Потом в дороге, как она пишет, выяснилось, что их с мужем числят «на своем коште», то есть ей приходилось платить за все самой из этих четырехсот рублей. И это было только самым началом тяжкого испытания.

В сентябре семья Долгоруких оказалась уже в Березове – глухом сибирском углу, недалеко от современного Сургута. Потянулись долгие, беспросветные годы ссылки. Вот что писали современники о Долгоруких: «Уже все эти несчастные отправились, никто не пожалел о них, потому что когда они были в счастии, они не старались приобрести себе друзей». Это была как бы эпитафия на братской могиле Долгоруких: оставаясь еще живыми, они уже умерли в сознании людей.

Наталья Борисовна, верная своим идеалам, испила сполна горькую чашу страдания. Остановимся напоследок на том, что произошло с семьей Долгоруких в 30-е годы XVIII века, о чем

Наталья Борисовна практически не пишет в своих мемуарах. Ссылка в Березов была тяжким испытанием для вчерашних властителей России. И дело не только в бедности, к которой они привыкали с трудом, может быть, впервые взяв в руки деревянные ложки и глиняные чашки. Семья была большая и недружная. Ее глава, Алексей Григорьевич Долгорукий, часто ссорился со старшей дочерью – «порушенной невестой» Екатериной, приходившей в отчаяние при виде убогих нар, на которых ей предстояло еще долго спать. Березов был краем света, и жилось там тяжело. Почти непрерывная зимняя ночь сменялась долгим днем короткого лета, чтобы следом за ним вновь пришла ночь. И люди – как ссыльные, так и охрана, и местные жители, отрезанные от России тысячами верст пустынного заснеженного пространства и болот, – нуждаясь в общении, нередко собирались за общим столом. В этом застолье было спасение от тяжести убогой жизни, но была и опасность: Долгорукие, не сдержанные на язык, во взаимных ссорах, уж конечно, не щадили нынешнюю царскую власть, кляня Анну Иоанновну и Бирона как главных виновников своих несчастий.

Российская жизнь без доносов немыслима, и вскоре в Тобольск – сибирскую столицу, а потом и в Петербург полетели доносы на Долгоруких. Поначалу власти ограничивались предупреждениями, а затем – это было уже в 1738 году – в ответ на донос таможенного подьячего Тишина прислали фискала, который пожил некоторое время в Березове и даже подружился с Иваном Долгоруким. Вскоре после его возвращения в Тобольск, в результате его доклада в Березов был прислан указ отделить Ивана Долгорукого как главу семейства (Алексей Григорьевич умер в 1734 году) от прочих Долгоруких и заточить в земляную тюрьму. В августе того же года Иван, двое его братьев – Николай и Александр, а также шестьдесят жителей Березова, имевших общение со ссыльными, были арестованы и вывезены под караулом в Тобольск. Начался сыск.

Долгоруких ждала дыба. Показания, данные Иваном под пыткой, были столь серьезны, что по указу правительства его доставили в Шлиссельбург, куда в начале 1739 года стали свозить оговоренных им родственников – участников знаменитых событий начала 1730 года. Дело в том, что Иван сознался в подделке завещания Петра II, по которому власть должна была перейти его сестре Екатерине. Он подтвердил, что это завещание – дело рук семьи Долгоруких.

Не осуждая Ивана Долгорукого, испытавшего ужасы застенка, увы, нельзя не сказать, что его показания привели к оговору, арестам, пыткам и казням большого количества людей. Летом

1739 года тобольская следственная комиссия завершила работу. Тридцать первого октября в Петербурге Генеральное собрание из высших сановников государства, рассмотрев в течение одного дня дело, которое велось целый год, приговорило Ивана Долгорукого к… колесованию!

Восьмого ноября 1739 года под Новгородом при большом стечении народа состоялась эта страшная казнь. Ивана «помиловали» – колесование заменили четвертованием.

Его младших братьев, Николая и Александра, отвезли в Тобольск, где им вырезали языки и наказали кнутом. Правда, Бирон, ставший регентом после смерти Анны осенью 1740 года, распорядился отменить казнь молодых людей, но сибирское начальство сообщило, что указ о помиловании опоздал, преступники уже наказаны и сосланы соответственно в Охотск и на Камчатку. Еще один их брат, юный Алексей, был приписан матросом в экспедицию Беринга. Суровая судьба ждала и сестер Ивана: бывшая «государыня-невеста» Екатерина была насильно пострижена в Томске, ее сестры, Елена и Анна, соответственно в Тюмени и Верхотурье.

Лишь в начале 1740 года Наталья Борисовна Долгорукая, оставленная на время следствия в Березове, узнала наконец о страшной судьбе своего мужа и его родственников. Ей позволили вернуться в Москву, куда она и отправилась вместе с детьми, родившимися в Березове: старшему, Михаилу, было восемь лет, а младшему, Дмитрию, полтора года. В день смерти Анны Иоанновны, 17 октября 1740 года, она въехала в Москву, где ее крайне неприветливо встретили Шереметевы и особенно брат, знаменитый богач Петр Борисович, унаследовавший практически все состояние отца.

Княгиня Долгорукая с огромными трудами поставила на ноги старшего сына Михаила. А в 1758 году постриглась в одном из киевских монастырей. Свое обручальное кольцо она, по преданию, бросила после пострига в Днепр… В монастыре, известная как старица Нектария, она жила вместе с младшим, психически больным сыном Дмитрием, который в 1769 году умер на руках матери. Там она и написала «Своеручные записки», и там же, 3 июля 1771 года, пятидесятисемилетняя Наталья Борисовна Долгорукая закончила наконец свой тяжкий земной путь.

«Своеручные записки» она написала по просьбе своего старшего сына Михаила Ивановича. Не будь этой его просьбы, не знали бы мы ее историю, не было бы этого необыкновенного документа о ее судьбе и о той далекой эпохе.

По вечерам монахиня Нектария, окуная в чернила гусиное

перо, писала свои «записки», словно исповедовалась: это был способ оставить свое материнское благословление единственному теперь сыну, Мише. Ее сочинение – потрясающая история любви и самоотверженности, нежности и силы.

А что до кольца, которое выбросила монахиня Нектария в воды Днепра, то это почти легенда. Говорят, что однажды ранним утром на берегу реки местные рыбаки увидели женщину, которая была одета в черные монашьи одежды. Она взошла на речной откос и с размаху бросила в темные воды перстень, тот самый, которым обвенчалась она с любимым Иваном. Нектария хотела навсегда разорвать последнюю нить, связывающую ее с мирской жизнью, с прошлым…

Блаженная вдова

Ксения Петербургская

Есть в православной церкви праздник – день памяти святой блаженной Ксении Петербургской, которую почитают как покровительницу Санкт-Петербурга. Ксения не была монахиней, но она канонизирована православной церковью как святая.

Ксения Петербургская

Ксения Григорьевна до двадцати шести лет была замужем за полковником Андреем Федоровичем Петровым, служившим при царском дворе певчим. По тем временам должность эта считалась почетной и набирали в царский хор людей красивых и талантливых. Повседневная жизнь молодой пары ничем не отличалась от жизни других зажиточных семейств. Ксения сама хорошо пела и музицировала, образцово вела дом и хозяйство. Ничто не сулило беды молодой семье. Но, как сказано в одном из псалмов: «Мои пути – не ваши пути, а Мои мысли – не ваши мысли».

Любимый муж Ксении умер внезапно, без покаяния и причастия. Эта кончина так потрясла молодую женщину, что ее восприятие мира совершенно переменилось.

Она ушла из дому, сказав, что нет более ее в этом Мире и что в ее теле продолжает жить душа любимого ею человека. Словно забыв от горя свое имя, Ксения называла себя именем покойного мужа и даже оделась в его одежды. Она не роптала, не гневила Бога проклятьями, а лишь всеми силами старалась хоть как-то ощутить любимого мужа, удержать хотя бы память о нем.

Свой богатый и ухоженный дом в Петербурге она подарила Параскеве Антоновой, молодой девушке, одной из квартиросъемщиц, с условием, «чтобы бедных даром жить пускала». Оставшиеся деньги пожертвовала в церковь, а свои личные вещи раздала нуждающимся и стала нищей странницей. Бесприданница Параскева, получив от Ксении такой невероятный подарок, упала на колени, осыпала поцелуями руки благодетельницы и спросила, где же Ксения будет теперь жить? Ксения ответила странно: «У Него под покровом! Птицы небесные не сеют, не жнут, а я не хуже птицы небесной. Пусть же Его воля будет!»

Некоторые родственники пытались вразумить вдову, другие предлагали ей свой кров и всяческую помощь, но Ксения всегда отвечала: «Мне ничего не надо». А, приходя в чей-нибудь дом, иногда говорила: «Вся я тут». Она сознательно выбрала свой путь. И никто не мог заставить ее изменить решение!

В любую погоду Ксения бродила по улицам Петербурга, и поначалу ребятня, толпами бегавшая следом, смеялась над нею. Но как-то раз, углядев, что Ксения босая стоит на вершине холма, молится и кладет земные поклоны на четыре стороны света, оторопели, раскрыли рты и побежали по улицам с криком: «Блаженная, блаженная!» К блаженным и убогим на Руси всегда было особое отношение. «Убогий» – само слово показывает, что человек находится под особым покровительством Божиим. Люди чувствовали величие духа блаженной Ксении и стали прислушиваться к ее словам, следовать им, и слова ее часто оказывались пророческими. Считалось даже, что тот, у кого Ксения брала копеечку – человек благочестивый, у кого же отказывалась брать милостыню – тот нечестен, лицемерен.

Детей Ксения любила и часто раздавала им, благословляя, свое подаяние. Матери радовались, если она касалась ребенка. Ее просили благословить молодых, дом, детей, и Ксения никогда не отказывалась. Если она приходила в чей-то дом, даже к совершенно незнакомым людям, те считали честью для себя накормить ее, посадить в Красный угол, одарить чем-нибудь, но она ото всего отказывалась или раздавала другим нищим.

Когда же одежда ее покойного мужа совсем истрепалась, Ксения оделась в самую бедную одежду. Кофту и юбку она

выбирала двух цветов: красного – цвета крови Спасителя, и зеленого – христианского цвета надежды.

Сколько браков благословила она на счастье, сколько домов обогрела теплом своей молитвы! Зайдя как-то к знакомой семье Голубевых, напугала их взрослую незамужнюю дочь словами: «Ты тут кофе распиваешь, а муж твой на Охте жену хоронит, да горько плачет. Беги-ка скорее на кладбище!» Взволнованная девушка не посмела перечить блаженной и вместе с матерью побежала на Охтинское кладбище. А в это время молодой доктор, только что похоронивший жену, умершую от родов, лежал в беспамятстве на ее могиле. Мать и дочь подняли его, привели в чувство и проводили до дому… Вскоре Ксения благословляла на счастье молодую невесту доктора.

Предание не сохранило ни дня рождения блаженной Ксении, ни дня, ни года ее смерти, известно лишь, что скончалась она в конце XVIII века. После смерти Ксении жители Петербурга стали почитать ее своей покровительницей.

В 1988 году на Поместном Соборе Русской Православной Церкви Ксения Петербургская была причислена к лику святых. Похоронена Ксения в Петербурге, на Смоленском кладбище.

Существует множество свидетельств помощи святой Ксении и после ее смерти. Она не раз являлась в видениях людям, находящимся в трудных обстоятельствах и спасала от опасности и бед. Вот один из случаев, описанных в «Житии блаженной Ксении Петербургской»: «Вдова одного полковника приехала в Петербург определить в кадетский корпус своих двух сыновей. Ей это не удалось. Деньги, взятые на поездку, были на исходе, и вдова шла по улице и горько плакала. Вдруг к ней подошла какая-то простолюдинка и сказала: “Отслужи панихиду по Ксении, она помогает в горестях”. “Кто такая Ксения?” – спросила вдова полковника. “Язык до Киева доведет”, – ответила простолюдинка и быстро скрылась. Действительно, вдова полковника легко узнала, кто такая Ксения, отслужила по ней панихиду на ее могиле на Смоленском кладбище и неожиданно вскоре получила известие, что оба ее сына приняты в корпус».

Тропинка на могилу блаженной Ксении не зарастает и по сей день. На ней всегда живые цветы…

Блаженны непорочные в пути…

Матушки

О любви православных священников к женам, «матушкам», как их называют, написано очень немного. Матушки чаще всего остаются в тени деяний своих мужей. Меж тем это очень достойные женщины, настоящие сподвижницы, истинные подруги и единомышленницы.

Вот несколько историй о любви и понимании в семьях священников.

«Господи! Имя тебе – любовь. Не отвергни меня, заблуждающегося», – эти слова принадлежат святому Иоанну Кронштадтскому.

Иоанн Кронштадтский

Святой праведный Иоанн Кронштадтский (Иоанн Ильич Сергиев) родился в семье бедного причетника села Суры Архангельской губернии. Иоанн рос ласковым и тихим мальчиком, любившим богослужение и природу. Когда он стал ходить в школу, то часто останавливался у старой сельской церкви помолиться, и крестьяне просили, чтобы он помолился за

них.

В девять лет Иоанн поступил в Архангельское приходское училище, но учился с трудом, пока однажды, после горячей молитвы, не осенила его Божественная Благодать и, по его собственным словам, как бы «завеса спала с его очей». Он стал успевать и, окончив после школы семинарию, в числе лучших учеников поступил в Петербургскую духовную академию. В это время умер его отец, и сын, переписывая по ночам бумаги в канцелярии академии, зарабатывал тем деньги и кормил мать. Когда он закончил курс, открылось место священника в Кронштадтском Андреевском соборе. Иоанн женился на дочери священника этого собора Елизавете и стал иереем собора.

Отец Иоанн ежедневно служил литургию и читал каноны, внутренне же молился неустанно. Он стал ходить в те районы Кронштадта, где жила беднота, и оставлял там весь свой заработок. Он помогал семьям пьяниц, высланных из Петербурга, покупал еду и лекарства, и многие, встретившие батюшку вначале недоверчиво, полюбили его и изменили свой образ жизни. Скоро и для детей, и для взрослых он стал родным в этом убогом районе. Ученики местного реального училища на всю жизнь запомнили его уроки закона Божия. Чтобы более существенно помочь беднякам, отец Иоанн организовал Дом трудолюбия, где были собственная церковь, детский сад, мастерские, амбулатория, приют – все необходимое для бесплатной помощи бедным. Нашлись и жертвователи, и помощники – все чувствовали, что Божия помощь будет с ними по молитве отца Иоанна.

В 1882 году был основан Странноприимный дом, куда к батюшке стали стекаться со всех сторон богомольцы с просьбой о молитвенной помощи. К нему обращались за помощью не только жители Кронштадта, но и Петербурга, а затем и со всей России и из-за границы. Своей святой жизнью и непрестанной молитвой отец Иоанн снискал дар исцеления и прозорливости. Письма и телеграммы сотнями приходили в Кронштадт, и по горячей молитве святого умирающие выздоравливали, буйнопомешанные приходили в себя и слепые прозревали. Случилось так, что княгиня Юсупова умирала от заражения крови. К ней призвали отца Иоанна. Лечивший княгиню профессор Боткин, увидев прибывшего отца Иоанна, в волнении сказал: «Помогите нам». Батюшка вместе с мужем больной встали на колени и помолились, затем больную причастили, и через шесть часов сна она была совершенно здорова. Боткин долго смотрел на нее, слезы текли из его глаз. «Это уже не мы сделали», – сказал он.

Благодарные родственники многих исцеленных давали отцу Иоанну большие деньги, и он, не раздумывая, раздавал их

нуждающимся, причем оказывалось, что вручал он именно ту сумму, которая требовалась. Тысячи людей приезжали к нему на службу, во время общей исповеди люди обливались слезами, называя свои грехи, и после разрешительной молитвы и причастия как будто заново рождались.

Умер отец Иоанн 20 декабря 1908 года и был погребен в Петербурге, в Иоанновском монастыре, который когда-то сам основал. В 1990 году состоялось прославление святого Иоанна Кронштадтского.

А теперь мы расскажем о его женитьбе и о матушке Елизавете.

К окончанию академии у отца Иоанна появилось желание взять на себя подвиг миссионерства в монашеском чине. Но, присмотревшись внимательнее к окружающей жизни столицы, он увидел, что пастырско-духовной работы и здесь непочатый край. Поэтому он переменил свое решение и остановился на пастырстве. Как известно, священник должен был сначала обвенчаться с девицей: безбрачных пастырей тогда почти не было – да вообще так и правильнее, и мудрее. В это время в Кронштадте скончался протоиерей Андреевского собора отец Константин, и у него осталась взрослая дочь Елизавета. По старым обычаям, особенно если после умерших оставались сироты, приход передавался кандидату, который женился на осиротевшей дочери. Обычай тоже добрый. Так Иоанн и Елизавета сочетались браком.

Но с самого начала совместной жизни молодой муж упросил жену жить в девстве, как брат с сестрой. Подобные примеры – хотя и немного – знает история Церкви. Знал о них и отец Иоанн. Ему хотелось всецело отдать себя на служение Богу и ближним. Если уж отклонено было монашество, то нужно сохранить девство при браке. Всякий понимает, какую трудную задачу брал на себя молодой студент. Но он взял ее осознанно.

Не так легко восприняла безбрачие в браке молодая жена. Предание свидетельствует, что она даже подавала жалобу на мужа епархиальному архиерею. Но молодой священник уговаривал ее добровольно согласиться с ним: «Лиза! Счастливых семей и без нас с тобою довольно. А мы отдадим себя всецело Богу и ближним». И она наконец согласилась. И выполнила то, о чем просил ее отец Иоанн. В браке она была ему просто сестрой.

Эта женщина совершила своего рода подвиг. Согласившись жить с мужем без близости, она, безусловно, лишила себя счастья материнства. Но обрела с ним душевную гармонию. Вспоминают матушку Елизавету как женщину простую и очень тихую. Она всегда была и пребывает в тени славы отца Иоанна.

Она умерла сразу после смерти отца Иоанна, будучи его верным другом, его духовной сестрой.

Те, кто знали отца Иоанна и матушку Елизавету, всегда вспоминали их вместе…

Подобная история произошла и в семье еще одного священника.

Отец Дмитрий

Отец Димитрий (Федосимов), протоиерей, принявший тайный постриг, а затем схиму, был духовник Архангельского подворья Сурского женского монастыря, основанного Иоанном Кронштадтским. Службы протоиерея Димитрия Федосимова были, по воспоминаниям современницы, «какими-то особенными, светлыми…» Отец Димитрий имел многих духовных чад, горячо любивших и уважавших своего пастыря, недаром батюшка был учеником Иоанна Кронштадтского и так же, как и его духовный отец, имел дар предвидения. Обращались к отцу Димитрию по самым разным нуждам: и за советом, и за благословением на супружество, или на монашескую жизнь, и за помощью во всяких важных делах. Он обладал редким даром непрестанной молитвы и «в тайне» соблюдал обет целомудрия. Почти никто не знал, что и он, и его жена, матушка Варвара, были тайно пострижены. Они, подобно святому Иоанну Кронштадтскому и матушке Елизавете Константиновне, провели в воздержании и целомудрии долгие годы. Только, в отличие от отца Иоанна, отец Димитрий прожил

несколько счастливых лет семейной жизни. Но случилось так, что он стал терять зрение. Все усилия врачей оказались бесплодными. И тогда священник обратился с мольбой к Богу: «Господи, даруй мне зрение, чтобы я смог служить Тебе всем сердцем, всею мыслею своею!» В благодарность он обещал принять обет целомудрия. И молитва была услышана. Вместе с отцом Димитрием приняла монашество и его жена. Все дети пастыря пошли по стопам родителей и служили Богу – кто в священническом сане, кто в иноческом чине. После революции Архангельское подворье закрыли, монахини были разогнаны, многие высланы. Отец Димитрий был сослан в Кустанай, здесь он принял схиму. Дальнейшая судьба отца Димитрия, к сожалению, нам неизвестна. Неизвестно также и имя пастыря по принятии пострига и схимы.

Не знаем мы ничего и о судьбе матушки Варвары, женщины искренне любящей и последовавшей за своим мужем пусть не в ссылку, но в монашество.

Жестокое гонение на Русскую Православную Церковь началось сразу после переворота в октябре 1917 года. Епископов, священников и монашество расстреливали, бросали в тюрьмы, ссылали. Большевики действовали по указанию Ленина: «… расстрелять как можно больше священников, и не делать из них мучеников». Точное число жертв антицерковных репрессий не известно, пострадало от пятисот тысяч до миллиона человек.

Но, к великому сожалению, и поныне историки и составители учебников обходят своим вниманием тот факт, что в годы массовых ссылок священнослужителей за ними всегда в добровольное изгнание отправлялись их жены. Подвиги этих женщин, наравне с подвигами их мужей, достойны преклонения. Так давайте же вспомним хотя бы некоторых из этих удивительных женщин…

Матушка Мария – жена священника Никифора Ремизова из Калужской епархии – добилась в 1929 году через Совнарком пропуска на проезд в «зону», к осужденному мужу. Потрясенная всем увиденным, она решила поскорее вернуться домой и хлопотать об освобождении мужа, чтобы спасти его от неминуемой гибели. И только тогда выяснилось, что пропуск выдан лишь в одну сторону – назад пути не было! Ей пришлось устроиться вольнонаемной и трудиться рядом с отцом Никифором. 10 сентября 1931 года матушка добилась снятия судимости с мужа. Спустя двенадцать часов, в тот же день, она получила телеграмму о смерти отца Никифора на лесоповале…

Матушка Валентина – жена отца Леонида Сапунова из

Курганский епархии – добровольно отправилась за мужем в лагерь, где трудилась, поддерживая заключенных, наравне с ним…

В те страшные годы жена арестованного священника Минской епархии Валериана Новицкого получила из тюрьмы от мужа письмо: «Диночка, мне предложили отречься от Бога и сана. Как ты справишься одна с детками?» Матушка ответила: «Валечка, не отказывайся ни от Бога, ни от сана, а меня с детками Господь управит». Мужа расстреляли, ее выгнали из дома и сослали с тремя детьми – пяти, трех и одного года. До самой смерти в 1976 году она ничего не знала о судьбе мужа и искала его…

Матушка Татьяна – жена священника Николая Шабашева из Воронежской епархии – в 1933 году поехала за мужем в ссылку на север Вологодской области, когда ей было уже далеко за пятьдесят. Муж не выдержал работы на лесоповале и умер. Матушка Татьяна пережила его ровно на месяц.

Об этих замечательных женщинах мы узнали из материалов к книге «За Христа пострадавшие…»

Когда читаешь об этих женщинах, невольно вспоминаются жены декабристов, добровольно отправившиеся в изгнание вслед за мужьями. О них мы знаем, про них мы «учили»… А сколько жен отправлялись вслед за мужьями в опалу, в ссылку за всю невеселую историю нашей страны? Многие и многие… Но это было где-то там, в истории. Но вот и на нашем веку жены православных священников повторили этот подвиг, который вечно пребудет высоким примером христианской жертвенности и любви.

В XX веке страшную участь репрессированных священнослужителей разделили (по самым приблизительным подсчетам) более десяти тысяч их жен и духовных дочерей! Однако ни в одном современном энциклопедическом словаре и даже ни в одном учебнике по русской истории нет даже беглого упоминания об этом потрясающем душу подвижничестве православных женщин, об их неизмеримой, истинной Любви…

Огромное сердце

Отец Алексей и Анна Молчанова

Храм может быть столичным, известным или заштатным, красивым или самым обыденным, богатым или очень простым. А еще храм может быть намоленным или не намоленным. И тут уж ничего не поделаешь – намоленность нельзя купить, как не купишь готовую судьбу. Про храм Николы в Кленниках (то есть храм святого Николая на Маросейке) еще в позапрошлом веке было известно, что он очень древний, бедный и некрасивый. Архитектура самая обычная, храм простой, маленький, каких в Москве было великое множество. Внутри он тесный, с низкими сводами и потолком, покрытыми немудреной росписью XIX века… Но это намоленная церковь. Здесь тридцать пять лет служил настоятелем отец Алексей Мечёв. Он и поныне здесь – мощи святого Алексия, праведника Московского, находятся в его родном храме.

Отец Алексей

Среди духовных детей отца Алексея были люди чрезвычайно образованные: к нему на исповедь приходил, например, Николай Бердяев. Многочисленные воспоминания о батюшке многие годы

собирала монахиня Иулиания (М. Н. Соколова) – известный иконописец Троице-Сергиевой лавры. Все люди, с которыми разговаривала монахиня, вспоминали о батюшке Алексее Мечёве самыми прекрасными словами. И это – не случайно!

Алексей Мечёв родился 17 марта 1859 года в Москве в семье регента Чудовского монастыря. Учился сначала в Заиконоспасском училище, потом поступил в Московскую духовную семинарию. Закончив семинарию, некоторое время был псаломщиком при церкви Знамения Божией Матери на Знаменке, но вскоре, в 1884 году, женился на Анне Петровне Молчановой. Затем Алексей Мечёв был рукоположен в диаконы, а 19 марта 1893 года, когда ему было тридцать четыре года, принял сан священника.

Так он пришел в храм святого Николая в Кленниках, где и оставался до самой своей смерти.

Никакой «жизни» в приходе не было, в церковь ходить тогда было не модно. «Восемь лет служил я литургию каждый день при пустом храме!» – вспоминал батюшка. Один протоиерей говорил ему: «Как ни пройду мимо твоего храма, все у тебя звонят. Заходил в храм – пусто… Ничего у тебя не выйдет, понапрасну звонишь».

Но отец Алексей звонил и звонил, приходил в храм к пяти утра, читал и пел заутреню, а затем начинал литургию. А с вечера служил всенощную дневному святому. «Мне хотелось дать Москве один храмик, где каждый верующий именинник при желании мог бы услышать в день своего Ангела величание своему святому», – говорил батюшка. По воскресеньям и праздникам отец Алексей обязательно читал проповеди, он говорил очень просто и все время об одном и том же – о любви к Богу и к ближнему. Не раз ходил отец Алексей проповедовать и на Хитров рынок.

Однажды, в разговоре с одним студентом, батюшка заметил: «Надо больше заниматься деланием и поменьше – словопрениями». Именно так поступал сам отец Алексей.

И в храм пришли люди.

Их было много, очень много. И некоторые уже тогда понимали, что отец Алексей не обычный священник. Даже оптинские старцы посылали ему своих паломников. Как-то отец Нектарий сказал одному из пришельцев: «Зачем вы к нам ездите, у вас есть отец Алексей». Один из таких паломников позже вспоминал, что, вернувшись из Оптиной пустыни, отправился на Маросейку, где ожидал увидеть высокого, мощного и сурового проповедника. А увидел… «Низенький, морщинистый, со всклокоченной бородой священник и старый дьякон совершали службу. На священнике была полинявшая фиолетовая камилавка

(головной убор), служил он как-то поспешно и, казалось, небрежно, поминутно выходил из алтаря, исповедовал на клиросе, иногда разговаривал, смеялся, искал кого-то глазами, сам выносил и подавал просфоры…» Другой прихожанин вспоминал: «Идет с каждением священник маленького роста, плешивенький, со спустившейся на бок фелонью (ризой), с развязавшейся поручью, от которой висит длинный шнур; идет медленно и еще медленнее кадит». Но, чувствуете, нет разочарования в этих описаниях – только мягкая улыбка, умиление: батюшка кажется таким родным, домашним… Он и был таким для своих прихожан. «Нельзя забыть ни его светящихся приветом, небольших, но глядевших проникновенно голубых глаз, ни его чисто русского, родного, благостно улыбающегося лица, на котором было написано столько доброты и душевной теплоты, что, казалось, их с избытком хватило бы на всех, кто имел счастье видеться и встречаться с ним…»

«Нигде я не мог молиться так горячо, как на Маросейке, – сказал один из его прихожан. – Здесь чувствуется какая-то намоленность, какая-то заражающая молитвенная атмосфера, какой не находишь в других церквах».

Вся жизнь отца Алексея была бесконечным служением людям…

Однажды застрелился сын богатого купца и батюшку позвали причастить тяжело раненого юношу. Батюшка немедленно пришел. Его провели в спальню, где на постели лежал молодой человек с забинтованной головой. Батюшка подошел, ласково заговорил с юношей, но несчастный угрюмо молчал. Разные слова находил отец Алексей – он всей душой старался дотянутся до страдающего сердца, но юноша упорно молчал. Тогда батюшка вздохнул тяжко, нежно обнял его голову и прижал к своей груди. И молодой человек заплакал. Горько-горько. И через слезы и рыдания он рассказал батюшке, что душно и тяжело ему жить в этой роскошной обстановке, что окружает его лишь лицемерие да бесконечно навязываемые понятия о приличиях, а искренности и любви в семье – нет. Все выплакал отцу Алексею юноша, а затем и исповедался. Совсем успокоенный и умиротворенный молодой человек причастился…

А еще случилась такая история. «Как-то после ранней обедни, в будний день, подошел к батюшке пьяный оборванный человек, весь трясущийся, и, едва выговаривая слова, обратился к батюшке: “Я совсем погиб, спился. Погибла душа моя… спаси. Помоги мне… Не помню себя трезвым… потерял образ человека…” Не обращая внимания на его омерзительный вид, батюшка совсем близко подходит к нему, любовно заглядывая

ему в глаза, кладет на его плечи руки и говорит: “Голубчик, пора нам с тобой уже перестать винцо-то пить”. – “Помогите, батюшка дорогой, помолитесь”. Батюшка, взяв его за правую руку, ведет к амвону и, оставляя его там, уходит в алтарь. Открыв завесу Царских врат главного Казанского придела, торжественно распахивая Царские врата, начинает молебен, величественным голосом произнося: “Благословен Бог наш…” и, взяв за руку грязного оборванца, ставит его рядом с собой у самых Царских врат. Опускаясь на колени, со слезами начинает усердно возносить молитву Господу Богу. Одежда оборванца была настолько порвана, что тело обнажалось, когда он, по примеру батюшки, клал земные поклоны.

По окончании молебна батюшка трижды осенил крестом несчастного и, подавая ему просфору, три раза его поцеловал.

Через непродолжительный срок к свечному ящику подошел прилично одетый мужчина и, покупая свечу, спросил: “Как бы увидеть отца Алексея?” Узнав, что батюшка в храме, он радостно заявил, что желает отслужить благодарственный молебен. Вышедший на амвон батюшка воскликнул: “Василий, да это – ты?!” С рыданием бросился к его ногам недавний пьяница, прослезился и батюшка начал молебен. Оказалось, что Василий получил хорошее место и прекрасно устроился».

Очень серьезно относился отец Алексей к воспитанию детей, это занятие он почитал главным для родителей. Благословляя мать с ребенком и указывая на младенца, он ей внушительно говорил: «Вот здесь твои и Киев, и Иерусалим». Не одобрял он и того, когда родители приходили в церковь и оставляли детей одних, без присмотра. «Запрет, бывало, мать нас, двоих малышей, в комнате и уйдет в церковь, – рассказывала одна из духовных дочерей батюшки. – Проходя по храму с каждением и увидев ее, батюшка тут же строго отсылал ее домой».

Для беднейших детей своего прихода отец Алексей открыл у себя церковную школу, да он еще вел работу в Обществе народного чтения.

Многому учил он своих прихожан. О многом говорил с ними. Всем сердцем любя людей, к тому же призывал и других: «…Со слезами прошу и молю вас – будьте солнышками, согревающими окружающих вас, если не всех, то семью, в которой Господь вас поставил членом.

Будьте теплом и светом для окружающих; старайтесь сперва согревать свою семью, трудитесь над этим, а потом эти труды вас так завлекут, что для вас уже будет узок круг семьи, и эти теплые лучи со временем будут захватывать все новых и новых людей, и круг, освещаемый вами, будет постепенно все увеличиваться и

увеличиваться…

Господь говорит: “Доколе Я в мире, Я – свет миру”. Этим Он говорит, что наш долг – светить другим.

А между тем сами мы ходим во тьме, не только уж не светим другим, поэтому мы должны обращаться к Господу, просить у Него помощи, потому что мы, как бы сильны ни были, какие бы преимущества ни имели, – мы все-таки без Бога – ничто; и потом у нас великое множество грехов, и потому мы сами не можем достигнуть того, чтобы светить и согревать других…»

Отец Алексей был особенный человек, он умел, как в сказке, побеждать добром зло. В 1905 году опьяненная революционным духом молодежь как-то заявилась в его храм во время заутрени. «Батюшка был в алтаре и услышал мужские голоса, плясовые напевы. Вошедшие так бесчинствовали, что испуганный псаломщик едва окончил шестопсалмие. Кто-то посоветовал батюшке выгнать их, но он только горячо молился. Один из студентов отделился от товарищей и вошел в алтарь. Батюшка, стоявший у жертвенника, быстро обернулся, ласково встретил безумца: “Как приятно видеть, что молодые люди начинают свой день молитвой… Вы пришли помянуть родителей?” Сраженный таким неожиданным сердечным обращением, вошедший оторопело пробормотал: “Да-а-а…”

По окончании утрени батюшка обратился к пришедшим со словом, в котором напомнил этой молодежи, стремящейся бороться за широкое счастье, о семье, о родителях, которые любят их, возлагают на них надежды, что когда они получат образование, то станут их кормильцами… Он говорил так от души, так искренне и любовно, что растрогал их, многие плакали; некоторые остались петь обедню, а потом стали его друзьями и богомольцами, а некоторые и духовными детьми. Они признались батюшке, что… пришли его “бить”… вошедший же в алтарь студент должен был спровоцировать скандал.

Через несколько дней с тем намерением пришли курсистки, начали вызывающе разговаривать с батюшкой, стараясь всячески уколоть его, что-де вот он только служит, а надо бедным помогать… Результат был тот же. Батюшкина любовь победила их. Именно с этого времени, говорил батюшка, учащаяся молодежь стала посещать его храм».

Много говорил отец Алексей и о любви и браке. Отчего бывают неудачны и кратковременны современные браки? Батюшка утверждал, что, ища брачного сближения, люди думают лишь о себе, о своем личном счастье. Мужчина видит в жене только женщину, доставляющую ему чувственные наслаждения, и весьма часто не воспринимает как человека, друга, мать его

детей. Женщина тоже выходит замуж или по слепой страсти, которая весьма скоро угасает, или же по расчету. Этот эгоизм и служит причиной столь частых семейных драм и разводов. «Молодой человек, – говорил батюшка, – который хочет жениться, должен помнить, что брак есть крест, что ему вручается слабый, немощный сосуд – жена, которую он должен беречь и хранить для своего потомства».

«Цель брака, – говорил он, – прежде всего в рождении и воспитании детей. Для несения креста брачного муж и жена должны отбросить свои эгоистические расчеты и жить во имя и для своих детей. Любовь их не должна ограничиваться чувственными взаимоотношениями, она должна простираться более широко и прежде всего охватывать духовную жизнь супругов. Муж должен видеть в жене лучшего друга, помощника, спутника жизни. Жена, со своей стороны, должна не только “бояться мужа своего”, но и любить его искренне, со всеми его недостатками, заботиться о его душе и спасении его прежде всего. Каждый из брачующихся должен отказываться от себя и прививать другому добро, а добро прививается только любовью.

Все мы люди, человеки, не с небес происшедшие, все имеем недостатки, поэтому не должны недостатки других вменять им, а относить их к воспитанию; если родители не смогли им этого дать, то они имеют право на снисхождение и на сочувствие. Вы связуетесь браком навсегда – “тайна сия велика есть”. Вы должны соединяться воедино, “аз же глаголю во Христа и во Церковь”. Муж должен вести себя так, как Христос, а Христос умер за Церковь, и муж должен любить жену до положения живота за нее; жена же, видя такую любовь мужа, должна соответствовать ему.

В то время, когда жизнь супругов безбожных проходит в заботах о материальном благополучии и этим по большей части ограничивается, жизнь христианских супругов состоит во взаимном несении общего для всех жизненного креста (а вдвоем всегда легче) и совместном шествии ко Господу. Поелику супруги проникнутся такою мыслью, брак их будет воистину благословенным и нерушимым навеки».

К счастью, семейная жизнь самого отца Алексея была радостной и счастливой. В 1884 году, как мы уже говорили, Алексей Мечёв женился. К восемнадцатилетней дочери псаломщика Анне Молчановой сватались всякие женихи, но она всем отказывала. А как только познакомилась с Алексеем Мечёвым, тут же твердо сказала своей матери-вдове: «Вот за этого маленького пойду».

Несколько лет у Мечевых не было детей, а затем родились дочери: Александра и Анна. Матушка Анна Петровна была «с

характером» – на фотографиях времен ранней молодости она хмуро глядит на белый свет, – но, надо признать, и жизнь была у «молодоженов» нелегкой. Однако взаимная любовь заметно улучшила ее нрав, – на более поздних снимках она уже умиротворенная, спокойная.

Анна Петровна нежно любила мужа, понимала его и всегда и во всем поддерживала. Но она страдала заболеванием сердца, была слаба и болезненна, и отец Алексей постоянно заботился о ней и ее здоровье. Он всячески старался ей помочь, горячо молился за нее, отправлял летом с детьми в деревню.

Они были друг другу поддержкой и опорой, в жене отец Алексей видел друга и первого помощника во всех делах своих. Ее советами и замечаниями отец Алексей дорожил и всегда слушал их, будучи твердо уверенным, что любящий глаз жены заметит то, что сам он в себе не заметил и упустил.

Сохранилось письмо диакона Алексея к жене, прочитав которое вы сами ощутите всю глубину любви, соединявшую этих людей.

«Красавица моя милая, драгоценная женушка Нюшенька.

Знаю хорошо, что ты скорбишь о разлуке со мною, но будь спокойна, ангел мой, я, слава Богу, жив и здоров, боль моя почти прошла; вечером после тебя был у меня Тихон (брат отца Алексея), и мы купили на три копейки картофельной муки и посыпали на больное место, завязали старым полотенцем, и так я проспал ночь. Мука вынула весь жар и сейчас я ничего не чувствую, посему за меня не беспокойся.

Умоляю тебя, жизнь моя, принимай лекарство и пей больше молока, забудь обо всем в мире, думай только о том, чтобы тебе поправиться скорее, утешайся мыслью о том, что о тебе непрестанно думает твой заботливый муж Ленечка, с одной стороны, платит тебе за твою горячую любовь к нему, а с другой – невольно живет ежеминутно душой и мыслью с тобой. Он, хотя и в 25-верстном расстоянии от тебя, драгоценная моя, но хорошо отчетливо знает и чувствует, что ты думаешь и делаешь…

Посему, если ты будешь расстраиваться, не будешь спокойна, будешь болеть, то в то же время это будет и с твоим дорогим для сердца мужем. Если любишь его искренно, а я вполне уверен в этом, не делай его больным и не надрывай его сердца своею скорбью. Будь весела, и будет весел и милый тебе муж твой Ленечка.

Помни только о том, что муж твой отсутствует не по прихоти, а по службе, а истинный христианин и добросовестный гражданин должен свято и добросовестно исполнять свои обязанности. Это дело каждого отца семейства – отец без устали

должен трудиться, чтобы семья его благоденствовала, и это благоденствие семьи и должно составлять главное утешение и награду в его труде. Не лишай же меня, дорогая моя, возможности свято исполнять свой долг. Я готов, неоцененная, за вас троих, если только нужно будет, положить душу свою, лишь бы вы были у меня здоровы, веселы и счастливы.

Итак, видишь, золотое мое солнышко, что муж твой, по любви к вам, напрягает все свои силы к вашему благосостоянию, то и ты, бесценный мой ангел, прошу тебя, помоги по силе возможности ему достигнуть этого: во-первых, дозволь ему добросовестно исполнять его обязанности, а во-вторых, своим спокойствием, веселостью вдохни в него новые силы для дальнейшего его труда. Господи, подкрепи исполнить все это нам обоим… Я верю вполне, что ты глубоко верующая, помолись же обо мне, мой ангел, чтобы и я тоже был таковым!

Хорошо, что я явился сегодня на выборы, а то благочинный был сам и очень рассердился на некоторых не явившихся, а их было только два священника. Завтра, то есть в пятницу, я пойду утром к благочинному, а вечером у нас будут говельщики, почему приехать не могу. Приеду непременно в воскресенье на 10-часовом ночевать, в субботу же не знаю еще – могу ли я урвать время или нет.

Пришли мне письмецо, что тебе привезти в воскресенье. Я буду ждать. Крепко целую вас, тебя, милая моя Аня, и дорогих наших с тобой Саньку и новорожденную Нюшу. Сегодня обедал у наших, а завтра, то есть в пятницу, возьму из трактира. Будь же спокойна за меня. Береги только себя.

Твой муж Ленечка.

У нас все благополучно. Заочно крещу вас троих. Перекрести за меня, по прочтении сего письма, ребятишек. Напиши, как вы все себя чувствуете. В воскресенье, если жив буду, непременно увидимся. Прощай. Постарайся, чтобы мне в воскресенье увидеть тебя веселой и здоровой.

Твой Алексей.

Ты, красавица, забыла у меня на столе браслетку и кольца, но будь спокойна, я их убрал и с собой в воскресенье привезу. Целую тебя несчетно раз.

Твой Ленечка».

Затем родился у Мечёвых сын, назвали его Алексей. Когда ребенку было около десяти месяцев, в деревне, где жила Анна Петровна, случился пожар; маленького Алексея вынесли из избы и положили на траве. Земля была сырая и холодная – младенец

простудился и вскоре скончался. А в 1892 году родился второй сын, которого назвали Сергеем в честь преподобного Сергия Радонежского. Болезненность Анны Петровны сказалась на младенце: он родился недоношенным и был так слаб, что его с трудом заставили закричать.

Ко времени принятия сана священника у Алексея Мечёва было четыре ребенка… А надо сказать, жизнь духовенства малых, небогатых приходов Москвы была материально очень тяжела – едва удавалось сводить концы с концами. Но это не смущало Анну Петровну, и она по-прежнему оставалась помощницей своему мужу.

А жили они действительно трудно: их церковный дом был маленький, деревянный, ветхий, полусгнивший. Помещался он во внутреннем дворе, возле церкви. В комнатах стоял полумрак – дом окружали двухэтажные дома. В дождливое время вода заливала подвал…

Денег на житье тоже не хватало. Но отец Алексей никогда не проходил мимо чужой нужды и горя. Однажды, в канун Рождества, он пришел исповедовать женщину. Увидел, в какой нищете она лежит, как измучены ее полуголодные дети, и оставил им свой кошелек, хотя знал, что дома его собственные дети ждут к праздничному столу еды. Пришел батюшка домой без копейки, и нечего ему было дать своим домашним… Стал молиться отец Алексей, просил вразумить, правильно ли поступил: одним детям помог, других без хлеба оставил… И вот под вечер, незадолго до праздничной рождественской службы, принесли в храм пакет с деньгами и поминальной запиской. Батюшка был поражен до глубины души и понял ответ на свои сомнения…

Несмотря на все житейские трудности, семья Мечёвых была счастлива. Отец Алексей и матушка Анна любили друг друга и своих детей, и жили они все дружно. Но впереди ждали отца Алексея Мечёва испытания… Матушка Анна Петровна слабела с каждым днем. Отец Алексей делал все, что мог, чтобы спасти ее. К этому времени он уже был в состоянии отправить ее укрепить здоровье в Крым, однако это не помогло. К тому же они продолжали жить в сыром, гнилом доме, что тоже усугубляло болезнь. Анне Петровне стало настолько плохо, что она попросила мужа похлопотать о переводе в другой приход, где квартира священника была хотя бы не такой сырой.

Отец Алексей привык к своему храму, сжился с ним, за десять лет службы в нем было столько пережито и столько вознесено молитв… но он, не раздумывая, уступил просьбе больной жены. И попросил сестру Анны Петровны Ольгу Петровну подыскать

приход с более благоустроенным церковным домом.

Но тут у Анны Петровны началась сердечная водянка. Болезнь совсем измучила несчастную. Батюшка горячо молился и каждый раз со страхом уходил в храм, опасаясь по возвращении не застать ее в живых. А вернувшись, первым делом спрашивал: «Жива?»

Анна Петровна жестоко страдала, но жила. И однажды она поняла, что это батюшкины молитвы удерживают ее на земле. И попросила она мужа отпустить ее. Это была ее последняя, самая тяжелая для него просьба. Но и эту просьбу горячо любимой жены выполнил отец Алексей и перестал ее вымаливать. Анна Петровна скончалась 29 августа (ст. ст.) 1902 года.

Самой младшей дочери Ольге было в ту пору шесть лет.

Хоть и не стала смерть Анны Петровны неожиданностью, но потеря любимой жены потрясла отца Алексея. Горько оплакивал он свою разлуку с ней. На похоронах, обливаясь слезами, прерывая надгробное слово едва сдерживаемыми рыданиями, он горестно восклицал: «Как смогу я без тебя воспитывать моих птенцов?..» А когда вернулся домой, да огляделся – совсем затосковал. И ощутил себя одиноким и брошенным… Нет больше рядом подруги и помощницы…

Особенно страдал отец Алексей за детей, оставшихся без матери. И это чувство (вернее, сочувствие) не прошло даже когда они выросли. Сестра Анны Петровны, Ольга Петровна, порой выговаривала батюшке за то, что он балует детей, а он только тихо вздыхал да отвечал: «Молчи, тетка, ведь у них нет матери…»

В первое время после похорон Анны Петровны горе отца Алексея было беспредельно. Однажды в разговоре о значении скорбей он рассказал о себе: «Господь посещает наше сердце скорбями, чтобы раскрыть нам сердца других людей. Так было в моей жизни. Случилось у меня большое горе: лишился я подруги жизни после многих счастливых лет совместной жизни. Господь взял ее, и для меня померк весь свет. Заперся я у себя в комнате, не хотел выходить к людям, изливал свою скорбь перед Господом».

Чтобы поддержать отца Алексея, его добрые прихожане – Алексей и Клавдия Беловы (эта купеческая семья жила в доме № 9 по Маросейке и владела расположенными на его первом этаже продовольственными магазинами), пригласили к себе домой приехавшего тогда в Москву отца Иоанна Кронштадтского. Пригласили они и отца Алексея.

«Вы пришли разделить со мной мое горе?» – спросил отец Алексей. «Не горе твое пришел я разделить, а радость, – ответил отец Иоанн, – тебя посещает Господь; оставь свою келью и выйди

к людям. Только отныне и начнешь ты жить. Ты жалуешься на свои скорби и думаешь – нет на свете горя больше твоего, так оно тяжело тебе. А ты будь с народом, войди в чужое горе, возьми его на себя и тогда увидишь, что твое несчастье мало, незначительно в сравнении с общим горем, и легче тебе станет».

«Послушался я слов отца Иоанна, – вспоминал отец Алексей, – и люди предо мною стали другими. Увидел я скорби в их сердцах и потянулось к ним мое собственное скорбное сердце; в их горе потонуло мое личное горе. Захотелось мне снова жить, чтобы утешать их, согревать их, любить их. С этой минуты я стал иным человеком: я воистину ожил. Вначале я думал, что делаю что-то и уже многое сделал; но после того, как пришлось увидеться с отцом Иоанном Кронштадтским, я почувствовал, что не сделал еще ничего». Отец Алексей превозмог свое личное горе и сумел вновь выйти к людям, к тем, которые так в нем нуждались. Его любовь к покойной супруге не исчезла, она наполнилась любовью к Богу, к людям и принесла много добра…

Время утишило боль утраты, жизнь продолжалась, дел и забот было очень много, но и двадцать лет спустя не забывал он свою любимую подругу: «Вот, мои дети, – сказал он однажды одному из прихожан, – все хорошие ребята, любят, заботятся обо мне, но не могут мне заменить моей покойницы, та все мои слабости знала и их любила…»

И после смерти Анны Петровны он продолжал общаться с ней, с ее любящей душой. Его сын рассказывал, что не раз, предпринимая что-нибудь, вдруг слышал от отца: «Не смей этого делать, покойница не велит тебе этого…»

Это очень странно, но в окружении множества людей – родных, близких по крови или по духу – он иногда чувствовал себя одиноким. «Ты не можешь себе представить, что значит это одиночество…», – говорил он, сдерживая слезы, одной своей духовной дочери, стараясь примирить ее с матерью, одинокой старушкой. А однажды у него вырвалось: «Вы все меня не понимаете, у вас нет ответа…»

После 1917 года настали тяжелые дни. Люди голодали, мерзли, умирали, а простенький, смешной батюшка, похожий на сельского священника, исхудавший и больной, говорил им о милости Божией, о неизменной любви Божией…

К тому времени маросейская приходская община уже была очень большой. Рассказывают, что батюшка, верный себе, давал прихожанам в основном житейские советы: ехать ли в деревню, остаться ли в Москве. Благословлял прихожанок – и они уже не боялись ходить одни по темным улицам, зная и веря, что им ничего плохого не сделают, по молитве батюшки. Во время

проповедей отец Алексей любил читать жития, и все святые у него выходили совсем обыкновенными людьми, со своими слабостями и ошибками. А из примеров их жизни он выбирал разные полезные практические советы. Всеми возможными способами отец Алексей старался помочь людям жить и выживать в тех страшных условиях.

Отец Павел Флоренский писал в 1924 году: «Маросейская община была по духовному своему смыслу дочерью Оптиной пустыни: тут жизнь строилась на духовном опыте. Отец Алексей учил своею жизнью, и все вокруг него жило, каждый по-своему и по мере сил участвовал в росте духовной жизни всей общины. Поэтому, хотя община и не располагала собственной больницей, однако многочисленные профессора, врачи, фельдшерицы и сестры милосердия – духовные дети отца Алексея – обслуживали больных, обращавшихся к отцу Алексею за помощью. Хотя не было своей школы, но ряд профессоров, писателей, педагогов, студентов, также духовных детей отца Алексея, приходили своими знаниями и своими связями на помощь тем, кому оказывалась она потребной. Хотя и не было при общине своего организованного приюта, тем не менее нуждающихся или обращавшихся за помощью одевали, обували, кормили. Члены Маросейской общины, проникая во все отрасли жизни, всюду своею работой помогали отцу Алексею в деле “разгрузки” страждущих. Тут не было никакой внешней организации, но это не мешало быть всем объединенными единым духом».

В 1922 году для Церкви наступили еще более трудные времена. Храмы и монастыри закрывали, духовенство уничтожали – физически. В 1923 году отца Алексея дважды вызывали в ГПУ, но оба раза он вернулся. Больной, еле живой батюшка, после второго посещения ГПУ сказал: «…Они моей одышки испугались, боялись, что умру у них, потому так скоро отпустили…»

Батюшка умер от паралича сердца 9 (22) июня 1923 года. Пережив три революции, первую мировую и гражданскую войны, голод и эпидемии, он не пережил допросов в ГПУ. Умирая, отец Алексей сказал странные слова: что день его похорон станет днем большой радости для Церкви. И предсказал, что могила у него будет не одна.

Оба предсказания его сбылись. На панихиду по отцу Алексею на Лазаревское кладбище совершенно неожиданно приехал патриарх Тихон, которого накануне выпустили из-под ареста. Такая вот была радость. Панихиду отслужил сын батюшки отец Сергий.

А после закрытия в 1934 году Лазаревского кладбища мощи отца Алексея перезахоронили на Введенское (Немецкое)

кладбище. И это он предвидел…

Батюшка Алексей Мечёв не особенно одобрял заумные богословские искания своих духовных детей. Один из прихожан вспоминал: «Если уж очень увлечешься толкованиями и размышлениями, он возьмет за плечо, ласково посмотрит, иногда поцелует, и скажет: “Ишь ты какой. Ты все умом хочешь жить, а ты вот живи, как я, – сердцем”».

В книжке, посвященной жизнеописанию отца Алексея Мечёва, есть замечательные строки: «Действительно, батюшка отец Алексей был – огромное сердце, все проникнутое Богом и в Боге беззаветной любовью к человеку…»

Роза без шипов

Священник Михаил Васнецов и Ольга Полетаева

Эта новелла – о любви в жизни священника Михаила Васнецова. Он был сыном Виктора Михайловича Васнецова, знаменитого русского художника. История его жизни полна потрясений и утрат, но в то же время жизнь его необыкновенно светла.

«Из глубины алтаря Киевского собора святого Владимира Богоматерь несет к молящимся младенца Христа, а он простирает в этот мир свои детские ручки, любя и благословляя его, преобразуя в то же время Своими руками Крест, на котором будет распят». Так написал в своей книге «Русский художник В. М. Васнецов» сын художника, Михаил Васнецов. Написал, по врожденной своей деликатности и скромности, унаследованной от отца, не упомянув о том, что Младенца художник писал с него, полугодовалого Миши, родившегося в октябре 1884 года.

Михаил Васнецов

Еще в раннем детстве Миша, один из пяти детей Васнецовых, выделялся среди них всех огромными своими глазами, взгляд которых был не по возрасту серьезным, а также скромностью и

необыкновенной чуткостью ко всем окружающим его людям. Художник Михаил Васильевич Нестеров, друг семьи Васнецовых, написал как-то, что Миша, любимец отца, «встречается в картинах Виктора Михайловича во всех серафимах и херувимах».

Рос Михаил Васнецов в московском доме Васнецовых и селе Абрамцево, в том самом знаменитом Абрамцеве, где собирался весь цвет тогдашней русской культуры. У Васнецовых часто бывали гости, и тогда устраивались домашние спектакли, декорации к которым писали прославленные художники Серов, Васнецов и Поленов, художественно-литературные и музыкальные вечера… Вокруг Миши всегда царила атмосфера радостного творчества.

Екатерина Васильевна Поленова, дочь художника Василия Дмитриевича Поленова, часто приезжала в Абрамцево к своим родственникам Мамонтовым, которые были очень дружны с Васнецовыми. В книге «Повесть моей жизни» она вспоминает о своей поездке в Абрамцево в 1896 году на Страстной неделе: «… раз приехали наши сверстники братья Миша и Володя Васнецовы. Миша был на три года старше меня. Он уже кончил гимназию с золотой медалью и был на первом курсе Московского университета. На нем была серенькая студенческая тужурка, а я еще ходила в форме гимназистки, училась хорошо и тоже шла на золотую медаль.

Миша присоединялся к моим одиноким блужданиям по парку, серьезно и ласково смотрел на меня своими карими, немного насмешливыми глазами, и серьезно разговаривал со мной…

Помню, что тогда была жажда чего-то большого впереди, подвига… Счастья, счастья любви, и мы оба, охваченные жаждой грядущего, не знали, что “синяя птица” у нас в руках, с нами, что самое большое счастье это молодость, которая проходит быстро, ничем не заменима, но понять это дано человеку лишь тогда, когда она безвозвратно ушла.

Не тогда ли Миша Васнецов спросил:

– Вышли бы Вы за меня замуж?

– Ни в каком случае, – ответила Катя Поленова».

Вряд ли это можно назвать первой любовью, но какое-то чувство несомненно было. Молодость, весна, долгие прогулки, тихие беседы… Юный студент, девочка-гимназистка… Но любви не получилось.

Окончив с золотой медалью гимназию, Михаил Викторович так же блестяще закончил в 1908 году математический факультет, специализируясь по астрономии. (Кстати, первые уроки звездного неба открыл детям дедушка Миши, священник

села Рябово Михаил Васильевич Васнецов.) Отбыв воинскую повинность, Михаил Викторович Васнецов стал преподавать в частных гимназиях. Давалось это ему нелегко: не мог он быть строгим и резким с детьми, особенно с девочками, но дети любили нестрогого, внимательного учителя и его увлекательные рассказы о звездном небе и восходах Луны.

Работал Михаил Васнецов и с трудными, как бы сейчас сказали, детьми – «уличными подростками» двенадцати-шестнадцати лет в учреждении под названием «Детский труд и отдых». «Меня позвали туда, когда собирались поставить на доме астрономическую вышку, – вспоминал позже Михаил Викторович. – Там я познакомился с Ольгой Васильевной. Она была человек с большой энергией и инициативой. Ее специальность была физиология растений. Но она интересовалась всем. Живописи она училась частным образом у разных художников. Вот мы и решили заключить брак». Звучит не очень романтично, но, на самом деле, это случилось не вдруг.

Ольга Васильевна Полетаева родилась 25 апреля 1880 года, была она блестяще начитанна, энергична, интересовалась историей искусства, психологией. И так же, как Михаил, очень любила детей.

Ольга была незаурядной, по-настоящему творческой натурой, духовно сильным человеком. Ее работы по физиологии растений привлекли внимание серьезных ученых. Собранный ею гербарий редких растений на съезде биологов в Вене, куда Ольга Васильевна приехала на деньги, заработанные частными уроками, получил похвальный диплом. Семья Ольги Васильевны была очень религиозная, многодетная. Четырем своим дочерям и единственному сыну родители стремились дать хорошее образование. Ольга Васильевна окончила частный институт Черняевой и естественное отделение Высших женских курсов в Москве. Позднее, уже после замужества (оно состоялось 25 июня 1911 года), Ольга Васильевна продолжала педагогическую деятельность в Коммерческом училище. Она написала две книги с изложением своей творческой педагогической методики.

В 1912 году семья молодых Васнецовых переехала в Одессу, где Михаил Викторович получил место в Астрономической обсерватории. Но грянула война 1914 года, и молодого астронома призвали на службу. Михаил Викторович вспоминал: «Сперва я был в запасном полку в Одессе, а потом удалось получить место преподавателя метеорологии в Авиационной школе в Киеве». Это было уже в 1916 году.

Об этом же киевском периоде вспоминала и Екатерина Поленова в уже упоминаемой книге «Повесть моей жизни»:

«Весною 1917 года мы устраивали выставку наших работ в Киеве. Я жила в общежитии Земского союза с нашими сотрудниками и медицинскими сестрами. Не помню, кто позвал меня с собой в гости в семью друга моего отца…

Вероятно, шли пасхальные дни, было довольно много народа, и вдруг среди этих чужих людей я увидела родных и знакомых товарищей моей юности – Мишу и Володю Васнецовых. Мы очень обрадовались неожиданной встрече и пошли гулять по Киеву. Миша, уже женатый, был в форме прапорщика, Володя – тоже в военной форме. Мы веселились и смеялись без причины. Может быть, оттого, что были еще молоды, весенний вечер был дивно хорош, над Днепром распускались и зацветали деревья, веяло теплом и жизнью, а грозное будущее было от нас сокрыто…

Миша очень тяготился военной службой, грубостью офицеров с солдатами, нецензурной руганью. Все это было так чуждо его тонкому душевному складу…»

В августе 1917 года Авиационную школу летчиков-наблюдателей перевели в Крым, в Евпаторию, но началась смута и неразбериха – петлюровцев сменяли махновцы, махновцев – гетмановцы, за ними приходили другие «властители» и «освободители». В 1918 году пришли немцы. И Школа была закрыта. Считая себя демобилизованным, Михаил Викторович с женой возвратился в Одессу. Жили они трудно, но 14 октября 1918 года родился у них сын Виктор. Примерно в это же время молодую чету и маленького внука навестил в Одессе Виктор Михайлович Васнецов. Это была последняя встреча сына с отцом.

В 1920 году Михаил снова был призван в армию и к моменту эвакуации «белой гвардии» находился в полку. Все происшедшее с ним он вспоминал впоследствии как сон, когда человек лишен своей воли и совершает поступки, которых в иных обстоятельствах не совершил бы никогда. Шла погрузка. Однополчанам Михаила Викторовича было приказано разделиться на две части: остающихся и покидающих Родину. Остающимся предлагали переодеться батраками, чернорабочими и «затеряться». В Одессе у Михаила Васнецова жили жена и сын, уезжать он не собирался и присоединился к остающимся. Но при команде покидающим грузиться на пароход, будто неведомая сила толкнула Михаила Викторовича подняться по трапу французского угольщика…

Пароход отошел, берега Родины постепенно исчезли за горизонтом, и только тогда в сердце вошло сознание безысходной горечи и отчаяния. На третьи сутки вдали засияли купола Святой Софии. На палубе служили всенощную.

– Аще и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты

со мною еси… – услышал Михаил Викторович слова службы, вспомнил деда-священника… После горячей молитвы уже не только надежда, но и уверенность, что все случилось по воле Божией, не покидали его. Много позднее он узнал, что почти все его оставшиеся на Родине товарищи-однополчане погибли: были расстреляны или умерли в лагерях и ссылках.

«События привели к тому, что я должен был покинуть и семью и родину, – вспоминал Михаил Викторович. – Но Господь обо мне позаботился (по молитвам родных). В 1924 году я встретился с семьей в Праге».

Ольга Васильевна неожиданно осталась совсем одна с больным сыном на руках, без денег, в бушующем вокруг хаосе и разгроме. С огромным трудом, но она все же добралась в Москву к сестре. К несчастью, сестра оказалась в больнице, и Ольга Васильевна стала жить с сыном у свекра и свекрови. Знакомый профессор взял ее на работу в Сельскохозяйственный институт, где она блестяще работала. В 1924 году Ольга Васильевна получила, наконец, разрешение на выезд…

Михаил Викторович встретился с семьей в Праге на съезде молодых ученых. Спускаясь утром по лестнице отеля «Беранек», где проходил съезд, он неожиданно увидел Ольгу и сына…

Описать счастье сложно, скажем только – они были счастливы.

Михаил Викторович преподавал в Пражском университете астрономию, писал научные статьи; Ольга Васильевна занималась прикладным искусством: делала вышивки, панно, деревянные скульптуры, куклы, игрушки. Работала она в обществе «Русский кустарь», где часто с большим успехом проходили ее выставки, и в разных благотворительных организациях. Прага в то время была огромным центром русской эмиграции, беженцев было много; Ольга Васильевна, не жалея сил, с радостью помогала всем, чем только могла и умела. В свободное время всей семьей выезжали на природу, отпуск проводили на побережье Адриатики. Сын учился блестяще, в семье царило согласие и полное взаимопонимание. И потому для маленькой и дружной семьи не было неожиданным решение Михаила Викторовича посвятить свою жизнь служению Божьему. Ольга Васильевна полностью разделяла его чувства и стремления.

В 1932 году Михаил Викторович был рукоположен в дьяконы, а в 1933 получил сан священника.

Новая жизнь, новое служение начиналось трудно. Служил отец Михаил священником православного Пражского собора или, точнее, церкви Святого Николая, принадлежавшей русской православной общине Праги еще с 1870 года.

Освящение этого крупнейшего в Чехии русского храма состоялось 6 августа 1874 года. Прихожан православных всегда было очень много, среди них большее количество составляли русские эмигранты и новообращенные чехи. Положение изменилось после 1914 года. В церкви произошел внутренний раскол, прихожане разделились на две группы: православных чехов и собственно русских. Шли раздельные службы. Право пользования церковью перешло к чехам, и они «дозволяли» русским совершать богослужения.

В таких условиях новому священнику русской общины пришлось очень сложно. Отец Михаил жил с семьей в маленькой квартире, рядом с неверующими соседями, которые устраивали перебранки и пьяные дебоши. В крошечной и шумной квартирке сыну отца Михаила Виктору было невозможно заниматься, и он поселился отдельно.

Прошло более десяти лет счастливой семейной, но сложной «в миру» жизни. И вот в 1945 году, после входа войск советской армии в Чехословакию, случилось странное – пропал Виктор. Возможно, он был арестован, а затем насильно отправлен на родину и отбывал срок в лагерях… Родители долгое время считали его погибшим. Из-за всех пережитых потрясений у Ольги Васильевны развилась тяжелая болезнь – склероз мозга, медленно и мучительно ведшая ее к могиле. Верные прихожане помогали отцу Михаилу – как могли ухаживать за тяжелобольной матушкой Ольгой. Одна из прихожанок, совсем молоденькая Лена Мусатова, стала ему помощницей во всем.

А несчастная Ольга Васильевна умирала. Не помогла ей и весть о том, что ее Витя жив, что он здоров, женился, имеет сына, живет в Киеве. Ничто уже не могло вернуть здоровье и разум его угасающей матери. Ольга Васильевна скончалась в Праге 27 июля 1961 года.

Многочисленная паства отца Михаила по-прежнему несла ему свои горести и радости, он много преподавал в воскресной школе, имел многочисленных духовных сыновей и дочерей. Лена Мусатова, ставшая духовной дочерью отца Михаила, поселилась у него и вскоре взяла на себя все заботы о церкви и об отце Михаиле, которому в то время было немало лет…

В 1970 году отец Михаил писал:

«Господь послал мне Лену, не только чтобы она обо мне заботилась, но и для того, чтобы своим примером еще сильнее укреплять во мне веру».

А в следующем 1971 году он писал одной своей доброй знакомой:

«Я стал совсем стариком. Мне уже исполнилось 87 лет. Все

становится мне трудно. Бываю на всех богослужениях в нашей домовой церкви. Но служу редко и всегда с другим священником. Моя добрая помощница Лена заботится обо мне, как не всякая о родном отце. Но полдня она должна работать в библиотеке, и я часто остаюсь один. Читать мне трудно из-за глаз. Читаю только молитвенник. Или вот пишу письма. Господь помогает…»

Когда отец Михаил приезжал в Россию в 1957 году, он повидался и с Екатериной Поленовой, подругой далекой юности… Как не походил этот тихий седобородый старец на прежнего Мишу Васнецова, которого помнила Катя… Вот только глаза остались прежние: пронзительные, задумчиво-грустные, глаза Младенца-Христа с алтарной росписи Киевского собора святого Владимира…

При той встрече отец Михаил Васнецов и дал ей совет: написать книгу воспоминаний. А в 1967 году, в Праге, он получил рукопись книги с дарственной надписью: «Другу моей юности»…

Жизненный путь отца Михаила приближался к своему земному пределу, и он мог подвести итог: мирское отошло в прошлое, и лишь одна только радость – от полноты жизни, полноты служения Богу и ближним своим – наполняла его, была в его руках розой без шипов…

Радость эту поддерживали и встречи с любимым сыном, который трижды приезжал в Прагу навестить его; и страницы законченной книги об отце, художнике Викторе Васнецове и усадьбе Абрамцево; и, конечно же, память… память о добрых людях, о добрых делах…

Отец Михаил скончался 3 января 1972 года в Праге. Похоронен он на кладбище церкви Успения Пресвятой Богородицы, носящем название Ольшанское: от обилия ольхи на его аллеях.

«Любовь Лизы не ищет царств…»

Мать Мария и Александр Блок

Ее можно было назвать «странной монахиней», она постоянно конфликтовала с официальной Церковью. Она умела столярничать и плотничать, малярничать и шить, писать иконы, печатать на машинке, полоть огород и доить коров. Она любила физический труд, не терпела белоручек, презирала комфорт, могла сутками не есть и не спать, отрицала усталость, обожала опасность. Она вела жизнь не только суровую, но и деятельную: объезжала больницы, тюрьмы, сумасшедшие дома… Она сама мыла полы и красила стены в квартире на улице Лурмель в Париже…

У нее была одна только слабость – стихи, которые она писала сама, и стихи Блока, которые она часто читала вслух.

Не потому ли, что любовь к нему была самой яркой страницей ее жизни?

Елизавета Юрьевна Пиленко происходила из интеллигентной дворянской семьи. Один из далеких предков ее был последним комендантом Бастилии, он участвовал в наполеоновском походе, попал в плен и остался в России. Родилась Лиза в 1891 году в Риге. Детство ее прошло близ Анапы, в имении отца. Здесь Лиза часами наблюдала за археологическими раскопками курганов. Впечатлительная девочка, почитательница поэзии Бальмонта, об увиденном слагала стихи. Первый сборник начинающей поэтессы вышел в 1912 году и назывался «Скифские черепки».

Елизавета Пиленко

В 1905 году семья переехала в Ялту, поскольку отца назначили директором Никитского ботанического сада. Его неожиданная смерть стала страшным ударом для экзальтированной, утонченной Лизы, повергла ее в депрессию. После смерти мужа Софья Борисовна Пиленко уехала с дочерью в Петербург, к своей сестре, фрейлине царского двора. Лиза часами бродила по туманному, загадочному городу, и в ее голове непрестанно звучали стихи, которые она услышала на литературном вечере в каком-то реальном училище. А еще ее поразил их автор – красивый молодой человек, с безразличным лицом и странной фамилией – Блок. Постепенно к Лизе приходила уверенность, что этот поэт – единственный человек на земле, который поможет унять ее душевную смуту. Она нашла его адрес и пошла на Галерную, 41, в маленькую петербургскую квартиру, не особенно представляя, зачем она делает это… В первый раз Лиза не застала хозяина дома, во второй – тоже, но когда в третий раз оказалось, что Блок отсутствует, она решила не уходить до победного конца.

Александр Блок

И вот он появился «в черной широкой блузе, с отложным воротником… очень тихий, очень застенчивый. – Воспоминания об этой встрече сохранила лишь Лиза. – Мы долго говорили. За

окном уже темно. Вырисовываются окна других квартир. Он не зажигает свет… Я чувствую, что около меня большой человек, что он мучается больше, чем я, что ему еще тоскливее, что бессмыслица не убита, не уничтожена. Меня поражает его внимательность, какая-то нежная бережность. Мне большого человека ужасно жалко. Я начинаю его утешать, утешая и себя. Странное чувство. Уходя с Галерной, я оставила часть души там…»

Ей, конечно, хотелось, чтобы и поэт увлекся ею, чтобы он испытывал те же чувства, какими наполнилась она сама. «…Это не полудетская влюбленность. На сердце скорее материнская встревоженность и забота. А наряду с этим сердцу легко и радостно. Хорошо, когда в мире есть такая большая тоска, большая жизнь. Большое внимание, большая, обнаженная, зрячая душа». Эти слова написаны уже взрослой Елизаветой Юрьевной в 1936 году, в ее воспоминаниях об Александре Блоке (они впервые были опубликованы в Париже в «Современных записках» № 62). А в пору их первой встречи ей было немногим более пятнадцати, и Блок ей показался страшно взрослым – «ему, наверно, лет двадцать пять»…

Через неделю Лиза получила синий конверт, в который были вложены стихи Блока: «Когда вы стоите на моем пути…» Она с волнением прочитала стихи и… страшно обиделась.

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту —
Что же? Разве я обижу вас?

О, нет! Ведь я не насильник,
Не обманщик и не гордец,
Хотя много знаю,
Слишком много думаю с детства
И слишком занят собой.
Ведь я – сочинитель,
Человек, называющий все по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка.

Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте о концах и началах,

Все же, я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и небе.

Право, я буду рад за вас,
Так как – только влюбленный
Имеет право на звание человека…

Лиза Пиленко была в отчаянии: ее просто убил «поучающий тон» стихотворения – он считает ее ребенком! Очевидно, Блок не понял и не оценил всю силу и глубину ее чувства! И, кажется, его напугала любовь этой девочки – такой необычной, не похожей на других, девочки, чья душа способна на огромные чувства! Люди порой пугаются великой любви. Даже великие люди…

Через два года, в 1910 году, Лиза вышла замуж за Дмитрия Владимировича Кузьмина-Караваева, юриста, друга поэтов и декадентов различных мастей. Молодых людей сблизила не любовь и не страсть (о чем говорит их недолгая совместная жизнь, в которой не нашлось места теплу, обычным семейным радостям, детям). Их объединило увлечение модными поэтическими и философскими течениями, а главным образом, стремление к богемному образу жизни. Дмитрия Владимировича принимали в самых рафинированных, эстетических домах Петербурга, он-то и ввел свою молодую жену в круг выдающихся представителей Серебряного века. Однажды, на вечере, посвященном памяти философа Владимира Соловьева, в Тенишевском училище ее муж, желая порадовать Лизу, предложил ей познакомиться с четой Блоков. Лиза решительно отказалась, чем удивила Дмитрия Владимировича. Однако он, по-видимому, не отличался особенной чуткостью и настоял на своем. Он подвел к Лизе, забившейся в уголок дивана, Александра Александровича Блока и его жену Любовь Дмитриевну Менделееву. Лиза в первую же секунду поняла – Блок узнал ее!..

Через несколько дней Лиза с мужем обедали у Блоков. У них оказалась масса общих знакомых, которые их как бы соединяли. Для нашей героини начался самый смутный период жизни. Ее любовь становилась тем мучительнее, чем чаще они встречались. А встречались они часто. Бывало, Кузьмина-Караваева проводила

у Блока целый день, а иногда засиживалась и до утра. Чаще всего они сидели в разных углах комнаты, точно боясь приблизиться друг к другу. «Он у стола, я на диване у двери», – пишет она в своих воспоминаниях. Они много говорили о трагичности человеческих отношений, о стихах, о смысле жизни. Между ними установилась какая-то особенная духовная близость. И, вместе с тем, было что-то недосказанное, непонятное, что мучило Лизу, не давало ей покоя. Эти душевные страдания усугубились и тем, что ее первый сборник стихов решительно не понравился Блоку. Лиза снова обиделась и бежала из Петербурга; бежала от непонимания единственного любимого человека, от той предреволюционной, предкатастрофической истомы, которая овладевала столицей, бежала от постылого мужа – в свое имение, в Анапу.

Ей казалось, что от любви можно убежать, спрятаться… Хотя сердцем, умным, чутким сердцем она понимала – Блок дан ей на всю жизнь, дан как радость и как мучение. Всю жизнь она будет думать о нем и помнить о нем. Вот отрывок одного из ее писем Блоку, оно написано в 1912 году и прислано в Петроград из немецкого городка Наугейма. Здесь когда-то был Блок, здесь он писал стихи своей будущей жене, с этим городком для него многое связано. Теперь сюда (специально, по следам его) приехала Лиза.

«Мне хочется написать вам, что в Наугейме сейчас на каштанах свечи зажглись, что… воздух морем пахнет, что тишина здесь ни о жизни, ни о смерти не знает… Очень хочу порадовать Вас, прислать Вам привет от того, что Вы любили…»

Наугейм – это город стихов, мыслей и чувств Блока! Пройти по улицам, по которым ходил он, прикоснуться к этим стенам, которых касался он, – это для нее самая большая радость. Все, что он любил, все, где он был, все, что он видел – все священно! Великая Любовь озарила жизнь Лизы. Великая – и неразделенная. Она писала ему (уже из Москвы): «Когда я была у вас еще девчонкой, я поняла, что это навсегда…»

В 1920 году Кузьмина-Караваева уехала на Запад. Было у нее еще одно замужество – и тоже не по большой любви. Она старалась, правда, уверить себя, что это – любовь, пусть земная, пусть не возвышенная, но настоящая. Но время показало обратное…

В Париже, где Елизавета Юрьевна жила с 1923 года, ее христианское мировоззрение постепенно приняло законченную, цельную форму. Она опиралась на философию Владимира Соловьева, на мысли Николая Бердяева… А что касается ее личной жизни, то рядом по-прежнему витала тень Блока, смерть которого Елизавета Юрьевна очень тяжело пережила вдали от

родины. Стремление принести себя в жертву одному любимому человеку переродилось у нее в жажду общечеловеческого подвига.

Она стала миссионеркой «Христианского движения» – религиозной организации, которая помогала нуждающимся русским эмигрантам. Елизавета Юрьевна разъезжала по всей Франции, встречалась с соотечественниками, читала лекции, выслушивала обиды и нужды, часто сама принимала живейшее участие в судьбах этих обездоленных людей.

В 1932 году, после церковного развода со вторым мужем, она приняла монашеский сан под именем Марии (в честь святой Марии Египетской). Летом 1935 года ее дочь Гаяна, убежденная коммунистка, вернулась в Россию, в Москву, где летом 1936 года умерла от сыпного тифа.

Еще в ноябре 1913 года Елизавета Юрьевна писала Александру Блоку: «Иногда любовь к другим – большая, настоящая любовь, заграждала вас, но все кончалось всегда… Глупо кончалось, потому что – вот Вы есть. Когда я была в Наугейме, это был самый большой перелом, самая большая борьба, из чего я вышла с Вашим именем. А потом были годы совершенного одиночества. Дом в глуши, на берегу Черного моря… И были Вы, Вы. Потом к земле как-то приблизилась; и снова человека полюбила! Полюбила по-настоящему, а полюбила потому, что знала, что Вы есть. И теперь, месяц тому назад, у меня родилась дочь – ее назвала Гаяна – земная, и я радуюсь ей, потому что – никому неведомо – это Вам нужно…»

Жизнь мучила ее испытаниями. Но они не сделали ее ни жестокой, ни бессердечной. Напротив, сердце ее всегда было открыто для других. Она сделала очень много добра, эта женщина, которую все называли «мать Мария». Ее настоящее имя Лиза, ее петербургская юность и даже, казалось, любовь к Блоку канули в прошлое… Но нет! Так не бывает. В нашей жизни всегда есть некий негасимый светоч, который – даже разлучись мы с ним навек – продолжает согревать и освещать наш путь. Этим негасимым светочем для матери Марии был Блок, ее любовь к нему, теперь перешедшая на все сущее, на каждого из встреченных людей!

Вот что писал о матери Марии отец Александр Мень: «…в духовном и нравственном опыте будущей матери Марии возникает ощущение всеобщего материнства – она пережила его, сидя у постели умирающей девочки. Для нее страдание мира стало чем-то, что должно искупить, в чем должно участвовать. Я бы сказал, что во всей религиозной философии последнего столетия никто так внутренне не пережил тайну Голгофы, тайну Гефсиманской ночи, тайну Искупления, тайну сопричастности

страданию, как Елизавета Юрьевна…»

Она утверждала, что забота о ближнем есть величайший нравственный долг человечества, человека, и Церкви в том числе. Она твердо опиралась на Евангелие, и для того, чтобы осуществить свои убеждения на деле, она начала уже не просто «ходить в народ», а спустилась в самый ад русской эмиграции. А это и впрямь был ад: люди, потерявшие все, часто – близких, почти всегда – имущество, потерявшие родину, свой дом, профессию, многие совершенно опустились, огромное большинство нищенствовали, и почти все были озлоблены.

В своих воспоминаниях мать Мария описала один случай: пошла она однажды к каким-то рабочим из эмигрантов и завела с ними беседу, а один из них мрачно сказал: «Чем с нами беседы проводить, лучше бы вымыли нам полы», и она не обиделась, она поняла вдруг правоту этих слов, немедленно повязала что-то вместо фартука и начала скоблить и скрести их грязную лачугу. И видя это, рабочие смутились, ушло их недовольство, и они пригласили ее к обеду. Мать Мария сидела с ними за столом и тут поняла, что служить людям надо полностью, до конца. Она поняла, что только так можно жить, что нельзя жить наполовину, вполсилы, – только до конца…

Она создала небольшой центр социальной помощи «Православное Дело», и всей душой отдалась своему делу.

В 1932 году трудно было найти для нее положенный уставом монашеский подрясник, нашли только мужской, от какого-то сбежавшего монаха. Мать Мария со смехом говорила, что надо эту старенькую одежду освятить, раз у нее такая печальная история. И только позднее она смогла раздобыть себе настоящий монашеский апостольник и прочее положенное облачение.

Один из эмигрантов, Юрий Терапиано, писал: «Приняв монашество, мать Мария не захотела уединиться в созерцательной жизни, отмежеваться от “мира”. Напротив, с удвоенной энергией, она стала бороться с горем и злом в мире, не щадя себя, забывая о себе, отдавая себя до конца делу помощи ближнему. В этом она чувствовала свою особую дорогу, крест, данный ей».

Мать Мария выбрала монашество в миру, и «шла в мир, сочетая пророчество и материнство».

Она создала приюты для девушек, для нищих с дешевой столовой, для которой сама доставала продукты и готовила. С раннего утра мать Мария в своем апостольнике ходила по рынку, собирала остатки капустных листьев, и всяческими путями старалась добыть пропитание для приютов.

Мать Мария была многосторонним человеком, все умела, у

нее были золотые руки: она не только стряпала и не боялась грязной работы. На улице Лурмель в Париже ею была оборудована церковь: и роспись стен, и стекол, и вышитые гладью панно – все было сделано ее руками. Не оставляла она и писательского труда, и продолжала писать стихи. Ее поэзия этого периода – целиком философская. Главная мысль: христианин – это человек, воплощающий в себе Христа; а такой человек должен отдавать себя целиком служению людям. И это были не пустые слова. Приняв постриг, мать Мария сказала: «Ну, теперь время для деклараций кончилось». Дело в том, что когда в революционные годы она пожертвовала свое имение под Анапой народу и кто-то ее спросил: «Почему вы это сделали?» – она сказала: «Это красивый жест». Теперь было не до красивых жестов, оставался только труд, непрерывный труд.

И с каким весельем, с какой энергией, с каким остроумием и с каким отсутствием ханжества она все делала! И литературные труды ее, и стихи, и философские работы были не пустым теоретизированием, не заумной, заоблачной философией, а выкристаллизованным опытом души самоотверженного человека.

В одном из писем Александру Блоку Елизавета Кузьмина-Караваева писала (весной 1916 года): «Когда я думаю о Вас, всегда чувствую, что придет время, когда мне надо будет очень точно сказать, чего я хочу. Еще весной Вам казалось, что у меня есть только какая-то неопределенная вера. Я все время проверяла себя, свои знания и отношения к Вам – и не додумалась, а формулировала только… Если я люблю Ваши стихи, если я люблю Вас, если мне хочется Вас часто видеть, то это все не главное, не то, что заставляет меня верить в нашу связанность. И Вы тоже знаете, что это не связывает “навсегда”, ничего не разрушая и не меняя обычной жизни, существует посвященность, которую в Вас я почувствовала в первый раз. Я Вам лучше так расскажу: есть в Малой Азии белый дом на холмах… И там живет женщина, уже не молодая, и старый монах. Часто эта женщина уезжает и возвращается домой не одна: она привозит с собой указанных ей, чтобы они могли почувствовать тишину… В белом доме они получают всю силу всех: и потом возвращаются к старой жизни, чтобы приобщить к своей силе и других людей. И все это… связывает и не забывается никогда. Я знаю, что Вы будете в доме; я верю, что Вы этого захотите…»

Уже тогда, в шестнадцатом году, она словно предчувствовала свою судьбу: давать силы другим. Давать потому, что у нее самой этих сил очень много. Ведь человек, который любит, – силен невероятно, несказанно, истинно!

Надо признать, что некоторые православные люди смотрели

на мать Марию с недоверием и насмешкой. Кто-то даже считал ее сумасшедшей, чудачкой и обвинял в том, что она позорит монашескую одежду и общается с сомнительными и отверженными личностями. Был такой случай: одна девочка попросила мать Марию дать примерить ее монашескую одежду. Мать Мария со смехом дала, хотя, возможно, такое и не принято. Обе были довольны – и девочка, и монахиня.

Она работала в Центре духовной и материальной помощи. При Центре была церковь, и там служил ученый монах отец Киприан Керн, суровый сторонник строгих традиционных правил. Он был в ужасе от того, что творила эта женщина! Им было необыкновенно тяжело вместе, ведь поведение матери Марии всегда было удивительно непосредственным, а порой и просто непредсказуемым. Она строила свою жизнь не по канонам. А по велению души!

В скором времени ей стало легче, потому что вместо отца Киприана Керна (кстати, это был родственник пушкинской Анны Керн) пришел отец Дмитрий Клепинин, молодой священник, 1904 года рождения, сын архитектора и брат погибшего в России в 1939 году историка Клепинина. Жизнь подарила матери Марии единомышленника, ибо отец Дмитрий Клепинин был человеком глубокой веры, необыкновенно нежного сердца, твердых убеждений, всецело разделяющий воззрения этой «странной» монахини. Он содействовал ее работе в «Православном Деле», ее бесконечной заботе о страдающих, он стал ее незаменимым помощником, духовным руководителем, а также и ее сомучеником, ибо погиб в том же концлагере, где и она.

В 1916 году Елизавета Кузьмина-Караваева писала Александру Блоку: «Мне никогда ни к кому не стать так близко, как к Вам. Будто мы все время в одной комнате живем, будто меня по отдельности нет…

Вы должны вспомнить, когда это будет нужно, обо мне, прямо взаймы взять мою душу. Ведь я же все время, все время около Вас. Не знаю, как сказать это ясно; когда я носила мою дочь, я ее меньше чувствовала, чем Вас в моем духе…»

Духовное родство порой выше кровного. Духовное родство – вершина человеческого счастья. Дух сильнее плоти. Она всегда это знала.

В годы войны против фашистской Германии мать Мария и отец Дмитрий стали активными участниками Сопротивления. Уехав из России, отец Дмитрий и мать Мария никогда не теряли любви к своему Отечеству. Однажды в приюте кто-то сказал, что при наступлении немцев погибло столько-то тысяч советских солдат, и один из присутствующих заметил: «Это еще мало». И

тогда мать Мария сказала: «Убирайтесь вон, а адрес гестапо вам известен». Она всегда открыто верила в победу над фашизмом. Сотни евреев, спасаясь от гестапо, обращались к матери Марии за помощью, и никому она не отказывала: им выдавали свидетельства о принадлежности к православному приходу, их укрывали, тайно переправляли в провинцию. В 1942 году, во время страшного еврейского погрома, тысячи евреев вместе с детьми загнали на стадион, мать Мария пробралась туда и спасла несколько детей.

Еще в 1941 году она писала, что во главе избранной «расы господ стоит безумец, параноик, место которому в палате сумасшедшего дома, который нуждается в смирительной рубашке, в пробковой комнате, чтобы его звериный вой не потрясал вселенной». И в конце концов мать Марию вместе с сыном Юрием и отца Дмитрия арестовали – это было в 1943 году. Их отправили в концлагерь Равенсбрюк.

По воспоминаниям узниц, мать Мария никогда не пребывала в удрученном настроении, никогда не жаловалась, любое издевательство переносила с достоинством и всегда помогала другим. К ней, как и на воле, по-прежнему шли те, кто не в силах был больше терпеть мучений. Она помогала десяткам людей. И все время рядом с ней был Блок… Мысленно… Незримо…

Однажды Елизавета Кузьмина-Караваева писала Александру Блоку: «Мой дорогой, любимый мой, после Вашего письма я не знаю, живу ли я отдельной жизнью, или все, что “я”, это в Вас уходит. Все силы, которые есть в моем духе: воля, чувство, разум, все желания, все мысли – все преображено воедино, и все к Вам направлено. Мне кажется, что я могла бы воскресить Вас, если бы Вы умерли, всю свою жизнь в вас перелить легко. Любовь Лизы не ищет царств! Любовь Лизы их создает и создает реальные царства, даже если вся земля разделена на куски и нет на ней места новому царству. Я не знаю, кто Вы мне. Сын Вы мне, или жених, или все, что я вижу, и слышу, и ощущаю. Вы – это то, что исчерпывает меня…»

Когда умеешь любить так одного человека, то умеешь любить весь мир. Потому что он – часть этого мира.

В лагере Равенсбрюк она переводила на французский язык русские песни и пела их с заключенными. Она ухаживала за больными и делилась со слабыми своим скудным пайком. Мать Мария подружилась с советскими девушками, бывшими в заключении, и часто беседовала с ними. Однажды к ним подошла эсэсовка и больно стегнула одну из девушек хлыстом по лицу. Мать Мария продолжала говорить с девушкой, словно не было рядом озверевшей надзирательницы. И взбешенная эсэсовка

жестоко избила монахиню, а та не удостоила ее и взглядом.

Часто она читала узникам стихи. Разные, но чаще – Блока:

Ну что же? Глумитесь над непосильной задачей
И веруйте в силу бичей,
Но сколько ни стали б вы слушать ночей
Не выдам себя я ни стоном, ни плачем.

В лагере погиб ее сын Юра. И верный друг и помощник – священник отец Дмитрий Клепинин.

Последней работой матери Марии в концлагере была икона, которую она вышивала и которую не успела закончить… Когда освобождение было уже близко, мать Мария пошла в газовую камеру вместо одной русской девушки, обменявшись с ней курткой и номером…

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая…

Из письма Елизаветы Кузьминой-Караваевой Александру Блоку:

«…Вы не заблудитесь, потому что я все время слежу за Вашей дорогой, потому что по руслу моему дойду до Вашего русла… Мне хочется благословить Вас, на руках унести, потому что я не знаю, какие пути даны моей любви, в какие формы облечь ее…

Господь Вас храни, родной мой. Примите меня к себе, потому что это будет только исполнение того, что мы оба давно знаем…»

Философское и богословское наследие матери Марии невелико, но до сих пор оно даже не собрано воедино. «Задача сегодняшнего и завтрашнего дня, – писала она, – создание новой утопии, но в хорошем смысле слова, которая бы соединяла в себе небо и землю». Ей была близка идея «богочеловечества»: человек призван стать богочеловеческим существом, чтобы в нем освятились и плоть, и дух.

«Мы – несовершенные люди, но мы не духи, мы связаны всеми своими нитями с природой, которая тоже создана Богом, пусть она падшая природа, пусть она извращена, но она богосозданна – создана Богом. Перед человеком, перед его внутренней, духовной жизнью стоит огромная задача освящения бытия. Кроме того, полный аскетизм внутри невозможен для социального строительства. Она утверждала, что социальное действие, забота о ближнем есть величайший нравственный долг… человека…» – это снова слова отца Александра Меня. И

дальше он говорит: «Русская религиозная философия не была никогда камерной, кабинетной, оторванной от жизни, отвлеченной. Все ее представители были мужественными свидетелями Истины, исповедниками Евангелия, все они так или иначе вступали в борьбу в жизни, все они запечатлели – каждый по-своему – свои взгляды не только на бумаге, но и в жизни. Они были святыми нашей культуры, не канонизированными, но действительно образцами, на которые могут равняться нынешнее и будущие поколения. Отдать себя до конца вот и есть совершить евангельский подвиг. Только этим спасается мир».

Мать Мария отдала себя людям всю без остатка и не жалея об этом. «С Богом не страшны ни грядущая смерть, ни мучения…»

Но все же свет земной ее любви – любви к великому поэту, пусть даже чувство это было безответным и несбывшимся – безусловно оставил глубокий след в этой прекрасной душе.

Из последнего письма Елизаветы Кузьминой-Караваевой Александру Блоку из Петербурга (4 мая 1917 года):

«Дорогой Александр Александрович, теперь я скоро уезжаю, и мне хотелось бы перед отъездом Вам сказать вот что: я знаю, что Вам скверно сейчас; но если бы Вам даже казалось, что это гибель, а передо мной был бы открыт любой другой самый широкий путь, – всякий, всякий, – я бы все же с радостью свернула с него, если бы Вы этого захотели, зачем – не знаю, может быть, просто всю жизнь около Вас просидеть…»